

Русский язык в городах России и зарубежья

**Белгород, Пермь, Новозыбков,
Славянск-на-Кубани, Витебск**

под редакцией В.И. Теркулова

Донецк 2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Донецкий государственный университет

Русский язык в городах России и зарубежья

Белгород, Пермь, Новозыбков, Славянск-на-Кубани, Витебск

Монография

Под редакцией В.И. Теркулова

Электронное текстовое издание

Донецк

Издательство Донецкого государственного университета

2025

УДК 811.161.1'282
ББК Ш12=411.2*671
P894

Издание осуществлено за счёт средств субсидий на выполнение государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКР 124051400024-1).

Рекомендовано к изданию Учёным советом Донецкого государственного университета, протокол № 15 от 02.12.2025

Рецензенты:

Головачева Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Оглезнева Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и специальных дисциплин для иностранных граждан. Институт международных связей и интернационализации образования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Томский государственный архитектурно-строительный университет».

Авторский коллектив: В. И. Теркулов, Н. Ф. Алефиренко, М. Ю. Беляева, Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, И. П. Зайцева, С. А. Кошарная, С. Н. Стародубец, И. И. Чумак-Жунь, М. М. Голикова, С. М. Пронченко, А. С. Титова, Д. А. Черемохина, Р. Ф. Агошкова, О. Е. Гаврещак, К. Н. Кириченко, Д. А. Кукса.

P894 Русский язык в городах России и зарубежья: Белгород, Пермь, Новозыбков, Славянск-на-Кубани, Витебск [электронный ресурс]: монография / В. И. Теркулов [и др.]; под редакцией В. И. Теркулова; ФГБОУ ВО «ДонГУ». — Донецк: ДонГУ, 2025. — 119 с. — <http://repo.donnu.ru:8080/jspui/handle/123456789/5235>.

ISBN 978-5-00262-019-7

Монография открывает серию изданий, посвящённых структурному, социолингвистическому, лингвокультурологическому и психолингвистическому описанию русского языка в рамках проекта «Русский язык в городах Российской Федерации и зарубежья». Такой подход к изучению истории и актуальных особенностей регионального русского определяется как лингвоурбанистический. В данном издании представлено лингвоурбанистическое описание русского языка в Белгороде, Перми, Новозыбкове, Славянске-на-Кубани, Витебске учёными — представителями учебных заведений, расположенных в этих городах.

Монография предназначена для ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, краеведов, школьных учителей, всех, кто интересуется живым русским языком в его региональном воплощении.

ISBN 978-5-00262-019-7

УДК 811.161.1'282
ББК Ш12=411.2*671

© Авторы и редактор
© ДонГУ, 2025

Оглавление

ЛИНГВОУРБАНОЛОГИЯ. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ (В. И. ТЕРКУЛОВ).....	5
ГЛАВА 1. БЕЛГОРОД (Н. Ф. АЛЕФИРЕНКО, С. А. КОШАРНАЯ, И. И. ЧУМАК-ЖУНЬ, Д. А. ЧЕРЕМОХИНА, А. С. ТИТОВА, М. М. ГОЛИКОВА)	9
1.1. НАЗВАНИЕ ГОРОДА	9
1.1.1. <i>Официальный астионим — Белгород.</i>	9
1.1.2. <i>Неофициальные астионимы.....</i>	10
1.2. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДА	14
1.3. Социолингвистическое описание: языки и этносы города	16
1.4. Особенности белгородского региолекта	17
1.5. Городской словарь	20
1.6. Урбанизмикон: официальные и неофициальные названия городских топонимов	22
1.6.1. <i>Названия районов Белгорода</i>	22
1.6.2. <i>Белгородские гидонимы.....</i>	23
1.6.3. <i>Микротопонимы белгородца.....</i>	24
1.6.4. <i>«Привет из прошлого»</i>	27
1.7. Лингвокультурные элементы города.....	28
1.8. Городской текст. Известные белгородцы. Город в художественных и публицистических произведениях	28
1.9. Слоганы с использованием астионима	30
ГЛАВА 2. ПЕРМЬ (Е. В. ЕРОФЕЕВА, Т. И. ЕРОФЕЕВА).....	31
2.1. Названия города	31
2.2. Краткая история и характеристика города	32
2.3. Языки и этносы города.....	34
2.4. Базовые идиомы города	34
2.5. Особенности формирования региолекта	36
2.5.1. <i>Фонетика.....</i>	37
2.5.2. <i>Лексикон</i>	40
2.6. Урбанизмикон	45
2.7. Город в художественных произведениях	48
ГЛАВА 3. НОВОЗЫБКОВ (Р. Ф. АГОШКОВА, С. М. ПРОНЧЕНКО, О. Е. ГАВРЕЩАК, К. Н. КИРИЧЕНКО, Д. А. КУКСА, С. Н. СТАРОДУБЕЦ)	51
3.1. Названия города	51
3.2. Краткая история и характеристика города.....	51
3.3. Этносы города.....	54
3.4. Топонимы, употребляемые новозыбковской молодёжью в сети интернет	54
3.5. История изучения диалекта, фольклора и региолекта брянчины	58
3.6. Урбанизмикон новозыбкова: официальные эргонимы	62
3.7. Новозыбковские художественные и публицистические произведения и особенности изображения города в них	63
3.8. Краткий словарь городской речи	68
ГЛАВА 4. СЛАВЯНСК-НА-КУБАНИ (М. Ю. БЕЛЯЕВА)	70
4.1. Общие сведения. Название города.....	70
4.2. Краткая история города	71
4.3 Этнический состав города	71

4.4. РЕГИОЛЕКТ	74
4.5. ТЕКСТ ГОРОДА.....	75
4.6. УРБАНОНИМЫ, ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ.	78
4.7. ЭРГОНИМЫ	80
4.8. ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ ГОРОДА	83
4.9. «Свои» и «чужие»	85
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	86
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПРОЗВИЩА ЖИТЕЛЕЙ Г. СЛАВЯНСКА-НА-КУБАНИ (ФРАГМЕНТ «СЛОВАРЯ ПРОЗВИЩ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ «М. Ю. БЕЛЯЕВОЙ).....	87
ГЛАВА 5. ВИТЕБСК (И. П. ЗАЙЦЕВА)	91
5.1. СВОЕОБРАЗИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ Витебщины (КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС)	91
5.2. ВИТЕБСК И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.....	95
5.3. АНТРОПОНИМИКОН СОВРЕМЕННОЙ Витебщины: СОЦИОЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ.....	98
5.4. ЦЕННОСТНО-ОБРАЗНОЕ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВИТЕБСКА В СЛОВЕСНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	100
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	107
ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	114
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	118

Лингвоурбаниология. Вместо введения
(В. И. Теркулов)

Предлагаемое вашему вниманию издание является первой, пилотной частью задуманного нами монографического проекта «Русский язык в городах России и зарубежья», который посвящён, с одной стороны, фронтальному описанию реального состояния русского языка в регионах, а с другой, — формированию лингвистических представлений о городе как о тексте.

Идея города как текста возникла давно. Изначально она нашла своё воплощение в литературоведческих работах, в которых город интерпретировался как пространство событийного хронотопа в художественном произведении: речь шла, например, о петербургском (ленинградском) тексте, под которым понимался Санкт-Петербург (Ленинград) в художественных произведениях Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, С.Д. Довлатова и др. (см., например: [Анциферов 1991; Топоров 2003; Существует ли 2005 и др.]), о московском тексте В.А. Гиляровского, М.А. Булгакова (см.: [Шурупова 2011; Голубков 2011] и др.) и т. д. Правда, на наш взгляд, в этом случае перед нами не столько текст города, сколько текст о городе.

Как текст культуры, как семиотическая сущность город впервые был интерпретирован Ю.М. Лотманом, определившим его как «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням. Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий. Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [Лотман 1996, с. 282–283].

Мы согласны с теми исследователями, которые предполагают, что «каждый город формирует свой неповторимый, уникальный образ. Но лишь один образ города может создавать единство пространства и времени, создавать архетип. Это культурологический образ» [Кубанев, Набилкина 2014, с. 6]. При таком понимании текста его компонентами становятся все культурные артефакты, так или иначе формирующие культурное пространство города: астионим, урбанизмикон, архитектура, градоустройство, речь горожан, литература о городе, городская живопись и т. д. Существует большое количество общетеоретических работ о городе как о тексте культуры (см., например: [Анисимов 2018; Булыгина 2017]) и исследований, в которых даётся культурно-семиотическое описание конкретных городов, например Москвы [Москва и московский текст..., 1998], Санкт-Петербурга [Яранцев 2016], Перми [Абашев 2008] и др.

В лотмановской концепции культура формируется и выступает как надстройка над языком: «Культура включает в себя не только определённое сочетание семиотических систем, но и всю совокупность исторически имевших место сообщений на этих языках» [Лотман 2002, с. 142]. В силу этого она представляет собой культурный текст как инобытие языковых текстов: культурное освоение действительности, по нашему мнению, это процесс трансформации языковых текстов в тексты как языковых, так и неязыковых семиосистем. Культура в первую очередь воплощается в языке, в языковых сущностях, то есть выступает как лингвокультура. Изучения этого аспекта городской семиотики комплексно не осуществлялось, хотя разные стороны языкового воплощения города рассматривались учёными: в аспекте астионимики и урбанизмики, например [Яковлева 2011; Шмелева 2023], в аспекте изучения особенностей региолекта / городского просторечия [Колесов, 1991; Беляева, Трегубова, 2023, Харанутова, Мархеева, 2019] и т. д. Первым опытом реализации комплексного подхода к городу как языковой сущности был, пожалуй, наш «Донецкий региолект» [Донецкий региолект..., 2018], хотя и он не лишен целого ряда недостатков, над устранением которых мы сейчас и работаем.

В серии «Русский язык в городах России и зарубежья» мы предполагаем общими усилиями совместно с учёными, представляющими разные города, учебные заведения, научные школы, разработать методологию изучения и описания города как текста. Такое описание мы предлагаем назвать лингвоурбаниологическим, отводя лингвоурбаниологии место раздела лингворегионоведения.

Предварительный анализ, проведённый в первую очередь на материале города Донецка как текста и представленный в [Теркулов 2025], позволил выделить реперные точки лингвоурбаниологического изучения и описания.

1. **Название города** (астионим), которое выступает в качестве заголовка текста города и выполняет как минимум две функции.

Во-первых, астионим отграничивает текст данного города от текстов других городов (параметр отдельности), существуя при этом в модусе астионимного пространства региона, поскольку «в региональной топонимике формируются особые связи, определяющие употребление данных онимов, которое зависит от разных факторов, в связи с чем предлагается рассматривать названное единство проприальной лексики через понятие “сегментная структура функционально-семантического поля топонимов”» [Ильин 2010, с. 258]. Например, в названии городов Донбасса отражается два этиологических¹ блока.

а. Промышленный: города формировались на базе промышленных (шахтёрских, металлургических, пристанционных) посёлков и назывались либо в честь основателей, хозяев или руководителей знаковых предприятий, например *Горловка*, *Енакиево*, *Моспино* и т.д., либо в честь самих предприятий, например *Украинск* (город при шахте «Украина»), *Юнокоммунарск* (изначально посёлок шахты «Юный Коммунар»), либо в честь доминирующей профессии и её атрибутов, например *Горняк*, *Шахтёрск*, *Углегорск*.

б. Советский: промышленный бум в Донбассе связан в первую очередь с советской эпохой, поэтому многие города либо носят имена советских и иностранных партийных деятелей, например *Артёмовск*, *Ждановка*, *Торез*, либо связываются с явлениями и фактами советской жизни, например *Красноармейск* (см. об астионимиконе Донбасса в [Теркулов 2023б]).

Особое положение занимает Донецк. Его название связано не с названием реки Донец, которая находится на достаточно большом расстоянии от этого города, а возникло, как отмечает Е.С. Отин, в результате редеривации от словосочетания Донецкая область. По мнению учёного, переименование в 1961 году г. Сталино в г. Донецк «началось, по сути, с возвращения в топонимию Украины уже существовавшего ранее названия области, мотивированного названием Донецкий бассейн (сокращённо Донбасс). И уже на базе этого возвращённого названия области искусственно (на этот раз удачно) было образовано название её центра — Донецк. Таким образом, этот процесс имел нетипичное — “обратное” направление: не область получила своё имя от административного центра (как в большинстве случаев типа: Киев → Киевская область, Харьков → Харьковская область и под.), а наоборот — имя её центра “вычленилось” из структуры названия области. Механизм появления таких слов в лингвистике определяется термином “обратное словообразование”» [Отин, 2014, с. 57–58]. Это знаковое наименование: название текста города вовлекло в себя его особый статус — центра Донбасса, и поэтому даже жители Донбасса называют себя не донбассовцами, а дончанами или донецкими (см. об этом: [Теркулов 2023а]).

Во-вторых, астионим определяет границы города, а значит и текста города (параметр тождества), как на официальном уровне, так и в народном видении, поскольку город — это то, что обозначено его именем. Народное и официальное закономерно не совпадают: окраинные районы обычно считаются жителями не совсем городом или даже не городом. Если, например, в официальном представлении *Петровский район* (*Петровка*) — это часть Донецка, то в народном видении это уже не совсем город: *Владислав: На Петровке, когда собираются на рынок на Текстильщик, говорят «Поеду в Донецк»..:)))* (В Контакте). То же о микрорайоне Текстильщик в Кировском районе на юго-западе Донецка: *На Текстильщике живу с 1981 года — раньше всегда ехали в район (до пл. Свободы) и в город (до Южного), о Пролетарском районе на*

¹ Под этиологией мы вслед за Е.С. Отином понимаем «причину называния, мотив первичной номинации объекта» [Отин, 2014, с. 8].

юго-востоке Донецка: *Я с Пролетарского района, мы тоже говорим «поехать в город», когда имеем в виду центр Донецка.* (Авторский архив).

2. Урбанизонимикон — названия точечных, площадных и протяжённых объектов в городе, которые мы определяем как названия глав текста города, связанных с теми или иными событиями сюжета жизни горожан. Различаются кадастровые названия, отражающие особенности официального определения городской реальности (например, в Донецке, как и в астионимиконе Донбасса, преобладают геонимы, связанные с советской реальностью: ул. 50-летия СССР, пр. Ильча и т. д.), и неофициальные наименования, демонстрирующие особенности восприятия города горожанами. Например, главная артерия города — улица Артёма называется дончанами, как она и называлась во времена зарождения города Юзовки, *Первой линией*, что свидетельствует о сохранении в сознании горожан памяти города: *Первая линия* — это исторически первая улица столицы Донбасса. Как таковая она воспринимается жителями Донецка и сейчас.

3. Краткая история города необходима для описания социолингвистических условий создания и функционирования текста города. Донбасс, например, трактуется, с лёгкой руки А. Блока, как русская Америка. Это территория позднего заселения: её освоение начинается с середины XIX в. выходцами из разных земель. И это привело к смешению языков, диалектов, региолектов, социолектов, сформировавшему в конечном итоге донецкий региолект. Как писал А. Фадеев в «Молодой гвардии», дончане говорят на том смешанном наречии, «которое образовалось от скрещения языка центральных русских губерний с украинским народным говором, донским казачьим диалектом и разговорной манерой азовских портовых городов» (цитируется по: [Донецкий региолект 2018, с. 4]).

4. Языковая личность. Носителем текста города является языковая личность горожанина: она одновременно находится и во власти текста города и порождает его. Она впитывает в себя локальные тезаурус и прагматикон, региолектную систему (региолектный лексикон), но в то же время и создаёт, используя этот лексикон, тексты, воплощая в них эти тезаурус и прагматикон. Эта языковая личность идентифицирует себя и идентифицируется другими как горожанин. Самоидентификация и идентификация осуществляется двумя путями: 1) использованием катойкона, 2) осуществлением речевой деятельности в региолектном модусе. Языковая личность горожанина как носителя текста города представляет собой комбинацию региональных лексикона, тезауруса и прагматикона и является единственным объективным «пространством» языка, который справедливо определяется как «совокупность миллионов микромиров» [Мартине, 2000, с. 18] говорящих на нём людей, одновременно находящихся во власти текста города и порождающих его.

5. Лексикон описывает особенности языкового состояния региолекта, в состав которого входит городское просторечие как один из идиомов. В нашем представлении региолект — это «не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определённая регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» [Донецкий региолект 2018, с. 17]. При этом он выступает как «цельная языковая система, включающая в себя как регионально маркированные, так и общезыковые элементы. Уникальность региолектов создаётся, скорее, не за счёт уникальности конкретных языковых фактов, а за счёт их «системного калейдоскопа», особой регионально маркированной организации языка» [Донецкий региолект 2018, с. 21]. В Донецком региолекте, имеющем русскую языковую базу, смешаны южнорусские черты (например, слова *глудочки* «комочки», *árбuz* «арбуз»), элементы малороссийского наречия (*быльца* «спинка кривати», *чую* «слышу»), харьковского (марка «маршрут городского транспорта», *тремпель* «плечики») и одесского (синенъкие «баклажаны», *лайба* «велосипед») региолектов и т. д. Собственно донецкие слова также существуют: это единицы, пришедшие из шахтёрского сленга (*кайбаш* «сарай», *коногонка* «фонарик» и др.). Лексикон описывается по всем уровням языковой структуры: фонетическому, характеризующему особенности звуковой организации речи горожан (например, для Донецка — наличие южнорусского фрикативного [γ], коррелирующего с «яканьем», в отличие от украинского [h], связанного с «оканьем»), словообразовательному, определяющему пути формирования лексикона за счёт внутренних средств региолекта (*бокопор* «человек, который

бокопорит, то есть портит все», сменка «сменная обувь» и т. п.), лексическому, представляющему региолектизмы разных типов, — регионализмы, отмечаемые не в одном, а в целом ряде регионов (но не во всех), например мастерка «спортивная кофта», известная не только в Донецке, но и в Харькове, Воронеже, Казахстане и др., и локализмы, присущие только одному региону, например донецкое *кайбаш* «сарай», пришедшее из шахтёрского сленга, фразеологическому, дающему представление о идиоматических единицах региона (*отнести за террикон «похоронить»*), морфологическому, описывающему особые региональные грамматические формы (*качеля* — ж.р., *фрукта* — собирательное), синтаксическому, представляющему региональные особенности построения словосочетаний и предложений (это было за Брежнева «во времена Брежнева», Я любовался на неё «любовался ею»).

6. **Тезаурус города** — совокупность лингвокультуре, являющихся базой языковой картины мира горожан. Обычно эти лингвокультуре реализуются в художественных текстах, написанных в городе или посвящённых ему. В нашем случае это, например, следующие единицы:

- «террикон»: Я — эта земля и ее *терриконы*. Анна Долгарева. В стени застыли исполнены *Терриконы*. Александр Сигида-мл., *Горизонт — гравастый ящер — / девятнадцать терриконов*. Александр Сигида, *Окоемы, окоемы / в бородавках терриконов*. Владислав Рusanов;
- «розы»: «Сдается город. Очень крупный опт. / Здесь только *роз* кустов — до миллиона!» / Аренду вряд ли нам заплатит тот, / Кто занял вкруговую *терриконы*. Виктор Гриз;
- «Кальмиус — река в городе»: *А Кальмиус осенний темно-сер, / и сталь воды отсвечивает маслом, / загадочнее древнего Дамаска. Автомобильный рев железных тел / над вздыбленной поверхностью моста, / два берега стянувшего с бравадой, / и фонарей мелькающих стоп-кадры, / квартал переводящие в квартал*. Ирина Яцуненко.

7. **Прагматикон** города, который также отражается в художественных произведениях. Изначально он был настроен на восприятие мира через призму шахтёрского труда. Донбасс приобретал при этом антропоморфные черты (*Он гарчит на низкой ноте / и пыхтит сигарой труб / Вымазан в угле и поте / Нагловато груб / У него стальные лапы / в шишках терриконов лоб / Защищён трущобной каппой / Златозубый рот*. Владимир Край; *Вместо сердца Господь даровал антрацит*. Анна Ревякина), космогонические черты (*Ночь над городом черна, как лава. / в антрацитовом небе — звезды / над шахтерской нашей державой...* Владимир Калиниченко; *Бездны ночной антрацитовый полог / в сердце углеводородной тьмы*. Александр Сигида-мл.). Сейчас город представлен как пограничная сущность (*Окраина континента, юный просторный город, / степными волнами улицы, площади укачало*. Арсений Александров; *Перемирие — мир на периферии, / мир на краю мира, / здесь граница ойкумены — / дальше — люди со звериными головами*. Александра Хайрулина; *в чернокаменном городе, что стоит на краю земли*. Анна Ревякина), как непокорённое пространство (*Унижен и изувечен. / Но не расчеловечен. / Голоден и обезвожен. / Но не обезбожен. / Топится адская печка. / Горячий от солнца и горя, / Мой город горит, как свечка, / У Господа на престоле*. Алиса Федорова; *На час открыли херувимы / Ворота в рай. / Гори, Донецк неопалимый, / и не сгорай*. Дмитрий Трибушный).

Предлагаемая вашему вниманию книга посвящена описанию Белгорода, Перми, Новзыбкова, Славянска-на Кубани и белорусского Витебска. Приведённая выше структура представления текста города в первом выпуске не является строгой: мы только начинаем и поэтому решили дать авторам возможность показать то, что они хотели бы сами показать. Важно отметить, что главная задача нашей работы состоит не в том, чтобы найти отличия одного города от другого, а в том, чтобы описать те черты городского текста, которые для самих горожан являются значимыми и очевидными. И ничего страшного нет в том, что иногда это неуникальная очевидность и неуникальная значимость. В родном городе они отличаются от очевидности и значимости других городов: они родные.

Проект «Русский язык в городах России и зарубежья» формирует базу для создания таких необходимых для современной русистики продуктов, как «Большой словарь регионализмов русского языка» и «Региолектная карта России и зарубежья». Кроме того, предполагается, что полученные результаты позволят в конечном итоге сформировать «Грамматику региолектов русского языка».

Глава 1. Белгород

(Н. Ф. Алефиренко, С. А. Кошарная, И. И. Чумак-Жунь,
Д. А. Черемохина, А. С. Титова, М. М. Голикова)

1.1. Название города

1.1.1. Официальный астионим — Белгород.

Существует минимум три версии происхождения названия города *Белгород*.

Первые две связывают астионим *Белгород* с Белгородской крепостью. В древнерусском языке слово *городъ* имело значение ‘крепостная стена; крепость’ [Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)]. Соответственно, *Белгород* — это Белый город, т. е. крепость, 1) построенная из **белого камня** или 2) расположенная на **меловой** горе. Меловые горы в России называют Белыми горами (ср.: *белый как мел*). *Белгородская* крепость => **Белый** город => **Белгород**. «На **меловой** горе, находящейся в северной части города Белгорода, <...> до сего времени сохранились остатки боевых укреплений древней Белгородской крепости» [Белгород. Очерк о прошлом, настоящем и будущем города 1962, с. 10]. Третья, поэтическая, народная версия отсылает к переносному значению слова *белый* — ‘чистый’, ‘невинный’.

Первое упоминание о Белгороде зафиксировано в 1593 году. Сохранился документ того далёкого времени: «...государь царь и великий князь Фёдор Иванович всея Русии посыпал на поле на Донец на Северский... смотрить, где государю города поставить головы Ивана Ладыженского да Третьяка Якушкина, да подъячево Никифора Спириdonova. И, приехав с поля, головы... да подъячей сказали государю, что они наехали место на поле на Донце на Северском, словет Белогородье, и то место крепко, гора велика, и леса пришли великие, земля добра, мочно быть на том месте городу... и государь указал поставить на поле на Донце на Северском на Белогородье город» [Цит. по: Осыков 1997, с. 14].

Астионим *Белгород* в течение многих лет используется для номинации значимых городских организаций, «лица» города. Это имя носят универмаг и центральная гостиница (Изображение 1).

Изображение 1. Пример использования астионима Белогород (источник — авторская фотография)

Прозрачная внутренняя форма астионима *Белгород* не раз обыгрывалась в художественном литературном творчестве.

Читаем у И. А. Бунина в романе «Жизнь Арсеньева»: «*В долинах под Белгородом милая скромность празднично-цветущих вишневых садов, мелом белеющих хат*» [Бунин 2006, с. 218]; «*Смотри, смотри, какие громадные тополя! и уж совсем зеленые! Зачем столько мельниц? – Ветряков, а не мельниц. Сейчас будут видны меловые горы, потом Белгород. – Я теперь понимаю тебя, я бы тоже никогда не могла жить на севере, без этого обилия света*» [Бунин 2006, с. 219]. Эти строки отражают реальные впечатления писателя: в августе 1892 года он останавливался в Белгороде по пути в Полтаву.

Д. А. Маматов: «*Люблю святое Белогорье / за дорогой славянский лик / за все угодья и раздолья, / за образ чистый, как родник*» [Цит. по: Новикова 2010, с. 59].

И. А. Чернухин: «*Край мой белый!.. / Холмы и долины / Тихих речек зелёная вязь / Белохатье*» [Чернухин 2014].

1.1.2. Неофициальные астионимы

Наряду с официальным астионимом *Белгород* белгородцы употребляют несколько неофициальных синонимов-астионимов.

1. Белый город — этимологизация, «разворачивание» внутренней формы официального астионима за счет эпитета *белый*, очень популярная в стихотворном и песенном жанрах, подчеркивает эстетическую, аксиологическую составляющую номинации. В стихотворении-посвящении Игоря Андреевича Чернухина создан исторический и культурный образ южного пограничного города, несомненно, прекрасного и любимого горожанами:

Песня о Белом городе

Г. Голикову

*Где бы я ни бродил по земле,
Я к тебе возвращался как прежде,
Ты как свет был в вагонном окне,
Потому что ты город надежды.*

Припев:

*Белый город — родные края,
Вечный зов материнской любви
Соловьиная песня моя,
Город детства и первой любви.
Полюбил я каштаны твои,
И Донец твой, и белые горы.
Здесь когда-то гремели бои —
Смерть гуляла, разруха и горе.
Опалённый смертельной Дугой
В сорок третью, на кровушку лютом,
Ты вознесся, как гром, над Москвой —
Город Первого в мире салюта.*

*Ты сегодня красив и крылат
Голосами детей, голубями.
Я люблю, когда утром звонят
Твои белые русские храмы.
Я люблю говорок горожан...*

*Речь в нём русская с мовой срастилась.
Здравствуй, град порубежья держав,
Белый лебедь на холмах России!*

[Чернухин 2014]

Показательно, что в поэме И. А. Чернухина «*Бел-город*» части астионима даже на

графическом уровне представлены как отдельные форманты, что придает названию особую поэтичность, «подсвечивая» древность города.

Астионим *Белый город* популярен не только в литературе. Ёмкое, образное название становится важной частью урбанонимикона, используется как название самых разных организаций, а также в качестве инструмента создания бренда: например, у Белгородского молочного комбината есть целая линейка продукции «Белый город» (Изображение 2).

Изображение 2. Примеры использования астионима Белый город
(фото из открытых источников: tripadvisor.com; bg-moloko.ru)

Кроме собственно официального и неофициальных астионимов Белгорода есть неофициальные названия и для Белгородского края, которые дали богатую пищу для множества городских номинаций. Это *Белогорье* (*Святое Белогорье*) и *Белгородчина* (*Белгородщина*). Сюда же примыкает номинация *Белые горы*.

2. Белогорье. Первенство в использовании этого наименования принадлежит известному белгородскому краеведу — Борису Ивановичу Осыкову. «До 1970-х годов этого красивого поэтичного слова — синонима понятий «Белгородская земля», «Белгородская область» — не было в нашем словаре» [Белоусенко 2012, с. 14]. В разные годы Борисом Ивановичем написаны краеведческие справочники, в названии которых использован этот ойконим: «Города *Белогорья*», «Районные центры *Белогорья*», «Святое *Белогорье*», «Белогорье России» — так имя «прижилось», получило признание земляков» [Белоусенко 2012, с. 15].

Выразительная номинация *Белогорье* используется как название урбанонимов (среди которых кондитерская фабрика, государственный природный заповедник, гостиничный комплекс, сельскохозяйственная компания), торговых марок («Родник *Белогорья*», «Хрусталь *Белогорья*»), белгородских товаров (например, конфет кондитерской фабрики «Славянка») (Изображение 3).

Изображение 3. Примеры использования астионима Белогорье
(фото из открытых источников: belpressa.ru; belogorye-pk.ru; zapovednik-belogorye.ru/; belogoriehotel.ru; megamarket.ru; foodretail.ru; mirbelogorya.ru; otzovik.com)

Белгород

Частотно использование астионимов, позволяющее эксплицировать тесную связь номинируемого объекта с населённым пунктом. Неофициальные астионимы с такой целью могут использоваться даже чаще официальных за счёт своей более глубокой образности. Так, выразительная номинация *Белогорье* известна и далеко за границами города. *Белогорье* — официальное название мужской волейбольной команды г. Белгорода и фирменного поезда Белгород — Москва (Изображение 4).

Изображение 4. Примеры использования астионима Белогорье
(фото из открытых источников: belgorodarena.ru; company.rzd.ru)

Микротопоним *Белогорье* используется также и в названиях социальных объектов для указания на принадлежность к Белгородскому региону: логотип Центра туризма и гостеприимства, название детского санатория в Крыму. Использование астионима становится инструментом создания бренда региона. Дополняемый графическими элементами, он призван сформировать у жителей и гостей области определённое к ней отношение. Так, на официальном логотипе Центра туризма и гостеприимства графически выделяется буквосочетание *ого*, что помогает передать важную интенцию: Белгородская область столь удивительна и многогранна, что это не может не вызывать восхищения. Такая графическая игра была положена и в основу слогана организации — *Всё будет ого!* (Изображение 5).

Изображение 5. Астионим Белогорье в официальных наименованиях
(фото из открытых источников: vk.com/belogorieinvite; Яндекс.Карты)

3. Святое Белогорье. «Развёрнутый вариант» предыдущего ойконима — сочетание *Святое Белогорье* — актуализирует, в первую очередь, представление о городе как о месте деяний святителя Иоасафа. «Мифообраз святого Иоасафа выступает примером высокого духовного авторитета для паствы, для священнослужителей и символом региона» [Гулук 2013]. Устойчивое сочетание *Святое Белогорье* вошло в обиход в 1995 году, когда известный белгородский фотограф В.Собровин выпустил сборник фотографий достопримечательностей города под соответствующим названием [Собровин 1995]. Сочетание «Святое Белогорье» включено в официальное название

межрегиональной общественной организации помощи тяжелобольным детям и социально уязвимым слоям населения «Святое Белогорье против детского рака» (Изображение 6).

Изображение 6. Пример использования астионима *Святое Белогорье*
(фото из открытых источников: zhiznplus.ru)

4. Белгородчина (Белгородщина). *Белгородчина* (или просторечный, устаревший вариант *Белгородщина*) — обиходное название территории. «В современном русском языке существуют два варианта суффикса, образующих имена существительные женского рода, которые являются названиями территорий. Это суффиксы *-щин-*/*-чин-*<...> после согласного *Д* пишется суффикс *-чин-*. Например: *Новгородчина*, *Вологодчина*, *Белгородчина*. После согласных, которые не входят в перечисленный выше ряд, пишется *-щин-*. Например: *Псковщина*, *Киевщина*, *Полтавщина*», — отмечает профессор С. А. Кошарная [Придворнева 2019]. В региональном поэтическом дискурсе единица *Белгородчина* нередко встречается в сочетании с лексемой *моя* — т. е. родная, дорогая сердцу: «**Моя Белгородчина** — земля *моя отчая*» (Раиса Степаненко); «**Белгородчина**, земля отчая, ты любовь и судьба *моя*» (Александр Морозов. Моя Белгородчина) [Морозов]. В 2024 году в исполнении белгородца Вячеслава Чена на стихи Татьяны Трошиной прозвучала песня «Моя Белгородчина»:

Моя Белгородчина — сердцем любима, *Моя Белгородчина* — Богом хранима. **Моя Белгородчина** — удивительный край, *Моя Белгородчина* — мы вместе, ты знай! [Морозов].

5. Прочие неофициальные астионимы. К неофициальным астионимам города относится лексема-прозвище «31 регион» и разговорный, сленговый вариант лексемы Белгород: *Бгд* (ср. С Мск).

- **31 регион** — автомобильный код Белгородской области как региона России.

В новостных интернет-ресурсах часто выступает заменой-синонимом лексем *Белгород*, *Белгородская область*: «**Go31**»| Новости Белгорода» — официальное сообщество новостного сайта города Белгорода Go31.ru; *Просторы 31. Новости Губкинского городского округа* (теле-грам-канал). Узнаваемость астионима позволяет использовать его и в официальных номинациях: например, конкурс социально значимых проектов получил название *Время 31-х* (на основе активно использующейся и узнаваемой конструкции *время первых*).

- **Бгд** — сленговое сокращение официального астионима *Белгород*.

Встречается в непринужденных, чаще дружеских переписках: «Да никто не привык 17 часов теперь ехать из **Бгд в Мск**»; «Отправляемся в **Бгд**, всё норм», «вот как красиво в **бгд**!».

- **Б.** — ещё одно сленговое сокращение официального астионима.

В интернет-пространстве можно встретить и максимально сокращённый вариант астионима. Вошедший в обиход ещё в нулевых, сегодня он встречается несколько реже, но по-прежнему сохраняется в медиасреде. Примером может послужить название сообщества во «ВКонтакте» *Уехать нельзя остаться в Б. Расставляем запятые.*

- **Белые горы** — в зависимости от контекста такая номинация тоже может выполнять функции астионима, ведь речь идёт не о буквальном указании на рельеф местности, а об экспликации ключевого признака, положенного в основу официального астионима. Конструкция *Белые горы* также пользуется большой популярностью у местных предпринимателей, в т. ч. с определённой вариативностью: меняется грамматическая форма (*белая гора*), подбираются синонимы (велотрек «Меловая кручка»), используются иноязычные эквиваленты (гостиница *White Hill* (англ.), дословно ‘белый холм’) (Изображение 7).

Изображение 7. Пример использования астионима Белые горы
(фото из открытых источников: magmer.ru; 101hotels.com)

Официальные этнохоронимы — *белгородцы*, *белгородец*, *белгородка*.

1.2. Краткая история и характеристика города

В истории Белгорода, на первый взгляд, достаточно простой, ярко отражаются те ключевые события, которые разворачивались на южных рубежах России. Естественные для исторической науки гипотезы о происхождении города привели к возникновению своеобразных мифологем, повлиявших на развитие региона в целом и появление новых номинаций в частности.

В Большой Советской энциклопедии говорится: «Белгород известен с XIII века. При царе Федоре Ивановиче он был узловым пунктом Белгородской оборонительной черты» [Цит. по: Белгород. Очерк о прошлом, настоящем и будущем города 1962, с. 5]. Отдельные археологические находки относятся к X веку. Исследователи приходят к выводу, что во времена Киевской Руси на территории нынешней Белгородчины уже проживали славянские племена, однако в результате татаро-монгольского нашествия эти места надолго опустели. На рубеже XX-XXI веков в массмедиа активно распространялась информация о 1000-летней истории города, которая была впоследствии опровергнута научным сообществом. В то же время гипотеза об основании Белгорода самим князем Владимиром Святославичем (Владимир Красное Солнышко) прочно закрепилась в городском культурном пространстве: его имя стало важной частью белгородского урбаникона, что не в последнюю очередь было связано с возведением в Белгороде в начале нулевых памятника князю, изображение которого стало использоваться как логотип (с этим логотипом в те же годы по маршруту Белгород–Харьков курсировал поезд «Князь Владимир»). По мере опровержения гипотезы популярность образа стала снижаться.

Сегодня можно услышать речевые конструкции *встретимся на князе/у князя*, которые связаны исключительно с обозначением места.

Отчасти сложности с точным объяснением происхождения города объясняются упоминанием в летописных источниках разных городов с названием *Белгород* (в основном расположенных на территории современной Украины). «Наш» Белгород, согласно наиболее достоверным источникам, официально начинает свою историю с конца XVI века, при этом исследователь С. Ларионов в книге «Описание Курского наместничества» (1786 г.), характеризуя дату основания города — 1593 год, отмечает: «Но сие уже было возобновлением при государе Федоре Ивановиче» [Цит. по: Белгород. Очерк о прошлом, настоящем и будущем города 1962, с. 6]. Строительство

крепости на месте существовавшего когда-то поселения связано с появлением первой охраняемой государственной границы, сторожевой линии, призванной защитить русские земли от посягательств врага. Официально датой основания Белгорода считают либо 1593 г. (время принятия Боярской думой решения о постройке), либо 1596 год (собственно сооружение первой крепости). При этом сама Белгородская крепость трижды меняла своё местоположение, что было связано с задачами обороны государства. И только в 1785 году, после присоединения к России Крыма и заселения южных степей, Белгород был исключён из числа крепостей окраины.

Заселение территорий современных Воронежской, Белгородской и Харьковской областей происходило практически одновременно как с севера русскими служилыми людьми, так и с запада украинскими казаками и крестьянами. Царское правительство было заинтересовано в переселении украинцев: это позволяло укреплять южные границы. Таким образом, в XVII—XVIII веках в верховьях Ворсклы, Северского Донца, Нежеголи и Оскола возникли целые украинские поселения, которые назывались *слободами* (отсюда и название земель — *Слобожанщина*). По-видимому, с этого времени начинается формирование диалектов, представляющих сплав материнских южнорусских говоров и говоров украинского языка [Кошарная 2018].

С момента основания город играл важную роль в истории России. Широко известны не только *Белгородская засечная черта*, но и основанный Петром I *Белгородский полк*, участвовавший в Северной войне. После утраты военного значения город зажил мирной жизнью: про-двигалась сельскохозяйственная деятельность, развивались ремёсла, а впоследствии и промышленность. По-настоящему страшной страницей истории Белгорода стала Великая Отечественная война. 24 октября 1941 года фашистские захватчики вошли в город. Освобождён от оккупантов Белгород был только 5 августа 1943-го. Этот день считается Днём города, а белгородский урбаникон «пронизан» номинациями, связанными с подвигом освободителей (*бульвар Первого салюта, проспект Ватутина, улицы 5 августа, Попова, Победы, Ананасенко, Конева, Шаландина, рынок «Салют»*). Важность таких номинаций, необходимость помнить подвиг героев буквально подчёркивается: на улицах «оживают» лица героев (Изображение 8).

Изображение 8. «...их именами названы улицы»: портрет танкиста А. И. Попова (источник: авторская фотография)

В 1954 году был подписан указ об образовании Белгородской области. Превращение районного центра в областной не могло не повлиять на его активное развитие. Сегодня Белгород — особый город, на всю страну известный не только героическим прошлым и настоящим, но и высоким уровнем благоустроенности. Безусловно, пристального внимания заслуживает речь

белгородцев, которая не только является отражением быта и истории народа, но и вносит ценный вклад в познание культурного своеобразия носителей южнорусского говора.

1.3. Социолингвистическое описание: языки и этносы города

При описании специфики языка Белгорода необходимо еще раз напомнить, что заселение территорий Белгородчины происходило русскими служилыми людьми с севера, и украинскими казаками, и крестьянами с запада. Виктор Каменев в очерке «Моя история Белгородского полка» пишет: «Довольно большую часть переселенцев составляют черкасы (украинцы), бежавшие от гнёта польской власти. Они образовывают районы так называемой Слободской (свободной) Украины. Русские и украинцы чаще всего живут отдельными сёлами, так, в Беломестном, под Белгородом, жили русские переселенцы, а рядом, в Шопино и Терновке — украинские» [Каменев 2018].

Продолжительное сосуществование на Белгородчине русских и украинцев обусловило появление на территории области русско-украинского («русско-окраинского» по сути) региолекта, который иногда смешивают с суржиком. По замечанию В. И. Теркулова, «региолект должен определяться по наличию в нём **регионально маркированных языковых явлений**, или **регионализмов** (в терминологии других школ — регионализмов, локализмов и т. д.), под которыми мы понимаем единицы и языковые (речевые) процессы, отличающиеся от наддиалектных общенациональных литературных, просторечных, социолектных и т. д. единиц и процессов» [Теркулов 2021, с. 19; текст выделен автором].

На первый (поверхностный) взгляд, региолект Белогорья схож с суржиком, который традиционно трактуется как результат наложений на русскую или украинскую основу. Однако, как показывает фактический материал, «речь идёт о непротиворечивом сосуществовании элементов двух языков, проявляющемся в обилии лексических вариантов» [Кошарная 2019].

Действительно, важной чертой языка Белгородского края является функционирование говоров с украинской (в географическом понимании этого термина) народной основой. Они характеризуются наличием украинских слов и параллелей из русского общенародного (или литературного) языка, например: *длинный — довгий, кормить — годувати, надо — треба, спички — серники, сырники, спрашивать — питати, масло — олія* и др. В то же время говоры с украинской народной основой претерпевают здесь изменения, которые в первую очередь связаны с влиянием русского языка.

Но можно ли с полным основанием назвать этот вариант языка суржиком?

Думается, на этот вопрос убедительный ответ может дать только сам фактический материал. Мы полагаем, что нет основания считать подобные варианты «суржиком», которые, как известно, трактуются в качестве наложений на русскую или украинскую основу. Как показывает материал, здесь нет наложения, но есть именно сосуществование в виде особой региональной разновидности языка — в качестве смешанных диалектов, то есть речь не идет о заимствованиях из украинского языка, как это было бы в случае с суржиком: в белгородских говорах, граничащих с Украиной, мы имеем не одну базовую основу в виде конкретного языка, на которую накладываются элементы другой языковой системы, а две основы, взаимодействие которых повлекло возникновение особого региолекта [Кошарная 2018].

Таким образом, взаимовлияние двух языков создает особую речь Белгородчины, особый региолект, который в своей основе является продолжением не одного, а двух близкородственных языков (в их диалектных разновидностях).

При этом региолект, в отличие от суржика, — это не хаотическое заполнение разрушенных звеньев структуры одного языка элементами другого; не заимствование лексики, фонетики или грамматики, включая синтаксис, — речь в данном случае вообще не идет о заимствованиях. Если суржик трактуется как диалект, возникший на основе украинского языка, с включением русской лексики и с украинскими фонетикой и грамматикой, то белгородский региолект представляет собой иное явление, являясь порождением двух языковых основ. Это явление скорее сродни пиджину — с той лишь разницей, что речь идет о близкородственных языках, являющихся родными для исторического населения области, но здесь также базой является не просто заимствования, но

интеграция языков и культур. В нашем случае специфика территориального, языкового и этнокультурного пограничья проявляется в том, что взаимодействие охватывает близкородственные диалекты, а потому статус регионалов как элементов белгородского региолекта приобретают элементы, которые вряд ли возможно классифицировать и дифференцировать как исконные и заимствованные, ибо и те, и другие являются исконными для данной территории.

1.4. Особенности белгородского региолекта

Белгородские говоры — уникальные слагаемые южнорусского наречия. Речь жителей нашего региона имеет особую фонетическую организацию, обусловленную географическим положением области, границей с Украиной, переселением населения из других регионов.

В общей системе русского языка белгородские диалекты, полудиалекты и региолект Белгородчины занимают особое место: они вызывают интерес не только как система, представляющая собой территориально ограниченную разновидность современного национального языка, но и как фактическая база для истории языка и этимологии, поскольку в местных разновидностях сохраняются архаичные фонетические явления, утраченные общенародным языком «звеня» в цепи этимологических реконструкций, слова и значения, утерянные литературным языком в ходе его исторического развития, а также лингвокультурные, характеризующие историческое и культурное прошлое народа [Кошарная 2017].

Самыми яркими чертами белгородских говоров являются их фонетические и лексические приметы. Такие особенности произношения, как южнорусское г-фрикативное, а также яканье, характерное для многих белгородских сёл (*нясу, бяги, в ряке* и другие), представляют собой на деле языковую архаику и находятся в объективе современных научных исследований. Так же, как и в любом другом регионе России, белгородцы используют в речи слова с региональным культурным фоном, которые можно определить как регионализмы, а речь белгородцев в целом — как региолект.

Региолект Белгородчины и белгородские говоры в основной своей массе опираются на русскоязычную основу, сформировались на базе старорусского языка, что подтверждают сохранившиеся старорусские формы: *добраи, красивай* и подоб. формы полных прилагательных муж. рода ед. ч. им. п., где окончание *-ай* является собой рефлекс древнерусского окончания *-ой* в безударном положении; глагольные формы *идé* (без финального согласного), *идéть, хóдить* (с древнерусской по происхождению финалью *-ть*) и др. Здесь достаточно регулярно фиксируются факты яканья, мягкого шоканья и др., остаются живыми утратившие актуальность в современном языке тенденции: переход в 1-ое склонение существительных бывшего склонения на **-й*: *церква, морква*, например: *У етам гаду мóрква плахая; У ѡеркву заутри пайду* (повсеместно по области) [Кошарная 2017].

Основные особенности белгородской речи

I. Фонетические особенности белгородского региолекта

1. Фрикативный звук [γ] и его чередование с [χ] в конце слова и перед согласными: *но[γ]а — но[χ], сне[γ]а — сне[χ], бер[γ]у — бер[χ]*.
2. Произношение звука [ш] на месте [ч'] (шоканье): *да шио ты говоришь; ну шио, куда пойдем?*
3. Произношение долгого мягкого ш [ш':] на месте [ч']: *до[ш':]ка* (дочка), *у[ш':]ительница* (учительница), *но[ш':] ью* (ночью), *[ш':] ай* (чай), *[ш':]истый* (чистый).
4. Произношение губно-губного [в], то есть [ў] в начале слова перед согласным: *унук* (внук), *у деревне* (в деревне), *удова* (вдова), *уперёд* (вперёд), *у город* (в город), *укусный* (вкусный).
5. Произношение губно-губного [в], то есть [ў] в середине слова: *останоука* (остановка), *у дереуню* (в деревню), *золоука* (золовка).
6. Замена звуков [ф] и [ф'] на [хв] и [хв'], [х] и [х']: *в сарахванах, телехвон, хвамилия, хвартук* и т. д.
7. Яканье суджанского типа: *дяржи яё, бяри, в вядре, привязли, у сяло пойду, жана.*
8. Прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] после мягких согласных: *Ванька, Петька, Санька.*

9. Протетический гласный в начале слова: *ищас, издесь, где же тай-то кххта?* [Новикова 2011].

II. Грамматические признаки белгородского говора

1. Употребление [т'] в формах 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов: *идуть, сидять, он говорить, несётъ*.

2. Употребление предлога «за» с винительным падежом вместо положенного в этих конструкциях предложного падежа с его спектром предлогов. Говорят: *узнай за результаты, расскажи за него; я тебе за него говорил* (вместо литературного русского «о нем»).

3. Инфинитивы типа **несть, плесть, итить, везть**.

4. Неверное употребление предложно-падежной формы местоимения. Ошибки типа: *я смеялся с него*.

5. Употребление деепричастий с суффиксами -вши-, мши, -ши-: *уехамиши, уехавши, вытимиши, не пивши, не евши, не сказавши, привыкиши*.

6. Утрата категории среднего рода: *тут мой полотенец висел; та собрания долга была; какая моя здоровья?*

7. Употребление местоимений: *каё, таё; ты на каё дороге пайдешь — па таё, али па таё?*

8. Употребление в родительном падеже предлога **с**: *с Москвы, с города, с Харькова, с Курска приехал* (норма — предлог «из»)

[Новикова, 2011].

Отмечается особая фразеологичность города, которую, кроме оборотов, включающих прецедентные для горожан топонимы и микротопонимы, о которых речь пойдет ниже, формируют устойчивые сочетания, представляющие собой традиционные речевые формулы коренных жителей Белгородчины. Фразеологическая система города обусловлена особенностями речевого этикета края, специфическими формулами общения, характерными для белгородцев. Стоит заметить, что в рамках языковой игры не только коренные жители «советского возраста», но и молодые горожане активно используют устойчивые фатические конструкции в «южнорусском варианте».

Для подобного контекста характерно употребление [шо] на месте *что* — так называемое *мягкое шоканье* (*Та ты шо? Ну шо ты там?, Ну шо, какие планы?*), чи вместо ли, или (*Чи да, чи ни, чи шо? Ты чи сдурел?*).

На этой же южнорусской основе построены и другие широко употребляемые в речи жителей Белгорода устойчивые фразы:

—*Ну ты невдалый (невдаль) (груб., прост.)* — ‘неловкий, неуклюжий, нелепый’.

—*Ты (он, она) в прежней поре* — ‘не изменился’;

—*Бач який* — ‘ишик какой’ (передаёт иронию, возмущение или восхищение в зависимости от контекста);

—*Та отож* — непереводимая игра слов, которая обозначает ироничное подтверждение сказанного.

Подобные конструкции находят отражение и в урбаниконе (Изображение 9).

Изображение 9. Отражение особенностей речи белгородцев в бизнес-номинациях (фото из открытых источников: Яндекс.Карты)

Белгородские лингвисты различают термины *диалект* и *регионолект* (*регионолект*) относительно речи жителя региона. Если *казать* (говорить), *серники* (спички) и др. в речи белгородцев — это диалектные единицы, то могут ли так же быть квалифицированы «местные слова» *тремпель* (от фамилии мебельного фабриканта XIX века из г. Харькова), *кильдим* — «кладовка», *синенькие* — «баклажаны», *Богданка* — проспект им. Богдана Хмельницкого и другие лексические, фразеологические единицы, представленные в речи наших современников? Очевидно, именно к подобным фактам применимо понятие «регионализм». Примером белгородских регионализмов может служить лексема *Крейда* — название белгородской окраины, где располагались строительные материалы, в том числе по переработке мела (от. нем. *Kreide* через укр. *крейда* — «мел»): *жить на Крейде, дача на Крейде*. [Новикова 2011].

Одним из самых известных белгородских регионализмов по праву считается *тремпель*. На региональный характер его использования указывает В. И. Теркулов: «слово *тремпель* употребляется в Харькове, откуда оно, собственно, и распространилось, но и в Белгороде, Донецке, Луганске, Сумах, Полтаве, зато практически неизвестно в других регионах» [Теркулов 2021, с. 21]. При этом многие белгородцы считают это слово «своим». Широко распространена не только сама лексема, но и мифологизированная история её происхождения от фамилии харьковского фабриканта (с научной точки зрения такая гипотеза является спорной; точной информации о происхождении слова нет). Сегодня лексема активно используется жителями Белгорода вне зависимости от их возраста.

Несомненно, к регионализмам относятся все топонимы и микротопонимы, в т. ч. в составе устойчивых выражений. Идиоматика города в большой степени определяется теми географическими, культурными и градообразующими объектами, которые создают его облик. Они в подобных оборотах случае для белгородцев являются прецедентными единицами, включающими региональные пресуппозиции.

Широкое обобщающее значение (‘добраться куда-либо длинным неудобным путем’) несёт идиома *Через Сочи на Корочу* (*Короча* — районный центр Белгородской области).

Условно устойчивые обороты, в которых регионализмы обозначают место локации (проживания, работы, учебы) белгородцев, можно разделить на традиционные и современные.

К традиционным относятся:

- идиомы, использующие прямое значение урбанонимов: *жить на Харгоре/жить на Горе* (*жить в районе Харьковской горы*); *жить в/на Кошарах, добираться из Дубового* (*простореч.: добираться с Дубового/с Майского/ со Строителя, с Разумного*), *ехать на Крейду*;
- идиомы, построенные на метонимическом переносе: *Крейду не предлагать, лечиться на Новой/попасть на Новую/пора на Новую* (*груб.*) (на ул. Новая в Белгороде размещена психиатрическая больница); *отнесли на Ячнево / скоро в Ячнево / отправить на Ячнево* (в квартале Ячнево находится городское кладбище); *пойти в Октябрь* (по названию культурного центра «Октябрь»), *Пойти на Ленина, встретиться на Ленина* (о встрече в центральном парке города «Парк имени В. И. Ленина»), *пойти в Хоркину, заниматься в Хоркиной* (в учебно-спортивном комплексе), *на Победу/ в Победе* (приглашение пойти в парк или парковую зону одноимённого района города («Парк Победы»)).

Большой пласт устойчивых выражений возник в последнее десятилетие в связи с активным развитием городской инфраструктуры, в том числе развлекательной: *пойти на Берега* (*«Берега*» — новый пляж в городе на левом берегу реки Северский Донец), *пойти в Комод* (о встрече в популярной кофейне «Комод»), *пойти в Калейдоскоп* (провести время в белгородском парке аттракционов), *пойти в Галерею* (о встрече в арт-ресторане с одноимённым названием), *играем / читаем в Гвоздях?* (о квизе или литературных мероприятиях, проходящих в городском пабе «Гвозди»), *слэм в Смирись, выступаем в Смирись* (о литературных слэмах, площадкой которых выступает городской бар «Смирись»), *играть в Спичке, вечер в Спичке* (об авторском драматическом театре города).

1.5. Городской словарь

В рамках исследований региолекта, проводившихся на кафедре русского языка и русской литературы историко-филологического факультета «НИУ «БелГУ» [Новикова 2010; Так говорят белгородцы], был подготовлен краткий словарик белгородских региональных лексем.

Региональная лексема

Акулинки

Анчутка

Баклажан

Байдюже

Балакать

Богато

Браниться

Буде

Бузовать

Буровить

Буряк

Вековуха

Гарбуз

Гарно

Гладкий

Гундавить, гундосить

Гуторить

Гэннуться

Дивчина

Додельный

Долдонить

Дротина

Житуха

Жменя

Завалюха

Зеленец

Змэрзнуть, змэрз

Играить

Идить

Ишио

Кадушка

Кавун /кагун

Казать

Картоха

Квас

Квіткы

Квочка

Кеся-меся

Кидаться

Литературный эквивалент

Неоправданные речи, небылицы

Неряшливо одетый человек

Помидор

Безразлично

Говорить

Много

Ругаться

Хватит

Работать активно, без устали

Говорить ерунду

Свёкла

Старая дева, женщина, не вышедшая замуж

Тыква

Красиво

Полный (о человеке)

Разговаривать в нос

Тихо беседовать

Упасть с грохотом

Девушка

Трудолюбивый, ловкий в работе

Пустословить

Металлическая проволока, провод

Жизнь

Горсть

Ветхое жидище

Зелёная ягода

Замёрзнуть, замёрз

Играет

Идти

Еще

Деревянная бочка

Арбуз

Говорить что-то важное

Картошка

Окрошка

Цветы

Курица с цыплятами

Каша, мешанина

Нападать

<i>Кликать</i>	<i>Звать на помощь</i>
<i>Колымага</i>	<i>Старая машина, большая телега</i>
<i>Копанка</i>	<i>Яма с водой на огороде для полива</i>
<i>Кочет</i>	<i>Петух</i>
<i>Крейда</i>	<i>Мел</i>
<i>Крошанина</i>	<i>Накрошенная еда</i>
<i>Лаяться</i>	<i>Ругаться</i>
<i>Лисапед</i>	<i>Велосипед</i>
<i>Малай</i>	<i>Парень</i>
<i>Морква</i>	<i>Морковь</i>
<i>Насудачиться</i>	<i>Наговориться по душам</i>
<i>Невдалый (невдалъ)</i>	<i>Неумелый, неуспешный</i>
<i>Нынче</i>	<i>Сегодня</i>
<i>Огирок</i>	<i>Огурец</i>
<i>Очечи</i>	<i>Очки</i>
<i>Пишкарём</i>	<i>Пешком</i>
<i>Притулиться</i>	<i>Наклониться или прислониться к чему-либо</i>
<i>Поднатореть</i>	<i>Набраться опыта</i>
<i>Прокалякать</i>	<i>Проболтать долгое время</i>
<i>Прыбрать</i>	<i>Убрать, навести порядок</i>
<i>Разнюниться</i>	<i>Расплакаться, расчувствоваться</i>
<i>Рушник</i>	<i>Полотенце</i>
<i>Сгадать</i>	<i>Вспомнить</i>
<i>Синенькие</i>	<i>Баклажаны</i>
<i>Скучаю за тобой</i>	<i>Скучаю по тебе</i>
<i>Слухать</i>	<i>Слушать</i>
<i>Снимки</i>	<i>Сливки</i>
<i>Справляться</i>	<i>Заниматься делами по хозяйству</i>
<i>Титечка</i>	<i>Цыплёнок</i>
<i>Толчёнка</i>	<i>Картофельное пюре</i>
<i>Тремпель</i>	<i>Вешалка, плечики</i>
<i>Трескать</i>	<i>Принимать пищу, есть</i>
<i>Трошки</i>	<i>Немного</i>
<i>Трусынёнок</i>	<i>Крольчонок</i>
<i>Тумошний, тута</i>	<i>Здешний, здесь</i>
<i>Удвох</i>	<i>Вдвоём</i>
<i>Утирка</i>	<i>Полотенце</i>
<i>Хай</i>	<i>Пусть</i>
<i>Хата</i>	<i>Дом</i>
<i>Хвороба</i>	<i>Болезнь</i>
<i>Хоронить</i>	<i>Прятать</i>
<i>Цыбуля</i>	<i>Лук</i>
<i>Чи</i>	<i>Или</i>
<i>Чичас</i>	<i>Сейчас</i>
<i>Шибздик</i>	<i>Человек маленького роста</i>
<i>Шо</i>	<i>Что</i>
<i>Ягода</i>	<i>Земляника</i>
<i>Як</i>	<i>Как</i>

Сложная обстановка приграничья не могла не сказаться на городской речи белгородцев. Особое место в лексиконе белгородцев с начала СВО начали занимать слова, связанные с военной тематикой. Это и официальные номинации (*ракетная опасность, БПЛА, укрытие*), так и разговорные образования, в т. ч. возникшие на основе терминов (*БПЛА — беспилотник, жужик, птичка, крыло; ракетная опасность — РО, ракетка; прилёт, блэкаут*). Включение подобных лексем в узус белгородца обусловливается внешними причинами.

1.6. Урбанонимикон: официальные и неофициальные названия городских топонимов

1.6.1. Названия районов Белгорода

1. Харьковская гора (Харгора, Харбугор)

Харьковская гора — район в южной части города Белгорода. Название *Харьковская гора* отражает особенности рельефа местности — в этой части города дорога на Харьков проходит через возвышенность высотой 95 метров. В 1968 году на этом месте началось активное строительство жилого микрорайона и название *Харьковская гора* закрепилось за этой территорией. В разговорном варианте существует еще несколько сокращенных форм — *Харгора, Харбугор*, как синоним белгородцы используют и просто вариант *Гора*. Как отмечают известные краеведы А. Н. Крупенков и Б. И. Осыков, существует научно обоснованная гипотеза, согласно которой дружина Новгород-Северского князя Игоря встретила воспетое в «Слове о полку Игореве» солнечное затмение именно здесь [Крупенков 2007, с. 6].

2. Микрорайон Крейда

Микрорайон *Крейда* находится в восточной части Белгорода, на левом берегу реки Северский Донец. Происхождение названия идет от украинской лексемы *крейда* (из немецкого *'kreide'*), что значит ‘мел’. Здесь находится крупный железнодорожный узел — станция Крейда, которая и дала название этому району города. По версиям белгородских краеведов, со станции *Крейда* белгородский мел, который добывали в районе Белой горы, отправляли в сторону Донбасса [Районы Белгорода: Крейда].

3. Микрорайон Савино

На месте нынешнего микрорайона когда-то находилась Савина слобода (Саввина, Айгустова). Своё название она получила в честь Саввы Айгустова, героя Полтавской битвы, командовавшего Белгородским пехотным полком [Крупенков 2007, с. 26]. Этот полк прославился во время Северной войны. За проявленную доблесть Пётр I удостоил Савву Айгустова звания генерал-майора.

4. Микрорайон Супруновка, улица Супруновская

В XIX веке Супруновка считалась однодворческой деревней, позже — слободой, и только к середине прошлого столетия вошла в черту Белгорода. Краевед Б. Осыков отмечает, что «документального источника о возникновении скромной деревеньки на правом берегу Везелки, очевидно, не сохранилось» [Осыков 2013]. О возникновении деревни свидетельствует только легенда, рассказанная одним из старожилов: «Деду Супруну тогда было от роду двадцать лет с небольшим, а пришел он в наши места с четырьмя своими родичами с Оки-реки да с пятью парнями из слободы Орлик Старооскольский. <...> Пришли напрямик к устью реки, небольшой и полноводной, с ручьями глубокими, и решили стать на житей» [Осыков 2013]. Таким образом, топоним *Супруновка* может восходить к мужскому имени *Супрун*.

5. Разумное, Дубовое, Майский, Северный

Из городской топонимики нельзя исключать номинации ближайших населенных пунктов Белгородского района, практически городов-спутников *Белгорода*, — это *Разумное, Дубовое, Майский и Северный*, которые входят в Белгородскую агломерацию. Эти ойконимы представляют собой часть активного урбанонимикона жителей города, так как это место жительства многих белгородцев.

Дубовое — посёлок, расположенный к югу от Белгорода. Своё название, по преданию, получил от знаменитого дуба трёхвековой давности (Изображение 10), посаженного ещё

в середине XVII века князем Ромодановским и гетманом Богданом Хмельницким в честь воссоединения Украины с Россией и до сих пор являющего миру свою древнюю красоту и мощь. Дуб является памятником природы и охраняется государством [Парковая зона, п. Дубовое].

Изображение 10. Дуб в п. Дубовое (фото из открытых источников: culture.ru)

Майский — посёлок городского типа Белгородской области. Ранее назывался *Павловка*, но в 1921 году *Павловка* стала «первомайским отделением Дмитро-Тарановского сахарного завода», а в 1955 была переименована и стала называться «Майский» [Моя малая родина — посёлок Майский].

Разумное — посёлок *Разумное* получил своё название от реки *Разумная*, рядом с которой он расположен. А вот саму реку таким названием по преданию наградил воевода Петр Волынский в 1633 году за то, что она помогла русским войнам одолеть поляков [Официальная страница Белгородской области ВКонтакте].

Северный — посёлок городского типа Белгородской области. Название посёлок получил благодаря географическому положению по отношению к г. Белгороду.

6. Пушкарное, Стрелецкое и Драгунское

Особый интерес представляют исторические названия *Пушкарное*, *Стрелецкое* и *Драгунское*, связанные с родом службы первых жителей этих военных поселений, сформированных при Белгородской засечной черте в XVII веке от набегов на южные границы Русского царства: «Названия некоторых мест указывают, откуда пришли первые поселенцы. Например, в Болховце «сведенцы» были из Болхова. другие места получили свои названия от специальностей живших в них людей. Это — Пушкарное, Стрелецкое, Драгунское» [Белгород. Очерк о прошлом, настоящем и будущем города 1962, с. 20].

1.6.2. Белгородские геонимы

В Белгороде за его многовековую историю появилось более 650 проспектов, площадей, набережных, улиц, переулков, проездов, шоссе. В 2004 году многие улицы были переименованы. Так на карте появились *Соборная площадь*; улица *Николая Чумичова*; *проспекты Славы, Гражданский; Свято-Троицкий бульвар; Театральный проезд*. В некоторых случаях изменение названий обусловливалось возвратом к использовавшимся в прошлом номинациям. Сегодня практически все белгородские геонимы можно отнести к нескольким традиционно выделяемым группам, самые распространенные из которых:

- образованы от названий городов: *Сумская, Корочанская, Волчанская, Курская,*

Харьковская, Сургутская, Московская;

- образованы от названий водных объектов: *Речная, Зареченская, Левобережная, Северо-Донецкая, Донецкая* (река *Северский Донец*), *Везельская* (река *Везёлка*);
- названы в честь известных исторических деятелей (улицы *Ленина, Щорса, Богдана Хмельницкого, улица Попова*) или деятелей науки (улица *Мичурина*);
- названы в честь событий или выдающихся личностей времен Великой Отечественной войны (проспект *Победы, проспект Ватутина, улица Губкина* и др.)

В новых районах Белгорода распространеными являются названия улиц, аксиологически маркированные. Так, в пос. Дубовое это улицы *Счастливая, Чудесная, Успешная, Чудная* и т. д., ул. *Звёздная, Лунная, Лесная, Заповедная, Абрикосовая, Вишнёвая*.

Рассмотрим названия некоторых крупных белгородских улиц.

1. Проспект Богдана Хмельницкого — Богданка (неофициальное название).

Проспект Богдана Хмельницкого — участок федеральной автомобильной дороги «Крым». Проходит от улицы Щорса до северного выезда из города в сторону посёлка городского типа *Северный*, мимо парка памяти павших в Великой Отечественной войне. Нумерация домов ведётся от улицы Щорса. Является одной из самых старых и важнейших улиц города, связывающей большинство других важных транспортных путей. Белгородцы в большинстве своём называют проспект *Богданка*. До реконструкции в 1999 году назывался улицей имени Богдана Хмельницкого.

2. Улица Щорса — одна из главных улиц города, протяжённостью 4 км. На ней находится множество городских объектов, включая стадион и большие торговые центры. Также эта улица ведёт в центральную часть города и пересекается с проспектом Богдана Хмельницкого. Улица появилась в Белгороде в 1959 году, к 40-летию со дня смерти Николая Щорса, в честь которого она названа [МОЁ! Белгород, 2016].

1.6.3. Микротопонимы белгородца

На основе научных работ региональных исследователей, диалектологической практики студентов кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета «НИУ «БелГУ», студенческих проектов по спецдисциплине для студентов-филологов НИУ «БелГУ» «Лингвогеоноведение» [Новикова 2010; Так говорят белгородцы] предлагаем к обзору «Микротопонимы (урбанонимы и ойкодонимы) белгородца».

Улицы и районы

• **Белгородский Арбат** — пешеходная зона в центре Белгорода, расположенная на улице 50-летия Белгородской области. Название получено по аналогии с Арбатом в Москве. На маршруте встречаются уличные выставки, необычные скульптуры, памятники, яркие клумбы, инсталляции, места отдыха и уютные кафе.

• **Сотня, стометровка** — часть Свято-Троицкого бульвара от Вечного огня (по другим данным — от драматического театра) до остановки общественного транспорта. Происхождение названия вызывает вопросы, т. к. протяжённость обозначенного маршрута на самом деле свыше 400 м (ширина — 75 м). Существуют разные гипотезы. Самая популярная — спортивная: в этом месте часто проводились легкоатлетические соревнования, в т. ч. забег на 100 м. Наличие соответствующей разметки могло породить появление новой номинации.

• **Водстрой** — микрорайон на Харьковской горе; автобусная остановка; торговый центр. Ранее здесь находилась организация, специализирующаяся на бурении скважин и прокладке водопровода. Это название стало основой для названия целого района.

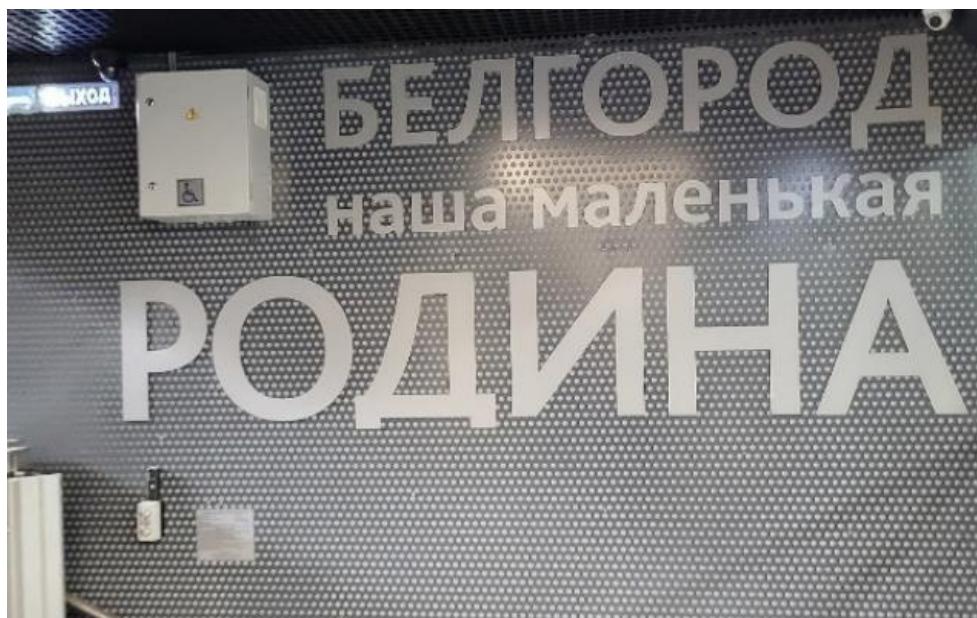
• **Гринёвка** — микрорайон города, ранее считавшийся небезопасным (*Гринёвку и Крейду не предлагать* — объявления в газетах конца XX века). Деревня Гринёвка стала частью Белгорода в 1964 г. Название имеет антропонимические корни и может восходить к фамилии Гринёв или имени Гриня (Григорий).

• **Сокол** — микрорайон города, получивший название благодаря одноимённому заводу. Лексема имеет отрицательную коннотацию, т. к. район считается неблагополучным (отсюда — появление производных вроде *сокольские ребята* ‘хулиганы, представляющие опасность’).

- **Левый берег (левобережье)** — микрорайон города, получивший название за счёт географических особенностей (находится на левом берегу реки Везёлки).
- **Луч** — микрорайон города, название связано с расположенной здесь ТЭЦ.
- **Новая жизнь** — новый городской микрорайон, изначально позиционирующийся как социальное жильё для молодых специалистов.
- **Пески** — урочище вдоль Белгородского водохранилища.
- **Спутник** — микрорайон города, название которого предположительно появилось благодаря одноимённому большому рынку, расположившемуся здесь в конце минувшего века.
- **Старый город** — исторический район на северо-западе Белгорода.
- **Черёмушки** — микрорайон города, ограниченный улицами Студенческой, Садовой Мичурина, проспектом Б.Хмельницкого и пересечённый улицей Некрасова.
- **Штаны** — народное название развязки на слиянии проспекта Славы и улицы Преображенской.
- **Кашары (Кошары)** — район города. Название предположительно связано с лексемой *кошара* ‘загон для овец’.

Городские локации

- **Вечный огонь** — мемориал, памятник на Соборной площади города, посвящённый павшим героям, борцам за свободу, за честь Родины в Великой Отечественной войне.
- **Диорама** — музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление» и окружающая здание территория центра города.
- **Родина** — неофициальное название остановки общественного транспорта «Свято-Троицкий бульвар». Название появилось благодаря одноимённому кинотеатру, пользовавшемуся большой популярностью у белгородцев. Здание кинотеатра было снесено в 2003 г., однако местные жители, вне зависимости от возраста, по-прежнему активно используют привычный урбанизм. Под влиянием общественного сознания претерпела изменения и инфраструктура: недалеко от бывшего кинотеатра появился выставочный зал «Родина», а в подземном переходе разместили слоган, подчёркивающий привязку лексемы к городскому контексту: *Белгород — наша маленькая родина* (Изображение 11). Уместность использования определения *маленький* в подобной конструкции стала предметом активных обсуждений.

Изображение 11. Подземный переход на остановке «Свято-Троицкий бульвар»
(источник: авторская фотография)

- **Восход** — продуктовый рынок на проспекте Богдана Хмельницкого. Служит также для

примерного обозначения части города, где он находится. Другое название этого района — *Старый автовокзал* (в здании недалеко от рынка во времена СССР размещался автовокзал, поэтому подобная номинация встречается преимущественно в речи старшего поколения).

- **Космос** — остановка общественного транспорта, получившая название от находящегося рядом дворца спорта и ставшая важным городским топографическим ориентиром.
- **Энергомаш** — название остановки общественного транспорта и городского района, полученное от ранее крупного завода.
- **Новый мост** — автомобильный и пешеходный мост через проспект Ватутина. Построен в 1984 г., но до сих пор называется *Новым*.
- **Океан** — известный магазин морепродуктов в Белгороде, давший название одноимённой остановке и ставший знаковым ориентиром для многих горожан. Функция ориентира выполнялась даже в то время, когда сам магазин приостанавливал работу.
- **Париж** — жилой комплекс, расположенный на берегу реки Везёлки. Недалеко находится и белгородская «Эйфелева башня» — телевышка.
- **Ротонда** — часовня-ротонда, расположенная на северном въезде в Белгород.
- **Солнечные часы** — место у Центрального рынка, названо по соответствующей скульптурной композиции.
- **Китайская стена** — длинный дом в центре Белгорода на ул. Победы.
- **Театралка** — место, соотносящееся с **Театральным сквером**, который является популярным местом для отдыха и прогулок в центре города («Читаем на Театралке»).

Гидронимы

- **Северский Донец** — самый крупный приток Дона, берущий свое начало в Прохоровском районе Белгородской области. Гидроним имеет мотивированную формально-семантическую структуру, производную от гидронима *Дон* с помощью суффикса *-ец*. Определение *Северский* исторически связано с *Северской землей*, по которой протекала река. На территории города Белгорода река является важной природной достопримечательностью, используется для отдыха, а также служит источником воды.
- **Везелка** — приток реки Северский Донец, протекающий в центре Белгорода. Первое упоминание гидронима зафиксировано в 1626 году в Писцовой книге. Существует несколько версий происхождения названия. По одной из них, *Везелка* происходит от глагола *вязать* (из веток ив и других кустарников, растущих на берегах реки вязали корзины). По другой версии, гидроним связан со словом *вязь* — болото, топь.
- **Гостянка** — река, устье которой находится в городе Белгороде. Первое упоминание района Гостянки, впадающей в Везелку, зафиксировано в 1571 г. в «Росписи местам, где стоять станичным головам на поле». В этом документе река Гостянка называется Зеницей.
- **Белгородское водохранилище** — искусственный водоем, расположенный на реке Северский Донец. Изначально водохранилище создавалось для промышленных нужд, но сегодня используется в рекреационных целях. В языковой картине мира белгородца протяженность и глубина водохранилища, а также возможность наслаждаться природой водоема определили народную номинацию — *Белгородское море*.

Организации

- **Виогем** — сокращённое название Всероссийского научно-исследовательского института по осушению месторождений полезных ископаемых, защите инженерных сооружений от обводнения, специальным горным работам, геомеханике, геофизике, гидротехнике, геологии и маркшейдерскому делу. В речи белгородцев используется не в прямом значении, а как пространственный ориентир (в здании, где ранее размещался институт, сдаются в аренду офисы и торговые помещения). Различают *Старый Виогем* и *Новый Виогем*, стоящие через дорогу друг от друга.
- **Гринн** — сокращённый вариант официального названия торгового центра «Мега-ГРИНН».
- **Ситик, Сити** — разговорный вариант официального названия торгового центра

«Сити Молл Белгородский».

- **Щепка** — разговорное название государственного академического драматического театра имени М. С. Щепкина (Отсюда «щепкинцы» — зрители и актёры театра города).
- **Турецкий банк** — здание «Сбера» на Гражданском проспекте. Номинация постепенно выходит из употребления, т. к. её внутренняя форма плохо ощущается молодым поколением (в 90-е годы XX века здание строили турецкие рабочие).

Неофициальные названия вузов города

- **Старый БелГУ и Новый БелГУ** — корпуса вуза НИУ «БелГУ» на ул. Студенческая («старый») и улице Победы («новый»).
- **Копер** — разговорное название Белгородского университета кооперации, экономики и права.
- **Кулёк** — разговорное название Белгородского государственного института искусств и культуры.
- **Майский, сельхоз** — разговорное название Белгородского государственного аграрного университета имени В. Я. Горина (расположен в пос. Майский).
- **Шухова, технолог** — разговорное название вуза БГТУ им. В. Г. Шухова.

1.6.4. «Привет из прошлого»

В речи коренных (или долго живущих в городе) белгородцев достаточно активно используются годонимы, несущие информацию о недавнем советском прошлом. Это названия улиц до переименования: *проспект Ленина* (сегодня *Гражданский проспект и Свято-Троицкий бульвар*), *Коммунистическая* или *Коммуна* (сегодня ул. *Преображенская*), *Кирова* (ул. *Белгородского полка*), *Литвинова* (*Белгородский проспект*), *проспект Фрунзе* (*проспект Славы*), улицы *Чернышевского* (ул. *50-летия Белгородской области*), *Красина* (ул. *Чумичова*), *Воровского* (ул. *Князя Трубецкого*). Ту же ностальгию по прошлому несёт часто употребляемое название *Дом пионеров* вместо современного *Дворец детского творчества*.

В. И. Теркулов и Е. А. Жуков отмечают, что важной особенностью урбанизмов является «способность схватывать культурные, социальные, экономические и прочие характерные черты эпохи» [Жуков 2020, с. 42]. История переименования белгородских улиц дает отчетливое представление о тех исторических событиях, которые пережил город — интереснейшие факты приводятся в книге А. И. Лимарова и А. И. Ткаченко [Лимаров 2009]. Продемонстрируем это на примере переименования *Гражданского проспекта*, одной из центральных белгородских улиц:

С XVIII века *Большая улица, Корочанская улица* — улица, по сведениям источников, шла «от крепости до реки Донца сквозь гостиный двор». Под крепостью в данной цитате имеется в виду восточная стена кремля белгородской крепости, находившейся в районе современной ул. 50-летия Белгородской области [Лимаров 2009, с. 14].

С 1904 года *улица Императора Николая II* — после посещения города царём 4 мая 1904 года Белгородская городская дума ходатайствовала перед курским губернатором о переименовании улицы Корочанской в улицу Императора Николая II. Из Министерства внутренних дел последовал дополнительный запрос: «Достаточно ли пристойно содержится Корочанская улица в гор. Белгороде?», и 5 октября 1904 года было получено официальное разрешение на переименование улицы [Лимаров 2009, с. 15]. В здании городской управы (сегодня — Белгородский строительный колледж) «была установлена мраморная доска с надписью золотыми буквами: «4 мая 1904 года ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ВТОРОЙ осчастливили г. Белгород СВОИМ посещением, ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил населению Белгорода СВОЮ МОНАРШУЮ благодарность за приём и порядок во время пребывания ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА пожертвовать бедным жителям г. Белгорода одну тысячу рублей» [Лимаров 2009, с. 15].

С 1917 *Гражданская улица* — получила название в Февральскую революцию (сокращённое народное — *Грача*, функционировавшее в речи как минимум до 50-х [Крупенков 2008, с. 35]).

С февраля 1919 года — *улица Карла Либкнехта*. С 1924 года — *улица В. И. Ленина*.

В период оккупации Белгорода — *Браухихштрассе*, *Банхофштрассе* (Вокзальная).

С 1943 года — *ул. Ленина, проспект Ленина*.

С 2004 года — *Гражданский проспект*.

Столь же интересные события отражаются и в исторических названиях других центральных белгородских улиц — *Новый бульвар*, *Соборная улица*, *Георгиевская улица*, *Базарная площадь*, *Михайловская улица*, *Ново-Московская улица*, *Батальонная улица*.

1.7. Лингвокультурные города

Лингвокультурные Белгорода носят неоднородный характер. С одной стороны, сюда относятся частично описанные ранее номинации — топонимы, получившие дополнительное смысловое наполнение в пределах городского контекста (например, *Стометровка*, *Родина*, *Сокол*, *Новая*). Сюда же примыкают номинации, не утратившие прямого значения, но получившие особое коннотативное наполнение, чаще всего демонстрирующее отношение местных жителей (например, *улица Спортивная* — одна из многих улиц Белгорода, однако в сознании горожан она ассоциируется с неблагополучием и опасностью из-за специфичного контингента жителей).

Другим видом городских лингвокультурных становятся образы-символы, которые местные жители (или, наоборот, посторонние) считают своей «визитной карточкой». Такие образы носят кумулятивный характер, объединяя не только собственно лингвистическую, но и визуальную и даже перцептивную составляющую. Перечислим некоторые из них:

Образы-символы Белгорода

- **Святитель Иоасаф Белгородский** — знаменитый святой, облик которого увековечен в виде памятника.

- **Князь Владимир** — об исторических спорах в отношении князя рассказало в п. 2. При этом для многих белгородцев фигура князя Владимира остаётся значимой в преломлении к родному краю.

- **Знаменитые белгородцы, заслуги которых признаны в том числе и за пределами города** — этим людям ставят памятники, называют их именами организации, а для местных жителей такие персонажи становятся поводом для гордости за родной край (например, для белгородцев такое символическое значение приобретают М. С. Щепкин, В. Г. Шухов, С. Хоркина и т. п.).

- **«Честный Гаишник»** — Павел Кириллович Гречихин, инспектор дорожно-патрульной службы отдельной роты ДПС, на многие годы запомнившийся белгородцам своей непоколебимой честностью. В Белгороде ему установлен памятник.

- **Белгородское сердце** — трагический образ, возникший в жизни города в результате обстрела 30.12.2023, унёсшего жизни нескольких десятков мирных жителей. В культурном пространстве города образ повреждённой скульптуры воплотил в себе все эмоции, переживаемые жителями приграничья в сложной геополитической обстановке.

- **Белгородский байбак** — культурно-туристический (анимационный) персонаж, созданный в региональной школе креативных индустрий. Инструмент формирования бренда региона. За счёт «искусственного» появления не имеет (пока) глубокого отклика в сознании местных жителей, однако способен стать внешним репрезентантом образа региона в культурно-туристическом пространстве.

1.8. Городской текст. Известные белгородцы. Город в художественных и публицистических произведениях

Изображение Белгородского края, Белгорода можно найти в творчестве русских классиков, например, у И. А. Бунина, А. Т. Твардовского и, конечно, в произведениях крупных современных писателей Черноземья — И. А. Чернухина, В. Е. Молчанова и др.

О Белгороде как *городе воинской славы* читаем у А. Т. Твардовского:

«Героям Орла и Белгорода
В привычных сумерках суровых
Полночным залпам торжества,
Рукоплеща победе новой,
Внимала матушка-Москва.
И говор праздничный орудий
В сердцах взволнованных людей
Был отголоском грозных буден,
Был громом ваших батарей.
И каждый дом и переулок,
И каждым камнем вся Москва
Распознавала в этих гулах —
Орел и Белгород — слова»

[Твардовский 1943].

Белгородский поэт, музыкант, автор более десятка книг стихотворений и поэм Владимир Ефимович Молчанов родился в 1947 году в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли на Белгородчине, в селе Новая Таволжанка Шебекинского района. Более ста стихотворений Владимира Ефимовича положены на музыку известными композиторами и стали популярными песнями. Среди таких стихотворений — «Белгородские улицы».

«Живет всегда в нас память о былом,
И не уходит прошлое в преданье.
К березкам в нашем парке городском
Иду с тобой, **мой город**, на свиданье.
Где раньше были тихие дворы —
Звучит баян, под вечер оживая,
И светится до **Харьковской горы**
Былая слобода моя **Жилая**.
Пусть нет у нас Садового Кольца,
Зато весенний сад красив и молод,
И к белым кручам лентою **Донца**
Привязан крепко-накрепко мой город.
Живет всегда в нас память о былом,
И не уходит прошлое в преданье.
Березки в нашем парке городском
И новых улиц старые названья.

Белгородские улицы — добрый свет на заре,
Белгородские улицы — тополя в серебре.
Белгородские улицы — я иду в тишине.
Белгородские улицы — как вы дороги мне...»

[Молчанов 2002, с. 274].

Игорь Андреевич Чернухин (1930-2017) — заслуженный работник культуры РФ. Родина поэта — небольшой посёлок Томаровка Белгородской области. Улица, по которой он бегал в школу, теперь носит его имя. Детские впечатления о войне, молодость на стройках Белгорода стали жизненной основой литературного творчества И. А. Чернухина. Несколько лет он возглавлял региональную писательскую организацию, стал лауреатом ряда премий, в т. ч. Всероссийской премии «Прохоровское поле». Малая родина — Белгородчина, Белогорье, «белохатье», степная глубинка — душа поэзии Игоря Чернухина. Он неустанно славил свой край, воспевая «...твои и хлеба, и жнивье, и руды, и Белый твой город, и ратное поле твое». Сыновними

признаниями в любви к своему Белому городу, к родной Белгородчине пронизано всё творчество поэта-патриота И. А. Чернухина.

Большой вклад в развитие не только города и региона, но и всей России внесли известные белгородцы, имена которых по праву вошли в состав номинаций городского пространства: Белгородский государственный технологический университет имени **В. Г. Шухова**, **Шуховский лицей**, учебно-спортивный комплекс **Светланы Хоркиной**, Белгородский государственный академический драматический театр им. **М. С. Щепкина** и др.

Михаил Семенович Щепкин (1788-1863) — основоположник русской актёрской школы, известный актер. Родился в с. Красное. Деятельность Щепкина способствовала утверждению профессии актера и становлению направления сценического реализма.

Владимир Григорьевич Шухов (1853-1939) — российский и советский инженер, архитектор, изобретатель, ученый, который родился в г. Грайвороне. С детства удивлял педагогов своим талантом и уже со студенческих лет занимался развитием отечественной науки.

Светлана Васильевна Хоркина (род. 1979) — российская гимнастка, двукратная олимпийская чемпионка, чемпионка мира. Родилась в городе Белгороде. Уже в 11 лет Светлана стала членом молодежной сборной СССР, а в 13 лет вошла в состав национальной сборной по спортивной гимнастике. В настоящее время является депутатом Государственной думы и занимается общественной деятельностью.

1.9. Слоганы с использованием астионима

Как устойчивые клише в массмедиа (в том числе в туристической и социальной рекламе) активно тиражируются слоганы, учитывающие уникальные особенности, историю и культуру города.

В первые десятилетия XXI века на городских баннерах (даже в официальных документах) часто встречался слоган *Белгород — город добра и благополучия*. В рамках языковой игры *добра* в разговорном дискурсе нередко заменялся на *бобра*.

Оборот «Белгородчина — земля отчая» используется региональными СМИ как стилистическая фигура, например, для названий культурных событий: «Познавательная программа «Белгородчина — земля отчая» [Белгород. Культурный регион].

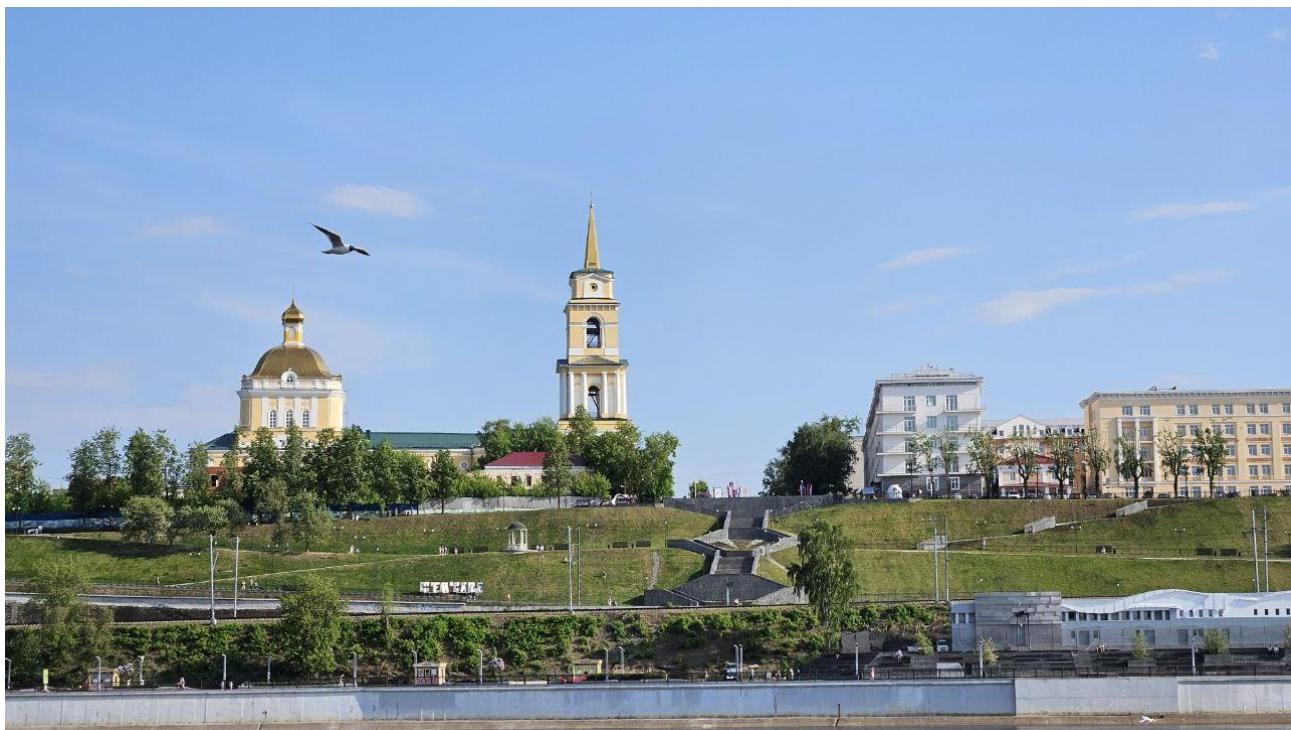
Героические страницы истории города отражаются в слоганах *Белгород — город первого салюта*; *Белгород — город воинской славы*.

После трагедии 30 декабря 2023 года в интернет-пространстве распространялись слоганы *Белгород в сердце*; *Белгород. Любовь победит* (Изображение 12).

Изображение 12. Работа дизайнера М. Логутовой (фото из открытых источников: fonar.tv)

Глава 2. Пермь
(Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева)

Изображение 13. Пермь (фото из открытых источников: <https://www.kp.ru/>)

2.1. Названия города

Слово *пермь* впервые упоминается в Повести временных лет (1113 г.), где оно обозначало, вероятнее всего, население Вычегодского бассейна — предков коми-зырян. Позднее в русских летописях территория проживания данного этноса обозначалась как Пермь Вычегодская [Чагин 1988; Туркин 1995]. По отношению к территориям западнее Уральских гор в бассейне Верхней Камы, Чусовой и Вишеры в XIV в. закрепилось название Пермь Великая, которое использовалось до XVIII в. [Чагин 1988; Вершинин 2001]. Существуют данные, что на территории Перми Великой на реке Вишере существовал город с таким же названием [Корчагин 2013].

Происхождение слова спорно, однако наиболее принятой в научной среде является версия Д. В. Бубриха, согласно которой слово пришло из языка проживавших около Ладожского и Онежского озер вепсов, которые называли вычегодские территории, находившиеся за Двиной и, соответственно, предков коми-зырян, проживавших там и говоривших на ином языке, *pera taa* ‘задняя, дальняя земля’, т. е. окраина (из слов *pera* ‘задняя’ *taa* ‘земля’). По аналогии с названиями других народов (*чудь, весь, вода* и др.) слово получило в русском языке форму *пермь* [Полякова 2013].

Постепенно из наименования территорий бассейна Верхней Камы выпадает определение Великая, а название Пермь «распространяется и на бассейн Средней Камы, т. е. охватывает весь Пермский край. В конце XVIII в. оно дало название обширному Пермскому наместничеству, затем Пермской губернии и, наконец, центральному городу этой территории — Перми» [там же: 20].

С 1940 по 1957 гг. город назывался Молотов. Хотя наименование было дано в честь наркома иностранных дел В. М. Молотова, оно перекликалось с основным революционным символом Перми — памятником борцам за дело революции на г. Вышка в Мотовилихинском районе города, который был сооружен в 1920 г. и изображал паровой молот и серп (этот памятник был на гербе Перми с 1969 по 1993 г.). В качестве Молотова город вошел во все военные хроники.

Изображение 14. Памятник борцам революции
(фото из открытых источников: <https://dzen.ru/>)

Изображение 15. Советский герб Перми
(фото из открытых источников: <https://hapok.ru/>)

Топоним *Пермь* дал название последнему геологическому периоду палеозойской эры — пермскому периоду (*Permian*) [Murchison 1841], а также Пермскому морю, существовавшему в то время.

Отдельно нужно отметить, что местными жителями топоним Пермь произносится исключительно с мягким [r'] — [p'ér'm'], что, вероятнее всего, связано с некоторыми местными говорами, не знавшими твердого [r] (см. [Ерофеева, Штерн 1998]); сохраняется, но значительно реже, произнесение [p'ér'm'sk'ij].

2.2. Краткая история и характеристика города

Территория современного города Перми была заселена людьми с древнейших времен, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники от каменного века (стоянка Егошиха) до позднего Средневековья [Корчагин 2006].

В XVII в. земли, на которых расположен город Пермь, принадлежали Строгановым. В 1723 г. в устье реки Егошихи был основан государственный Егошихинский медеплавильный завод. Эта дата и считается официальной датой основания города Перми [Основание города Перми: электр. ресурс], однако русское поселение (починок) существовало на этой территории не позднее 1647 г. [Полякова 2013]. Согласно проведенной в 1868 г. переписи населения в Перми проживало 19 556 чел., а в ее окрестностях (которые сейчас входят в черту города) — 9 531 чел.

В 1780 г. Екатерина II подписывает указ, согласного которому город получает статус губернского: «...Город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте» [Трапезников 1998: 15]. Однако сначала в 1781 г. было учреждено Пермское наместничество (объединившее два современных субъекта России — Пермский край и Свердловскую область), которое только в 1796 г. указом императора Павла I было преобразовано в Пермскую губернию [Дмитриев 1889].

В течение XIX в. город начал развиваться не только как промышленный, но и как крупный административный, торгово-транспортный и культурный центр Урала. Пермь стала центром Пермской епархии, в городе были построены крупные железнодорожные линии, развивалось судоходство, были открыты телеграф и специализированный книжный магазин, устроено газовое, а затем и электрическое освещение улиц, открылись театр оперы и балета

и кинематограф [Трапезников 1998]. В 1916 г. благодаря крупному пароходчику и меценату Н. В. Мешкову в городе открылся первый на Урале университет.

Начало XX в., как и во всей стране, было связано с революционными событиями. В 1905 г. произошло восстание рабочих в Мотовилихе, которое было подавлено в 1908 г. В результате революции 1917 г. власть в Перми перешла к губернскому исполнительному комитету во главе с большевиками, однако уже в конце 1918 г. Пермь была взята армией Колчака и до середины 1919 г. оставалась под его властью. Отступая, колчаковцы сожгли речной флот, склады с хлебом и взорвали железнодорожный мост [там же], что надолго подорвало экономику города.

В 1923 г. административный центр Урала был перенесен из Перми в Свердловск и город утратил статус губернского. Пермская область была выделена из состава Свердловской только в 1938 г., и тогда город вновь стал областным центром.

В советское время в Перми активно развивалась промышленность и росло население (в 1939 г. население города составило 306 тыс. чел.) Во время Великой Отечественной войны Молотовская (с 1940 по 1957 гг.) область стала одним из регионов, которые принимали эвакуированное население и предприятия. Только в Перми было размещено 64 эвакуированных предприятия [Великая Отечественная война и промышленное развитие Западного Урала: электр. ресурс], что способствовало развитию промышленности. Кроме того, в Перми была эвакуирована труппа Мариинского театра, и это стало стимулом для развития балета и открытия в дальнейшем хореографического училища.

В послевоенное время территория и население города продолжали увеличиваться. В 1979 г. город стал миллионником, его территория увеличилась почти до 800 тыс. кв. км., а протяженность вдоль Камы достигла 65 км. В это время была построена Камская гидроэлектростанция, нефтеперерабатывающий завод, судостроительный завод, телефонный завод, Камкабель, машиностроительный, приборостроительный и др.; продолжили развиваться и ранее созданные заводы — Мотовилихинский, моторный, карбюраторный, пороховой, паровозоремонтный и мн. др. За развитие промышленного производства в 1971 г. город Пермь был награжден орденом Ленина.

В настоящее время Пермь является центром Пермского края — субъекта Российской Федерации, образованного в 2005 г. в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Это крупный промышленный, научный и культурный центр. В Перми находится более 50 крупных промышленных предприятий; Уральское отделение Академии наук (19 институтов), 13 высших учебных заведений (из них 11 государственных), а также 8 филиалов столичных вузов; 4 государственных и несколько негосударственных театров, филармония, цирк; 13 музеев, планетарий; проходят крупные музыкальные и театральные фестивали. Развита сеть средств массовой информации, включающая российские и местные телеканалы, журналы, газеты, радиопрограммы и т. п.

Население современной Перми составляет более 1 млн 55 тыс. чел. Возрастные группы населения: дети и подростки (до 18 лет) — 21,8%; молодежь (от 18 до 29 лет) — 11,9; взрослые (от 30 до 59 лет) — 43%; пожилые (старше 60 лет) — 23,2%. Среди тех, возраст которых старше 18 лет, высшее образование имеют 17,3% населения, неполное высшее — 1,9% населения, среднее профессиональное образование — 40,5% населения Перми [Население Перми: электр. ресурс].

Статистических данных о занятости населения Перми нет, однако косвенно об этом можно судить по данным о Пермском крае. Так, доля трудоспособного населения в крае составила в начале 2025 г. 56,6%. Сфера занятости населения следующие:

- промышленность — 31,4%;
- отрасли социальной сферы (образование, здравоохранение и др.) — 23,3%,
- торговля, гостиничные услуги и пр. — 12,2%;
- транспорт и связь — 10,1%;
- госуправление, обеспечение военной безопасности — 8,0%;
- строительство — 5,6%
- административные и финансовые услуги — 5,4%

- сельское и лесное хозяйство — 2,3%;
- прочие виды деятельности — 1,8%

[Пермский край в цифрах 2025].

Таким образом, в крае и, соответственно, в городе представлены разные социальные слои населения.

2.3. Языки и этносы города

В Пермском крае насчитывается примерно 130 этносов и языков. Как и Пермский край в целом, Пермь является многонациональным городом. Национальный состав Перми менялся со временем, но наиболее распространенными этническими группами всегда оставались русские и татары. Так, в 1897 г. согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 92,7% населения Перми составляли русские, 2,8% — татары, 1,8% — евреи, 1,6% — поляки; коми-пермяков в то время в городе отмечено всего 4 человека. В 1926 г. русские составляют 90,1%, татары 4,2%, евреи 3,4%, поляки — 0,44% и коми-пермяки — 0,33% [Переписи населения: электр. ресурс].

В настоящее время основа населения города остается русской (87,1%). Наиболее крупные группы традиционных этносов представлены татарами (4,6%), коми-пермяками (3,2%), башкирами (1,3%), удмуртами (0,8%) [Население Перми: электр. ресурс]. Наиболее распространены в Перми, кроме русского, татарский и коми-пермяцкий языки. Подавляющее большинство их носителей являются билингвами, т. е. владеют как своим этническим языком, так и русским. Их речь на русском языке может практически не иметь специфических особенностей, а может быть довольно сильно окрашена (от наличия только фонетического акцента разной степени выраженности до присутствия особенностей всех языковых уровней). Зависит это прежде всего от степени владения русским языком, от тех сфер, в которых он используется конкретным билингвом, и от того, когда русский язык стал им осваиваться.

Кроме традиционных, исторических национальных групп населения, на территории Перми проживают достаточно многочисленные группы мигрантов. Наибольшие этнические группы мигрантов — это таджики, украинцы, армяне, азербайджанцы, узбеки [Всероссийская перепись населения 2020: электронный ресурс], однако доля каждой из этих этнических групп не превышает 0,3% в составе населения города. В большинстве случаев они живут довольно обособленно и локализованы в определенных районах проживания диаспор. В этой группе населения степень владения русским языком до сих пор довольно низкая: многие из них вообще не владеют русским языком или владеют им плохо. Их речь воспринимается жителями города как явно «чужая» (в отличие от привычной речи традиционных для Урала национальностей), в связи с чем можно считать, что ее влияние на русскую речь монолингвов практически отсутствует.

2.4. Базовые идиомы города

Как было показано выше, Пермь характеризуется наличием разных социальных слоев, что способствует дифференциации языка города, развитию в нем разного типа идиомов, как макроидиомов (имеющими характер кода, достаточного для коммуникации) и микроидиомов (имеющими характер лексических систем, не достаточных для коммуникации и функционирующих как добавление к макроидиому), так и промежуточных идиомов [Ерофеева Е. В. 2005].

Функционирующими в Перми макроидиомами являются прежде всего литературный язык и просторечие.

Литературный язык города, как и везде, обслуживает образование, массовую коммуникацию, театральную речь, официальную сферу и т. п. Количество образованных людей в городе довольно велико, при этом многие из них связаны по своей работе с использованием языка (преподаватели, работники органов власти, юристы, писатели, поэты, артисты, журналисты, ведущие теле- и радиопрограмм, учителя, секретари, референты, переводчики, рекламные агенты, продавцы крупных фирм и специализированных магазинов, прошедшие соответствующую языковую подготовку и т. п.). Большинство из них использует литературный язык, причем обычно не один из его стилей. Однако устная речь многих носителей литературного языка, как профессиональная, так

и разговорная, оказывается в разной степени локально окрашена. Обычно речь идет о фонетических особенностях, которые могут проявляться сильнее или слабее, и о некотором количестве лексических вкраплений; грамматические локальные явления довольно редки (см. [Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова 2023]). К этой группе примыкают образованные люди, не связанные по своей работе непосредственно с языком (врачи, инженеры, строители, высококвалифицированные рабочие и т. п.). Наблюдения за их речью показывают, что она более открыта для проникновения локализмов и просторечных элементов всех уровней [Ерофеева Т. И. 1979]. Стоит отметить, что в данном случае решающую роль играет именно профессиональная связь с речью, а не уровень образования. В терминах О. Б. Сиротиной носителей первого варианта литературного языка можно было бы соотнести (с известными оговорками на фонетическую окраску) к элитарному или литературно-разговорному типу речевой культуры, а носителей второго типа литературного языка к среднелитературному типу речевой культуры [Сиротинина 2000].

Функционирует в Перми и просторечие, являющееся ведущей формой общения большой части населения, представленной разнообразными социальными группами (низкоквалифицированные рабочие, низший обслуживающий персонал, продавцы мелких магазинов и рынков, медицинские сестры, разнорабочие и т. п.). В то же время статус современного городского просторечия постепенно меняется, оно теряет системность [Ерофеева Е. В. 2005].

Если ранее жители сельской местности являлись носителями местных говоров и, переселяясь в город, обеспечивали тесную связь речи Перми с говорами Прикамья, то сегодня можно уже с уверенностью говорить, что процесс замещения местных говоров региолектом практически завершен. В современной социолингвистике региолект трактуется как промежуточный, смешанный идиом, характеризующийся общими особенностями речи целого региона без разделения их на городские и деревенские и постепенно вытесняющий традиционные говоры [Герд 2001; Auer, Hinskens 1996; Spiekermann 2005 и мн. др.]. Региолекты формируются при развитии городов и прежде всего именно в городах; в настоящее время, когда доля городского населения (76,9%) в 3 раза превышает долю сельского, региолект становится базовым идиомом, оказывающим влияние на все стороны речи региона. Современный пермский региолект объединяет идиомы языка, функционирующие на единой территории края.

Носителями региолекта является большинство жителей региона: люди разных социальных слоев, с различными возрастными и гендерными характеристиками, разного уровня образования, статуса и исполняющие разный набор социальных ролей. Речь разных носителей может быть насыщена региолектными особенностями в разной степени в зависимости от различных социальных факторов. Так, например, люди с высшим образованием реже используют в речи лексические локализмы, напротив, люди со средним образованием чаще прибегают к локальным лексическим элементам, а фонетическая региональная окраска их речи в целом ярче. Однако при всей своей вариативности, система региолекта характеризуется стабильностью. Эта стабильность проявляется и в том, что региолектные единицы встречаются в речи подавляющего большинства жителей того или иного региона, и в том, что в языковом сознании носителей региолекта собственно региолектные варианты и варианты, заимствованные из других форм языка, не разводятся.

Речь носителей региолекта может в значительной степени варьировать в зависимости от различных социальных факторов, приводя к выделению внутри региолекта различных макроидиомов (жаргонов, социолектов²).

²С нашей точки зрения, социолекты представляют собой статистически значимо различающиеся распределения частот лингвистических единиц в речи (или ментальном лексиконе) людей разных социальных групп. Если обнаруживается значимое различие между частотами лингвистической единицы в зависимости от градаций одного социального фактора (например, пола), то такие социолекты называются частными; обобщенные социолекты фиксируются при сочетании социальных факторов (например, мужчины негуманитарии и женщины гуманитарии). Жаргоны являются подвидом социолектов, которые осознаются носителями языка в силу того, что они обыкновенно касаются лексического уровня и частотность употребления жаргонной лексики представляется нулевой (хотя это часто не так) для всех социальных групп, кроме рассматриваемой (см. подробнее [Ерофеева Е. В. 2005]).

Практически все жители города являются носителями какого-либо жаргона, а зачастую и нескольких. Развитие в крупном промышленном центре множества сфер производства приводит к наличию необъятного количества профессиональных жаргонов; носители литературного языка также использует в своей речи профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, связанные с их специальностью. Функционируют в городе и различные жаргоны асоциальных и криминальных элементов, а также молодежный и общий жаргоны. Элементы этих жаргонов вплетаются в речь чаще всего на основе региолекта или локально окрашенной разговорной речи.

Наличие в Перми частных и обобщенных социолектов, формирующихся на основе таких социальных факторов, как образование, специальность, пол, возраст, показано в многочисленных работах пермских социолингвистов.

В целом региолект представляет собой особый тип лингвистического континуума — региолектный континуум, который сочетает черты диалектного, диастратического и контактного континуумов. Понимание континуальной природы региолекта позволяет учитывать при его описании взаимодействие социальных и территориальных факторов и, соответственно, территориально-социальную вариативность языковых средств региолекта [Ерофеева Е. В. 2020].

Таким образом, языковая ситуация Перми в целом характеризуется полиглоссией и многоязычием. При этом взаимовлияние различных идиомов в крупном городе оказывается более сильным, чем в других населенных пунктах края, т. е. именно в Перми наблюдается наибольшая интерференция всевозможных идиомов русского языка. Напротив, влияние других языков на русский значительно слабее в Перми, поскольку контакты между языковыми коллектиками — носителями разных языков — в Перми неупорядоченны.

2.5. Особенности формирования региолекта

В русском языке региолекты возникают в первую очередь при взаимодействии литературного языка, просторечия и местных говоров, при этом в региолекте утрачиваются архаические черты диалекта и развиваются собственные новые особенности [Герд 2001; Ерофеева Е. В. 2020]. Однако в формировании региолекта принимают участие не только названные идиомы, но и иные языки, функционирующие на данной территории (см., например: [Оглезнева 2013; Донецкий региолект 2018] и др.).

Поскольку региолект является образованием, складывающимся на основе отмирающих говоров, постольку собственно диалектная составляющая крайне важна в структуре региолекта. В случае с пермскими говорами эта диалектная составляющая сама по себе весьма сложна. С одной стороны, пермские говоры — это результат внутриязыковой интерференции между разными русскими диалектами, в основном северновеликорусскими, но с влиянием как средне-, так и южнорусских говоров [Русская диалектология 1972; Словарь русских говоров Среднего Урала 1964 и др.], с другой — результат межъязыковой интерференции говоров и финно-угорского субстрата, в то время как тюркский языковой субстрат в диалектах не выявлен [Смолякова 1977]. Это подтверждают и данные этнографов об общих чертах быта и обрядов у русских и коми-пермяков и манси, а также о том, что русскими в культуре у башкир и татар заимствовано совсем немного [Чагин 2002].

Однако говоры — лишь один из источников формирования региолекта. Формированию региолекта способствует увеличение доли городского населения и наличие крупных городов с сильными культурно-языковыми традициями. Региолект зарождается в условиях городской речи. Именно городская среда обеспечивает одновременное столкновение нескольких языковых подсистем: это обеспечивается и большим населением городов, по сравнению с деревнями, и значительным социальным разнообразием городского населения. Социальные условия формирования региолекта — это, с одной стороны, усиление контактов между разными социальными группами в городах, что ослабляет влияние узко территориальных факторов, с другой стороны, ограниченность массовых контактов в рамках региона.

С лингвистической точки зрения языковая ситуация, способствующая зарождению региолекта должна обязательно характеризоваться наличием полиглоссии (или полилингвизма, по Б. А. Ларину) как городов в целом, так и отдельных их жителей, а следовательно, внутриязыковой

интерференцией. Анализ письменных памятников Прикамья показывает, что, хотя основа городского языка в Пермском крае изначально была диалектной, зачатки полиглоссии присутствовали в городском языке начиная с самых ранних этапов: во-первых, городской язык лексически был в большей степени, чем язык деревни, ориентирован на общерусские элементы; во-вторых, в нем развивались профессиональные языки, в-третьих, на него оказывали влияние прибывающие из других регионов писцы, дозорщики и т. п. [Полякова 2002].

Активный процесс формирования городов начался в России в XIX в.: население Перми увеличилось в течение XIX в. более чем в 20 раз [Плотникова 1998]. По данным историков и социологов, в пермском регионе городское население всегда включало определенную долю татар. В XIX в. доля татарского населения в городах Прикамья стала увеличиваться [Черных 2015], в то время как доля коми-пермяцкого населения, наоборот, сокращалась. В 1987 г. в городах Прикамья зарегистрировано 3,4% нерусского населения, среди которого преобладали татары; коми-пермяков в городах Прикамья в 1897 г. было зарегистрировано всего 67 человек [Козлова 2010]. При этом к концу XIX в. «татары проживали во всех городах и их численность, постоянно возрастающая, составила в Перми и Осе — около 3%, в Кунгуре и Оханске — более 1%» [там же: 79]. В настоящее время в районных центрах Пермского края проживает от 5 до 17% татар; в Перми, как было показано выше, татар и башкир — 5,9%, в то время как коми-пермяков — 3,2%.

При достаточной активности в городах татарского населения, которое по многим причинам, в том числе и конфессиональным, отличалось приверженностью национальным традициям и родному языку (более трети городских татар владело грамотой на родном языке), стало заметным влияние татарского языка на русскую городскую речь: с усилением доли татарского населения в городах Прикамья фонетика формирующегося региолекта стала включать в себя ряд особенностей, которые плохо объясняются диалектной основой, однако хорошо коррелируют с особенностями русской речи татар. Сопоставление фонетических черт русской речи коми-пермяков и татар показывает, что коми-пермяцкий язык сильнее связан с диалектом (и многие диалектные особенности дольше сохраняются в русской речи коми-пермяков, чем у самых русских), в то время как татарский язык теснее связан именно с региолектом [Ерофеева Е. В. 2013].

Языковые контакты на территории Пермского края активны до сих пор. Если в начальные периоды заселения Урала русскими большую роль играли контакты русского языка с финно-угорскими языками, то в XX в. значимость приобрели контактные процессы между русским и татарским языками, которые привели к образованию новых региолектных особенностей, причем в большей степени на фонетическом уровне [там же].

В целом языковую ситуацию Пермского края можно охарактеризовать как сложное и многоаспектное взаимодействие двух видов интерференции: внутриязыковой и межъязыковой.

2.5.1. Фонетика

Особенности пермской региолектной фонетики впервые были рассмотрены Т. И. Ерофеевой в ее диссертации, выполненной на кафедре общего языкознания Ленинградского государственного университета, в которой был введен термин «локально окрашенная разговорная речь», обозначавший устно-разговорную форму речи носителей литературного языка, отличающуюся от стандарта наличием местных особенностей разных уровней [Ерофеева Т. И. 1971]. В то время еще не существовало понятия «региолект», но позднее было показано, что локально окрашенная литературная речь может рассматриваться как точка (или, скорее, область) перехода на оси «региолект — литературный язык», т. е. региональный вариант литературного языка является пограничной формацией между литературным языком и региолектом и может быть включен в региолект как его часть [Ерофеева Е. В. 2005].

Все исследователи пермской городской фонетики [Ерофеева Т. И. 1979; Интерференция звуковых систем 1987; Игнаткина, Штерн 1993; Ерофеева Е. В. 1997, 2005 и др.] указывают, что

наиболее распространенными и яркими чертами пермской городской фонетики среди сегментных являются вокалические особенности.

Поскольку фонетика всех устных неподготовленных форм речи не совпадает с литературной и ведет к возникновению множества фонетических черт, вызываемых условиями произнесения (полной или частичной редукции сегментов речи, неполной реализации целевого произнесения и т. п.), с нашей точки зрения, собственно региолектными можно считать только те сегментные фонетические особенности, которые в устной речи жителей данного региона встречаются чаще, чем в устной речи иных регионов (в первую очередь — столичных). Статистический анализ частотности произносительных особенностей в речи пермяков и петербуржцев (носителей одного из вариантов литературной нормы³), позволил выделить семь собственно региолектных особенностей пермской городской речи⁴:

1) чрезмерная качественная редукция гласных /a/ и /o/ (использование в первом предударном слоге и в абсолютном начале слова на месте орфографических А и О гласных второй степени редукции или еще более закрытых): [ътъб'éдъl'i] — *отобедали*, [ъl'ýksándr] — *Александр*, [tъkój] — *такой* (68,7%);

2) произношение [a]-образных гласных на месте орфографических А и Я после мягких согласных: [pám'æt'i] — *памяти*, [zъblud'ils'æ] — *заблудился*, [r'ергъdúkсыæm'i] — *репродукции* (40,7%);

3) смягчение конечного согласного слова перед начальными /i/ и /j/ следующего слова: [kàk'_i-mnóg'i·e] — *как и многие*, [iz'—jíjó grúp:] — *из ее групп*, [dóm'ik—etъt'_izv'és't'ьn] — *домик этот известен*, [гъzglvórgъf'_i-rómyislъf] — *разговоров и помыслов* (33%);

4) еканье (произношение /e/ на месте орфографических Е и Я после мягких согласных в безударной позиции): [fъkul't'ét'e] — *факультете*, [b'er'egú] — *берегу*, [stup'én'em] — *сту-неням*, [pám'et'i] — *памяти* (32,3%);

5) выпадение /j/ в интервокальной позиции (кроме тех, которые предусмотрены литературным произношением): [s'i_át'ыl'пъвъ] — *сиятельного*, [Лb'édъ_ut] — *обедают*, [ръп'ímá_ц] — *понимаю* (24,3%);

6) смягчение /š/ и /ž/: [dáž:e] — *даже*, [bluž:dál] — *блуждал*, [i-ž:dút] — *и жедут*, [pr'inъdl'ež:ál] — *принадлежал*, [m'én'š:íkъf] — *Меников*, [m'én'š:e] — *меньше*, [náš:] — *наши* (14,7%);

7) редуцированное оканье (произнесение редуцированных огубленных гласных на месте орфографического О в безударном положении): [pʌ rá] — *nora*, [pъlъgál] — *полагал*, [sórz_ók] — *сорок*, [ókъlъ_ó] — *около* (13,3%)

[Ерофеева Е. В. 2005].

Данные сегментные фонетические особенности встречаются в речи разных социальных групп пермяков с разной частотой. Например, наблюдаются отличия в частотах по возрасту: взрослые люди (от 25 до 55 лет) более часто, чем школьники (6, 8, 10 класс), использует чрезмерную редукцию гласных и [a]-образные безударные гласные после мягких согласных; школьники же чаще, чем взрослее люди, используют выпадение /j/ в интервокальной позиции, а также смягченные /š/ и /ž/ (см. табл. 1). Остальные черты реализуются в речи разных поколений одинаково часто.

³Петербургский вариант нормы был выбран потому, что он ближе пермскому варианту произношения, поскольку в основе обоих лежат черты северных говоров. Разница с московским вариантом произношения была бы значительно выше, и в список региолектных могли бы попасть те черты, которые по частоте употребления незначительно отличаются от петербургского варианта.

⁴В скобках указан средний процент проявления от количества возможных позиций в речи всех обследованных информантов (144 чел.: студенты — 96 чел.; взрослые работающие информанты от 25 до 55 лет — 24 чел.; школьники — 24 чел.) в разных типах речи — чтении, монологе и диалоге (общее время звучания исследованного материала — около 11 часов; статистически проанализировано употребление более 163 650 звуков). Подробнее о материале исследования см. [Ерофеева Е. В. 2005]. Существенность различий частот в данном случае оценивалась с помощью *t*-критерия Стьюдента на 5%-ом уровне.

Таблица 1. Частоты произносительных особенностей в речи школьников и взрослых, %

Произносительные особенности	Информанты	
	Школьники	Взрослые
Чрезмерная качественная редукция гласных	71	77
[a]-образные безударные гласные после мягких согласных	34	42
Смягчение согласного перед начальными /i/, /j/ следующего слова	31	32
Еканье	28	30
Выпадение /j/ в интервокальной позиции	27	21
Смягченные /š/ и /ž/	18	10
Редуцированное оканье	13	12

Кроме того, на реализацию частот произносительных особенностей в речи пермяков влияют и социальные факторы, такие как пол, специальность (гуманитарная или негуманитарная) и место рождения (само Пермь или населенные пункты края)⁵. Нужно отметить, что разные социальные факторы влияют на разные особенности (см. табл. 2).

1. Фактор «пол» оказывает существенное влияние на реализацию четырех произносительных особенностей, при этом чрезмерная качественная редукция и редуцированное оканье чаще встречаются в речи мужчин, чем женщин, а еканье и выпадение /j/ в интервокальной позиции чаще регистрируется в речи женщин. Отметим, что если большая частота чрезмерной качественной редукции и редуцированного оканья у мужчин отмечается в речи всех рассмотренных социальных групп — школьников, студентов и взрослых работающих информантов, то более высокая частота еканья и выпадения /j/ в интервокальной позиции в речи женщин фиксируется только в речи школьников, что говорит о том, что различия по фактору «пол» могут быть более яркими в речи отдельных возрастных групп. В данном случае в речи школьников наблюдается разница в речи мальчиков и девочек по частотности четырех фонетических особенностей, а в более старшем возрасте противопоставление частот двух из этих особенностей снимается.

Таблица 2. Факторы, существенно влияющие на произносительные особенности

Произносительные особенности	Факторы		
	Пол	Специальность	Место рождения
Чрезмерная качественная редукция гласных	+		
[a]-образные безударные гласные после мягких согласных			+
Смягчение согласного перед начальными /i/, /j/ следующего слова		+	
Еканье	+		
Выпадение /j/ в интервокальной позиции	+	+	
Смягченные /š/ и /ž/			
Редуцированное оканье	+	+	

2. Фактор «специальность» (рассматривался только на материале речи студентов гуманитарных и негуманитарных факультетов) оказывает существенное влияние на реализацию трех фонетических черт: смягчения согласного перед начальными /i/, /j/ следующего слова (частота выше в речи студентов негуманитарных факультетов), а также выпадения /j/ в интервокальной позиции и редуцированного оканья (частота выше в речи студентов гуманитарных факультетов).

3. Фактор «место рождения» существенно влияет на реализацию только одной фонетической особенности — произнесения [a]-образных безударных гласных после мягких согласных (у людей, рожденных и проведших детство в населенных пунктах Пермского края, частота этой черты значительно выше, чем у людей, рожденных в Перми).

⁵Существенность влияния фактора оценивалась с помощью процедуры дисперсионного анализа (ANOVA) на 5% уровне значимости.

Интересно, что исследования на разных социальных группах ни разу не показали существенного влияния фактора «уровень образования» (даже когда рассматривался уровень образования родителей школьников и их успеваемость) на частоту региолектных фонетических особенностей речи [Ерофеева Е. В. 2011]. Таким образом, чисто социальный фактор «образование» не столь важен для реализации фонетической стороны речи. Артикуляторные навыки реализуются автоматически, закладываются в раннем детстве и, очевидно, не подвержены влиянию социальных факторов, которые «включаются» много позже.

Таким образом, региолектные сегментные фонетические особенности являются одновременно и социолингвистическими переменными, которые могут выполнять функцию индикаторов речи разных социальных групп, а также маркеров, одновременно указывающих и на стиль и тип общения в рамках региолекта. Влияние социальных факторов на усиление или ослабление отдельных произносительных особенностей региолекта не нарушает его единства, однако создает в нем зоны концентрации или разреженности отдельных региолектных особенностей — своего рода возмущения в пределах однородной региолектной среды [Ерофеева Е. В. 2020].

Помимо сегментных особенностей пермский региолект отличается и своеобразной интонацией, и быстрым темпом речи, последний приводит к тому, что все сегментные единицы, в частности гласные, реализуются как более краткие, чем в литературной речи [Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова 2023; Ерофеева Е. В. 2020].

Интонационные особенности пермской речи неоднократно отмечались исследователями как наиболее значимые в создании «пермского акцента» (см., например [Интерференция звуковых систем 1987]), однако не были описаны подробно и с применением акустического анализа.

Из наиболее ярких интонационных черт можно отметить следующие:

- 1) нечеткое различение конечной и неконечной синтагм, т. е. возможность нисходящей мелодики в неконечной синтагме и, с другой стороны, недостаточное падение тона в конечной синтагме;
 - 2) отсутствие достаточного подъема тона в вопросительной синтагме;
 - 3) использование восходяще-нисходящей мелодики в конечной синтагме, как повествовательной, так и вопросительной (особенно характерно для звательной интонации и интонации просьбы)
- [Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова 2023].

Таким образом, в пермской речи наблюдается нивелирование интонационных рисунков повествования и вопроса, что довольно часто ведет к непониманию коммуникативных намерений говорящих.

2.5.2. Лексикон

Пермская региолектная лексика изучалась с точки зрения разных аспектов (см. работы [Ерофеева Т. И. 1971, 1979, 2016, 2020, 2023; Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова 2023] и мн. др.). Начало изучению лексических «локализмов» было положено Т. И. Ерофеевой еще в 60-х гг. XX в. Под лексическими локализмами Т. И. Ерофеевой понимаются лексические и фразеологические единицы, которые фиксируются в повседневной речи коренных жителей региона, не принадлежат литературному языку и используются в данном регионе чаще, чем в других [Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова 2023]. Изначально локализм понимался только как единица, включенная в литературную речь, однако потом это понимание было расширено.

Традиция называть лексические регионализмы локализмами сохранилась в Пермской школе социолингвистики до сих пор. Полувековое исследование локализмов привело к изданию «Социолингвистического глоссария пермских локализмов» [Ерофеева Т. И. 2020], в котором обобщены данные о лексическом составе лексических локализмов 60–90-х гг. XX в. и приведены данные, в речи каких социальных групп зафиксированы эти локализмы. Отметим, что под локализмами в данном случае понимаются элементы, характерные не обязательно только для Перми и Пермского края, но встречающиеся в речи пермяков и имеющие территориальное ограничение (которое иногда может быть крайне широким, например, весь североевропейский регион России).

Выделяются шесть типов лексических локализмов (см. [Ерофеева Т. И. 2020]).

1. Собственно лексические локализмы — слова, не употребляемые в литературном языке, в основном имеющие диалектное происхождение, например: *кáлега* ‘брюкva’, *вíца*, *вíчка* ‘отломленная ветка без листьев, розга’, *красноголóвик* ‘подосиновик’, *бусíть* ‘моросять, идти мелкому дождю’, *скать* ‘раскатывать тесто’ и др.

2. Семантические локализмы — слова, совпадающие с литературными по форме, но отличающиеся значением, например: *держáть* ‘тратить, расходовать деньги’, *катúшка* ‘ледяная горка’, *огráда* ‘двор’, *сады* ‘комнатные цветы’, *у́хать* ‘громко кричать, звать’ и др.

3. Словообразовательные локализмы — слова, отличающиеся от литературных морфемным составом, например: *засóня* ‘соня’, *сподря́д* ‘подряд’, *голодовáть* ‘голодать’, *начистову́ю* ‘начисто’, *вzáде* ‘в задней части чего-либо, сзади за кем-либо, чем-либо, позади’ и др.

4. Фонематические локализмы — слова, отличающиеся от литературных фонемным составом, например: *вскóльз* ‘вскользь’, *дак* ‘так’, *дымéть* ‘дымить’, *чё* ‘что (вопросительное местоимение)’ и др.

5. Морфологические локализмы — слова, отличающиеся от литературных грамматическими значениями, чаще всего рода и возвратности, например: *манжéт* ‘манжета’, *яблок* ‘яблоко’, *загорéть* ‘загореться’, *дожидать* ‘ожидать, ждать’ и др.

6. Фразеологические локализмы — устойчивые сочетания, отличающиеся от литературных либо по одному из компонентов, либо по значению, ударению, либо вообще не имеющие соответствий в кодифицированной речи, например: *брать/взять во внимание, руки в ноги, не у шубы рукав* (лит. *не к шубе рукав*), *шире-дале* (лит. *дальше — больше*).

Семантика локальных лексических элементов принципиально не отличается от семантики разговорной лексики, которая, по выражению Л. П. Крысина «антропоцентрична»: «наибольшая специфичность РР (разговорной речи — *E. E.*, *T. E.*) и, в частности, ее лексики проявляется в обозначении жизни и деятельности человека (по преимуществу городского) — его ежедневного быта, его питания, здоровья, физического и психического состояния, его отношений с другими людьми» [Крысин 2011: 341]. Наиболее объемными семантическими группами локализмов являются группы «человек», «деятельность человека», «домашняя обстановка», «пища», «одежда», «животный и растительный мир», «местность», «природные явления», «транспортные средства» [Ерофеева Т. И. 1979, 2015]. Как видим, в центре семантической системы лексических локализмов — группа наименований и признаков человека и другие связанные с человеком семантические группы.

Внутри семантической группы «человек», выделяются следующие подгруппы, связанные с оценочными характеристиками человека:

– свойства, определяющие характер человека: *дикошáрый* ‘непослушный, озорной’, *кри-вохвостик* ‘хитрый, изворотливый’, *подвидный* ‘неискренний, двуличный’, *urosливы́й* ‘капризный’ и т. п.;

– свойства человека по действиям, поведению — *банная затычка* ‘о человеке, который вмешивается во все дела’, *засоня* ‘человек, который много спит’, *нероботь* ‘лентяй, тунеядец’, *работны́й/работливы́й* ‘работящий, трудолюбивый’, *семисёлка* ‘сплетница’ и т. п.;

– черты внешности и других физических особенностей человека — *баской* ‘красивый’, *брýластый* ‘имеющий большие губы, толстогубый’, *лахудра* ‘неряха’, *могутны́й* ‘физически крепкий, могучий’, *подслепы́й* ‘подслеповатый’, *шадровиты́й* ‘имеющий шрамы на лице, щербатый’ и т. п.;

– характеристики интеллектуальных способностей — *дундук* ‘бестолковый’, *дурашек* ‘бестолковый, дурачок’, *мякина в голове* ‘человек, не способный четко рассуждать’ и т. п.

Таким образом, объектом оценки являются наиболее значимые свойства и характеристики человека: оценивается только то, что нужно человеку и что является для него актуальным — характер, действия, внешность, интеллект.

Кроме оценочной лексики в семантическую группу слов, обозначающих человека, входят подгруппа лексики, включающая названия человека по полу, возрасту и по степени близости

с говорящим, включая семейные отношения (*вдовыши* ‘вдовец’, *девка* ‘дочь’, *знакомец* ‘знакомый’, *золовица* ‘золовка, сестра мужа’, *зятевья* ‘зятья’, *парень* ‘сын’, *углан* ‘мальчик, подросток’, *семей-стенники* ‘члены семьи’ и др.), и подгруппа, лексика которой называет части тела человека (*взъём* ‘верхняя часть стопы, подъем’, *косица* ‘висок’, *крыльца* ‘лопатки’, *чушка* ‘подбородок’).

Приведем примеры локализмов других семантических групп:

- «домашняя обстановка и быт» — *влазины* ‘новоселье’, *вехоть/вехотка* ‘мочалка, тряпка для различных хозяйственных нужд’, *вёшало* ‘веревка для сушки белья’, *вышка* ‘чердак’, *голбец* ‘подполье, подвал’, *кашик* ‘шумовка’, *ограда* ‘двор’, *толкушка* ‘пестик’ и др.;
- «пища» — *булка* ‘буханка, каравай’, *варево* ‘одна варка пельменей’, *горошица* ‘каша из гороха’, *грибовница* ‘грибной суп’, *жарёха* ‘жареные грибы, чаще с картошкой’, *олашка* ‘оладья’, *печёнки* ‘печеные овощи, обычно картошка’, *пovidла* ‘пovidло’, *постряпушки* ‘простая мелкая выпечка’, *сочень* ‘небольшой круг тонко раскатанного теста (обычно для приготовления пельмейн)’, *шаньга* ‘печеное изделие в виде ватрушки с картофелем или творогом’ и др.;
- «одежда» — *боры* ‘сборки, складки (в том числе на одежде)’, *бродни* ‘высокие сапоги (для охоты или рыбалки)’, *гасник* ‘шнурок для подвязывания одежды’, *гуня* ‘любая теплая верхняя одежда’, *обутки* ‘обувь’, *опоясник*, *пальтушка* ‘пальтишко’, *пимы* ‘валенки’ и др.;
- «животные и растения»: *ванька мокрый* ‘недотрога, комнатное растение с небольшими зубчатыми листьями и некрупными цветами’, *векша* ‘белка’, *губы* ‘грибы’, *калега* ‘брюква’, *метляк* ‘бабочка’, *пикан*, *паут* ‘овод’, *парунья* ‘курица-наседка’, *пестик* ‘съедобный молодой побег полевого хвоща’, *сады* ‘комнатные растения’ и др.;
- «местность» — *болотина* ‘сырое, болотистое место’, *елань* ‘большая поляна в лесу’, *ляга* ‘низкое, сырое, болотистое место’, *камень* ‘стоящая отдельно высокая гора, скала’, *паль* ‘выгоревшее место в лесу’, *угор* ‘холм, пригорок’ и др.;
- «природные явления» — *бусинец* ‘мелкий моросящий дождь’, *льва* ‘лужа’, *падера* ‘сильный ветер со снегом, снежная буря’ и др.

Как видно, семантика локализмов чаще не родовая, а видовая: они, как правило, обозначают конкретные явления: названия жилых и хозяйственных строений и их частей, названия предметов и действий, связанных с домашним хозяйством, конкретные блюда и названия процессов, связанных с их приготовлением и т. п.

Деятельность человека описывается многочисленными глаголами, входящими в состав локализмов. Среди них есть глаголы различных семантических групп:

- «деятельность, связанная с бытом, домашним хозяйством» — *вережстить* ‘прясть’, *гнуть сочни/пельмени* ‘сгибать, соединяя края раскатанного теста с начинкой, придавая пельмению определенную форму’, *голодовать* ‘голодать’, *живулька* ‘нитка-наметка в швейном изделии’, *напластаться* ‘наработать до усталости’, *оболокаться* ‘одеваться’, *опочинить* ‘починить дырявую одежду’, *опроворить* ‘опередить кого-то в выполнении работы’, *скать* ‘раскатывать тесто в тонкий слой’, *щипать* ‘соединять края теста при изготовлении пельмени’, *шоркать* ‘тереть, очищая от грязи’ и др.;
- «речевая деятельность» — *блажить* ‘кричать’, *виноватить* ‘обвинять, упрекать’, *втолмить* ‘объяснить, втолковать’, *гаркать* ‘звать кого-то громким голосом’, *навеличивать* ‘называть по имени-отчеству’, *насылать* ‘советовать, наязывать, усиленно предлагать что-либо’, *опеть все уши* ‘надоест разговорами или просьбами’, *протыркать* ‘проболтать, проговорить’ и др.;
- «поведение, характеризующее характер человека» — *взбаловаться* ‘избаловаться’, *вы-камуривать* ‘вытворять, выкидывать что-либо’ и др.;
- «интеллектуальная деятельность» — *мороковать* ‘думать’, *блазниться* ‘казаться’ и др.;
- «различные действия, характеризуемые с точки зрения пространства, времени, интенсивности» — *вертаться* ‘возвращаться’, *вечеровать* ‘проводить вечернее время за какой-то работой’, *гоношиться* ‘беспокоиться, суетиться’, *гоститься* ‘гостить, проводить время в гостях’ и др.;
- действия, связанные с ударами — *буткнуться* ‘стукнуться, удариться’, *вдарить* ‘нанести удар’, *взбачить* ‘избить’, *наторкать* ‘побить, поколотить’, *пластать* ‘бить’ и др.

Нужно отметить разветвленную грамматическую и деривационную систему глагольных локализмов: многие глаголы имеют видовые и возвратные пары, а также различный префиксальные дериваты, в некоторых случаях отличающиеся не только грамматическим, но и лексическими значениями, например: *шоркать* ‘тереть, очищая от грязи’ — *шоркаться* 1) тереться мочалкой, 2) изнашиваться от трения, 3) тереться обо что-либо, 4) мешаться’, *вышоркать* ‘тищательно вытирая, очистить от грязи, снега’, *вышоркаться* 1) хорошо помыться с помощью мочалки, 2) износиться (об одежде)’, *нашоркать* ‘натереть, потереть’, *отшоркать* ‘очистить, оттереть’, *отшоркивать* ‘оттирать’, *отшоркаться* ‘хорошо помыться с помощью мочалки’ и др.

Кроме того, среди локализмов отмечается довольно значительная группа прилагательных, характеризующих как человека, так и различные предметы (*баской* ‘красивый’, *бусый* ‘светло-серый’, *вертоголовый* ‘непоседливый, непослушный’, *воглый* ‘влажный, мокрый’, *несоюзный* ‘неуживчивый, вздорный’, *простодырый* ‘бесхитростный, бескорыстный’ и др.), а также наречий, характеризующих действия и положение человека и предметов во времени и пространстве (*больно* ‘очень, чрезмерно’, *вдолг* ‘в течение длительного времени’, *вёснусь* ‘прощлой весной’, *взад* ‘назад’, *взаде* ‘сзади, позади’, *взамуж* ‘замуж’, *внаклонку* ‘внаклон’, *вскользь* ‘вскользь’, *даве* ‘недавно’, *нарастопашку* ‘нараспашку’, *начистовую* ‘начисто’, *неторопно* ‘не к спеху’, *сподряд* ‘подряд’, *живо два* ‘быстро, проворно’ и др.).

Особое место в речи города занимают служебные слова, выступающие в роли дискурсивов, такие как *дак* ‘так’, *ну* ‘да, хорошо’, а также устойчивые сочетания с ними *дак да*, *ну дак*, *ну да*. Приведем примеры с употреблениями данных дискурсивов из пермской речи: ...*за что Вы любите / а за что не любите Кунгур? //* — **Дак** / любить я его и должен / я здесь родился / это дом //; **Дак** а что о себе-то / что я могу сказать / ну не знаю / всё что есть сказала //; **Ну** / когда приезжает **дак да** //, ...**ну дак вот** / а я спрашиваю... //; Ты графики сделал? // — **Ну!** Там вон лежат, возьми //; А ты приедешь сегодня? // — **Ну дак да!** // Мы же договорились //. Примыкают к ним и выражения с местоимением *чё* — *да чё да* ‘и так далее’ ли *чё ли* ‘или еще что-то, какой-то, как-то’: *Купили картошки / моркошки / да чё да //*; *Супа что ли сварить / ли чё ли?* //. Отметим, что в городской речи выражение *да чё да* встречается намного чаще, чем *ли чё ли*. Иногда в пермском произношении *дак* превращается в *дык*, что закреплено в устойчивой формуле *Дык это Пермь!* (срдни *Это Питер, детка!*), широко распространившейся после одноименного клипа пермской команды КВН в 2010 г. (см: https://vk.com/video60973712_157871968) и до сих пор активно употребляющейся в городской среде.

Отметим, что в подавляющем большинстве случаев происхождение пермских локализмов возводится к диалектам. Заимствования из других языков, прежде всего коми-пермяцкого (и, шире, финно-угорских) довольно частотны в пермских говорах, однако в региолект попали только единичные, например, такие как *шаньга*. Изредка встречаются и заимствования из тюркских языков: *айда* ‘пойдем’, *кашик* ‘шумовка’. Тем не менее сколько-нибудь значимого пласта заимствований в пермском региолекте не отмечается.

Локализмы, возникшие собственно в городской среде, обычно связаны с современным бытом, однако их не так много, например: *булка* ‘буханка’, *водолазка* ‘тонкий обтягивающий свитер с воротом, закрывающим шею человека’, *гетры* ‘длинные женские трикотажные штаны’, *маршрут* ‘любой вид городского транспорта’, *проездной*, *талон* ‘бирка к врачу’, *тройка, семерка* ‘трамвай первого и седьмого маршрутов’ и др. [Ерофеева Т. И. 1991].

Такого рода лексемы обычно образуются по стандартным для разговорного языка правилам, но в разных городах распространены разные их варианты, так, например, приспособление для открывания бутылок или консервных банок в Москве или Петербурге называют *открывалка*, а в Перми только *открывашка*, но слово *открывашка* распространено также и в других городах. Подобные закономерности исследовал В. И. Беликов в своем проекте «Городские диалекты», который, в частности, отмечал, что для Перми более характерно употребление слов *шаверма*, чем *шавурма*, *чибон*, чем *хабон* ‘окурок’ и др. Эти же закономерности показываются в интернет-проекте Яндекса «Как говорится: местные слова в разных регионах России» (<https://yandex.ru/company/researches/2021/local-words>).

Локальные лексические элементы так же, как и фонетические, испытывают социальную вариативность. В исследования Т. И. Ерофеевой [Ерофеева Т. И. 2009] рассматривались зависимости таких параметров, как знание, употребление и реализация в речи локализмов от социальных факторов пол, возраст, место рождения, образование и специальность. Для параметров «знание» и «употребление» исследование проводилось методом анкетирования. В анкету вошли 69 локализмов, принадлежащих ядру лексической системы (69 существительных, 20 глаголов, 3 прилагательных, 5 наречий, 1 фразеологизм, 1 частица). Информанты (48 чел.) отвечали на вопрос, знают ли они приведенные локализмы, указывали их значение, а также отмечали, употребляют ли они эти локализмы в речи. Если информант отметил, что знает локализм, но привел неверное его толкование, ответ засчитывался как «незнание». Для параметра «реализация» исследование строилась на основе анализа спонтанных текстов (рассказов об одном и том же сериале), в которых фиксировались все типы лексических локализмов и определялась их частотность в тексте. Выборки информантов и в том, и другом случае были сбалансированы по факторам «пол», «возраст» (20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50 и более лет), «место рождения» (Пермь, города и поселки края), «образование» (высшее, среднее), фактор «специальность» (гуманитарная, негуманитарная) использовался только при изучении знания и употребления локализмов с помощью анкетирования.

Результаты количественного анализа знания, употребления и реализации локализмов информантами представлены в таблице 3.

Таблица 3. Частота владения локализмами в зависимости от социальных факторов, %

Социальный фактор		Параметры владения		
		Знание	Употребление	Реализация
Пол	мужской	84	54	5
	женский	82	47	4
Возраст	20–29 лет	70	50	8
	30–39 лет	81	55	6
	40–49 лет	89	55	10
	50 и более лет	92	47	15
Место рождения	Пермь	82	57	8
	населенные пункты края	84	50	15
Образование	высшее	79	54	10
	среднее	85	51	7
Специальность	гуманитарная	81	48	–
	негуманитарная	84	56	–

Как показывает таблица 3, мужчины несколько лучше знают и немного чаще употребляют локализмы в своей речи. Разница частот по всем параметрам владения увеличивается с увеличением возраста информантов, что хорошо согласуется с диалектным происхождением локализмов (за исключением параметра «употребление» в старшей группе, где отмечается падение частоты): чем младше информант, тем дальше от собственно диалектной среды. При этом данные по фактору «место рождения» отчасти подтверждают тенденцию, поскольку люди, рожденные на территории края немножко лучше знают и чаще реализуют локализмы в речи; однако коренные пермяки несколько чаще, чем уроженцы других населенных пунктов края, указывают в анкете, что употребляют локализмы. Люди со средним образованием немного лучше знают локализмы, хотя употребляют их чаще люди с высшим образованием. Неуманитарии знают локальные лексические элементы лучше гуманитариев и чаще употребляют их.

Статистический анализ показал, что не все факторы существенно влияют на частоту знания, употребления и реализации локализмов (см. табл. 4)⁶.

⁶Существенность влияния фактора оценивалась с помощью процедуры дисперсионного анализа (ANOVA) на 5% уровне значимости.

Таблица 4. Факторы, существенно влияющие на владение локализмом

Параметры владения	Факторы				
	Пол	Возраст	Место рождения	Образование	Специальность
Знание		+	+	+	+
Употребление		+	+	+	+
Реализация		+	+		

Так, оказалось, что фактор «пол» существенно не влияет на частоту реализации всех параметров владения локализмом; факторы «возраст» и «место рождения», напротив, существенно влияют и на «знание», и на «употребление», и на «реализацию» локализмов в речи; а факторы «образование» и «специальность» оказывают существенное влияние только на «знание» и «употребление» локализмов (напомним, что фактор «специальность» вообще не учитывался при изучении реализации локализмов в речи).

Таким образом, наблюдается зависимость владения локальными лексическими элементами речи и основными факторами, влияющими на это владение, оказываются факторы, связанные с диалектной средой прямо или опосредованно — «место рождения» и «возраст».

2.6. Урбанонимикон

Из интересных официальных названий на карте Перми хочется отметить прежде всего реку Стикс — небольшой приток Егошихи, за которым находится старейшее в городе кладбище. Название явно заимствовано из греческой мифологии, в которой так называлась река, отделяющая мир живых от мира мертвых. В Перми такое название реки, вероятно, появилось в XVIII в.; есть легенда, согласно которой название было дано будущим императором Александром I [Полякова 2013: 40]. В настоящее время река присутствует на картах города, но протекает в основном по трубам под землей.

Официальные названия районов города, представляющие интерес с точки зрения его истории — Разгуляй, Мотовилиха, Заимка.

Топоним *Разгуляй* встречается во многих городах России, в частности в Москве. В Перми Разгуляем в разное время называли маленькое озеро в пойме Егошихи (по которому катались — «разгуливались» — на лодках служащие заводского управления); потом, после его исчезновения название перешло на всю примыкавшую в прошлом к озеру местность [Полякова 2013: 65]. Название Разгуляй сохранилось до настоящего времени.

Мотовилиха (Мотовилихинский район) изначально была отдельным промышленным поселком, расположенным в месте слияния рек Большая Мотовилиха и Малая Мотовилиха рядом с Пермью. В 1736 году по предложению В. Н. Татищева там был заложен медеплавильный завод, а к началу XIX в. сам завод и окружающие его поселения, стали называть Мотовилихой. Мотовилиха — значимая и одна из старейших частей города (по некоторым данным русские поселения были там уже за век до территории формирования центра Перми); этот промышленный район города, сыгравший важную роль в революционных событиях и в истории Великой Отечественной войны. Название Мотовилиха отражено во многих художественных произведениях.

Заимка — это территория, на которой расположены Пермский государственный университет и железнодорожный вокзал Пермь II (станция изначально носила название Заимка). Е. Н. Полякова связывает это название с диалектным словом *займище* ‘сырое, болотистое место’, т. к. в данной местности было две реки (Пермянка впадала в Данилиху, а последняя — в Каму) и оно ранее было сырьим и заболоченным. Кроме этого, существовал апеллятив *заимка* в значении ‘занятое по праву первого владения место для хозяйственного использования’, который «дал топоним *Заимка*, но путь его в топонимию не был простым, он был осложнен употреблением первоначально синонимичного географического термина *займище*, сдвигами в значениях двух географических терминов (*заимка* и *займище*) и их взаимодействием в пермском просторечии» [Полякова 2013: 92].

Поскольку Пермь построена на гористой местности, где много оврагов (по-пермски, *логбв*), в которых протекают многочисленные речки и ручьи, в городе много названий микрорайонов, данных по наименованиям гор: *Слудка, Городские Горки* (или просто *Горки*), *Вышка I, Вышка II, Липовая гора, Банная гора*.

Пермь

Слудка — название микрорайона дано по названию горы, которая протянулась вдоль Камы почти на четыре километра. В словаре В. И. Даля слово *слуда* (*слудка*) отмечено как пермское со значением ‘крутой берег реки’, этимологически слово связано со словом *слюда* (*слуда*) [Полякова 2013]. В Пермском крае встречаются и другие географические пункты с таким названием — Каменная Слудка, Красная Слудка и др., которые расположены на крутых берегах рек. Район интересен тем, что именно там во второй половине XIX в. селились городские татары; там сейчас находится Соборная мечеть, построенная в 1902–1903 гг. В то же время в 1849 г. на горе Слудка была построен Собор Троицы Живоначальной (Свято-Троицкий собор), который в городе до сих пор называют Слудской церковью, хотя подавляющее большинство горожан уже не знает название самой горы — Слудка.

Банная гора была названа так потому, что в начале XX в. здесь находилось множество бани, в которых портовые камские грузчики мылись после работы. В настоящее время на Банной горе находится краевая психиатрическая больница, поэтому в городе бытуют фразеологизмы *загремел на Банную гору* и *по нему Банная гора* (или просто *Банка*) плачет.

Многие микрорайоны города получили названия от поселков и деревень, которые при расширении Перми вошли в ее состав: *Балатово*, *Бахаревка*, *Закамск*, *Висим*, *Лёвино*, *Верхние Муллы*, *Верхняя Курья*, *Крохалевка* (от названия поселка им. Крохалева) и мн. др. Названия микрорайонам и определенным неофициально выделяемым горожанами территориям даются и по их географическому положению: *Запруд*, *Заостровка*, *Заречный*; а также по каким-то значимым объектам: *ДКЖ* (Дворец культуры железнодорожников), *Авторадио*, *Гознак*, *Телта* (название Пермского телефонного завода), *Велта* (название производственного объединения, ранее производившего велосипеды), *Зелёное хозяйство*, *Судозаводской*, *КамГЭС*, *Кислотные дачи* (дачи от химического завода) и др. В городской среде употребляются фразеологические элементы, связанные с названиями микрорайонов: *Дунька с Бахаревки* ‘странныя, нелепая, неумная девушка, женщина’ и уже приводившиеся примеры с микрорайоном *Банная гора*.

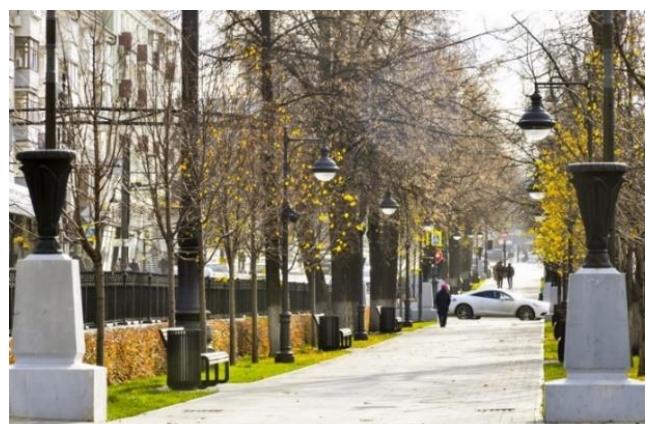
Некоторые микрорайоны имеют в городской речи и неофициальные названия, например *Закамск* часто в шутку называют *Зоокамск*, *Голованово* — *бумажник*, т. к. там находится Пермский целлюлозно-бумажный комбинат, *Крохалевка* — *Крохоля*, *Кислотные дачи* — *Кисляры*, *Молодёжный* — *Молодёжка*, *Зелёное хозяйство* — *Зелёнка* и др.

Последняя модель с добавлением суффикса *-к-* является крайне продуктивной и для образования неформальных названий улиц: *Карпинка* — ул. Карпинского, *Стаханка* — ул. Стахановская, *Луначарка* — ул. Луначарского, *Соликамка* — Соликамский тракт, *Восточка* — Восточный обход Перми, *Нефтяшка* — ул. Нефтяников, *Большевичка* — бывшая ул. Большевистская, *Коммунка* — бывшая ул. Коммунистическая и др.

Используется для образования неофициальных названий городских объектов аббревиация и стяжение, например: *ЦГ* [цэгэ] — Центральный гастроном, *Компрос* — Комсомольский проспект, *Гипер* — гипермаркет «Семья».

Изображение 16. Здание ЦГ (Центрального гастронома) (фото из открытых источников <https://wikimapia.org>)

Изображение 17. Компрос (фото из открытых источников: <https://dzen.ru>)

В некоторых случаях отмечаются фонетические особенности при назывании объектов, так, например ДКЖ (Дворец культуры железнодорожников) произносится многими жителями как [дэка́жá], а почтамт как *почтами* или *почтамт*.

В Перми есть и несколько неофициальных названий конкретный зданий: *китайская стена* — это самый длинный жилой дом в городе, *дом с рогами* — здание на одной из центральных улиц, получившее свое название из-за установленной на нем антенны; *профессорятник* — Дом ученых, который был построен в 1955 г. для научных работников и в котором жили многие известные ученые Пермского университета; *точка-тире* — цепь домов на южном склоне горы Слудки, где чередуются двенадцати и девятиэтажные дома; *Башня смерти* — здание с башней, в котором сейчас располагается краевое ГУВД, но изначально предназначалось для регионального отделения МГБ (горожане придумали множество легенд про расстрелы и пытки заключенных в знании в 1937 г., хотя построено оно было в 1953 г.), *Хоббитон* — часть городской эспланады, на которой располагаются объекты (кафе, выставочные пространства, мастерские), покрытые сверху дерном поэтому и отдаленно напоминающие жилища хоббитов.

Изображение 18. Дом с рогами (фото из открытых источников: <https://domophoto.ru>)

Изображение 19. Профессорятник (Дом ученых) (фото из открытых источников: <https://dzen.ru>)

Изображение 20. Башня смерти (фото из открытых источников: <https://skyscrapercity.com>)

Изображение 21. Хоббитон (фото из открытых источников: <https://business-class.su>)

Сам город неофициально иногда называют *Пермяга*, такое название чаще используют уехавшие из города люди.

2.7. Город в художественных произведениях

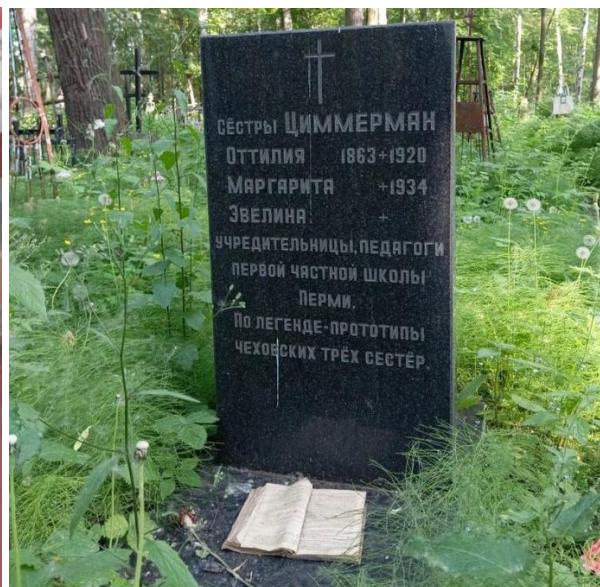
Пермь неоднократно становилась предметом исследования с точки зрения упоминания в художественных произведениях, прежде всего в художественной литературе. Пермь посещали многие русские писатели: А. П. Чехов, М. Горький, В. В. Маяковский, Б. Л. Пастернак и др.; некоторые — не по своей воле. Так, Ф. М. Достоевского, как и ранее до него декабристов, по этапу вели в Сибирь на каторгу (путь почти всех каторжных проходил через персыльную пермскую тюрьму); А. А. Герцен был сослан в Пермь; О. Мандельштам сидел в одной из колоний на севере Прикамья. В Перми родились или жили в определенные периоды многие известные писатели и поэты В. Каменский, М. Осоргин, В. Астафьев, В. Радкевич, А. Решетов, В. Воробьев, М. Кузьмин, Л. Давыдович, Л. Юзикович, А. Королев, Н. Зарубин, В. Кальпиди, В. Дрожащих, А. Иванов и др. Обстоятельства «встречи» с городом, время посещения, личный опыт жизни в городе, естественно, наложили отпечаток на то, каким образом город представлен в их произведениях.

В замечательной книге В. В. Абашева «Пермь как текст» [Абашев 2008] показано место Перми в русской художественной литературе и влияние этих текстов на мифологию города, его восприятие и самосознание пермяков. В монографии рассматривается литература различных периодов от Стефана Пермского. Чтобы не повторять книгу, покажем на нескольких примерах, как по-разному представлена Пермь в литературе.

Например, в Перми бытует представление, что в пьесе «Три сестры» А. П. Чехов описал Пермь и конкретных трех сестер (сестер Циммерман, основавших в Перми частную мужскую гимназию). И дом, и могилу сестер Циммерман на Егошихинском кладбище (тот, что находится за рекой Стыхс) экскурсоводы активно показывают гостям и жителям Перми, в то время как на самом деле все эти легенды основаны лишь на одной фразе Чехова в письме к Горькому: «Действие происходит в провинциальном городе вроде Перми...». Однако легенда вошла в художественное пространство и уже в других художественных произведениях, например в очерке А. Варламова, в Перми возникают «тени трех сестер» [Абашев 2008: 45].

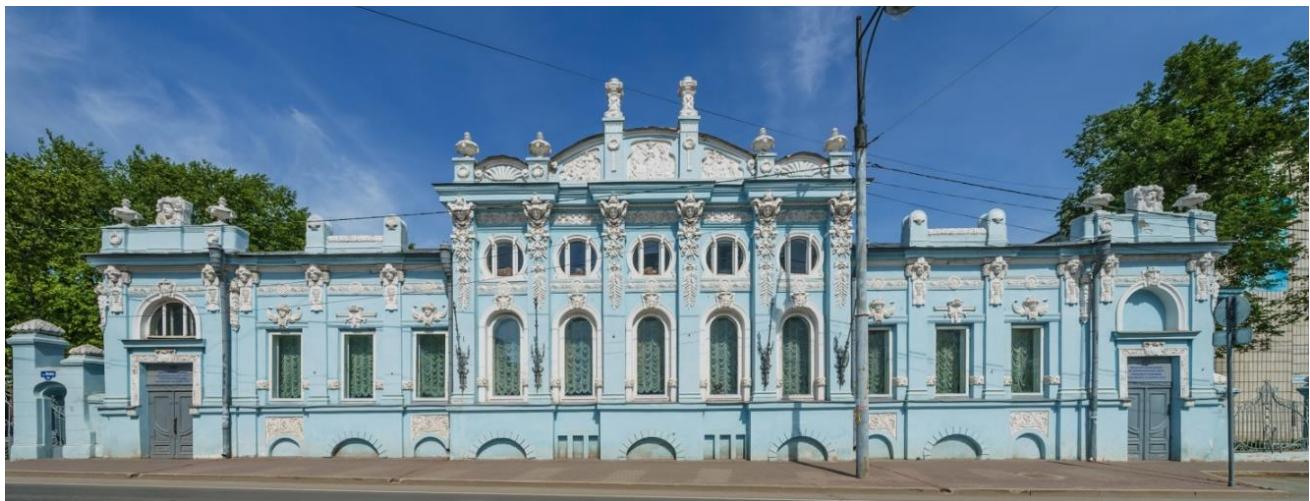
Изображение 22. Дом сестер Циммерман
(фото из открытых источников: <https://uraloved.ru>)

Изображение 23. Могила сестер Циммерман
(фото из открытых источников: <https://sakh.online>)

Нельзя не упомянуть в этой связи и роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», в котором прообразом Юрятина стала Пермь. Узнаваемы в романе и некоторые пермские дома, например «Юрятинская городская библиотека» (дом Смышляева, ныне — городская библиотека) и «дом с фигурами» (особняк Грибушина, ныне — Уральское отделение академии наук).

Образ Перми присутствует и в других произведениях Пастернака, в его поэзии (см. подробнее: [Абашев 2008]).

Изображение 24. Дом с фигурами (особняк Грибушина) (фото из открытых источников: <https://dzen.ru>)

Среди художественных текстов о Перми особое место занимает роман А.Иванова «Географ глобус пропил», где Пермь — это не только место жительства героев и декорация, на фоне которой развивается сюжет. «Географическая правдивость» (по выражению А. И. Зырянова) романа, скрупулезная точность в описании Перми и ее отдельных районов служат для писателя способом создания художественной реальности сюжета.

Изображение 25. На съемках фильма «Географ глобус пропил». Затон судоремонтного завода (фото из открытых источников: <https://zel-veter.ru>)

«Пермскость» текстов поэтов обеспечивается не только образами Перми и Камы, но и самим поэтическим языком, включением в текст региональных слов, таких как *напоперёк* ‘поперек’, *куржак* ‘иней’, *вица* ‘тонкая гибкая ветка’ и др. [Ерофеева Т. И. 2010]:

Ползком в снегу;
Бегом, бегом!
Мороз дыханье режет,
Ресницы слиплись **куржаком**,
И громок снега скрежет.
С. Караваев

Опять зима, опять мороз.
Крахмальный скрип сухого снега.
Куржак на веточках берез.
Дымок над кровом человека.
И солнце —
яркое до слез.
А. Решетов

*Взошла луна. Окраине не спится.
Мерцают звезды ясные в ночи.
Хрустит ивняк, выравнивая вицы,
И подо льдом колотятся ручьи.*
Б. Михайлов

*Видишь: один листок
Не позабылся сном,
Стуже напоперек
Алым горит огнем.*
А. Крашенинников

Крайне интересны тексты, связанные с Пермью, у поэтов 80-х — 90-х гг XX в. В. Кальпиди, В. Лаврентьева, В. Дрожащих: «их объединило в творчестве открытие города как самодостаточной поэтической реальности — сложной, многосоставной и далеко не самоочевидной» [Абашев 2008: 401].

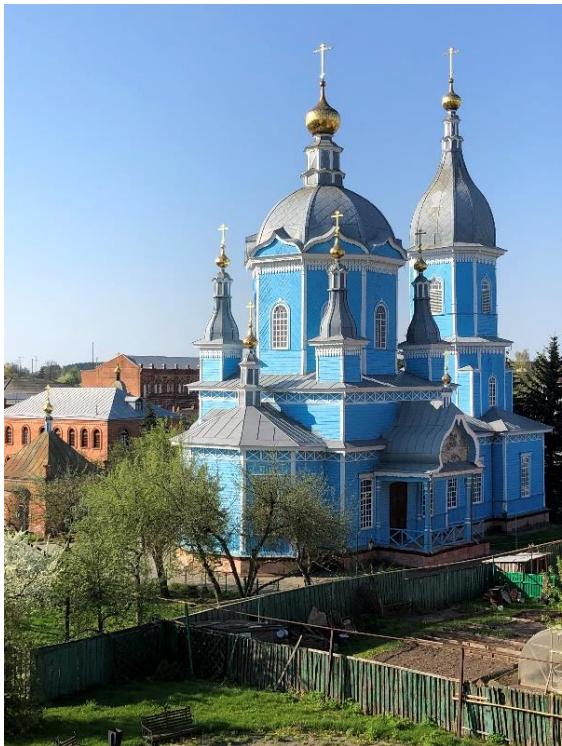
В целом в литературе задается мифологических образ Перми, как центра мира, границы, предела (между мирами: Европой и Азией, бытием и небытием, светом и мраком), окраины, пристанища, особости и т. п.

Представлена Пермь и в многочисленных художественных фильмах (более 60 фильмов снимались на территории Перми и Пермского края). Из наиболее знаковых с точки зрения отражения языка города назовем сериал «Реальные пацаны» и фильмы серии «Ёлки».

Глава 3. Новозыбков

(Р. Ф. Агошкова, С. М. Пронченко, О. Е. Гаврещак,
К. Н. Кириченко, Д. А. Кукса, С. Н. Стародубец)

3.1. Названия города

Изображение 26. Спасо-Преображенский собор
(автор — С. Пронченко, личный архив)

Согласно официальной версии, название Новозыбкова происходит от древнерусского слова *зыбь*, что означает ‘топкое место’. Как указывают краеведы, слобода *Зыбкая* была расположена на местности, подверженной затоплению в период паводков. После её перемещения на более устойчивую территорию название сохранилось. С течением времени название слободы претерпело изменения. В 1939 г. Слобода была преобразована в город, к её названию добавился элемент *Ново-*, который указывал на новое начало и развитие поселения.

Помимо официального названия города, имеются и неофициальные. Новозыбков называют *колыбелью веры*, поскольку существует вторая версия значения лексемы *зыбь* — ‘колыбелька, люлька’. Исторический контекст в названии города также важен для понимания его статуса. Новозыбков был основан раскольниками, на протяжении своей истории становился свидетелем важных исторических событий. Будучи центром старообрядчества и еврейского купечества, город сыграл значительную роль в экономическом и культурном развитии региона. Поскольку возникновение Новозыбкова связано с переселенцами-старообрядцами, можно утверждать, что он стал колыбелью древлеправославной веры [1].

Новозыбков также получил неофициальное название *столицы русского Чернобыля*. Это его определение отражает не только близость к месту аварии, заражение его территории в 1986 г. радиоактивными осадками, но и глубокие социальные, культурные и психологические изменения в нём, произошедшие вследствие катастрофы. Географическое положение Новозыбкова играет ключевую роль в его ассоциации с Чернобылем. Город находится всего в 184 километрах от Чернобыльской атомной электростанции. Радиоактивные облака обрушились на его территорию, что сделало Новозыбков одним из наиболее пострадавших от Чернобыльской катастрофы городов России. В отличие от соседних населённых пунктов жители Новозыбкова не были эвакуированы, что усугубило последствия катастрофы для их здоровья и жизни. Именно Чернобыльская катастрофа стала поворотным моментом в его истории, кардинально изменившим социальную структуру и демографию. Согласно воспоминаниям местных жителей, катастрофа привела к массовой миграции населения, что способствовало деградации городской инфраструктуры и уменьшению численности с 60 до 40 тысяч [2].

3.2. Краткая история и характеристика города

Новозыбков представляет собой город областного подчинения, находящийся в Брянской области Российской Федерации. Он расположен на расстоянии 207 километров к юго-западу от административного центра области — города Брянска и в 597 километрах от Москвы. С современной численностью населения в 38,6 тысячи человек Новозыбков занимает третье место среди городов области, уступая Брянску и Клинцам.

Новозыбков

Площадь городской территории составляет 3413 гектаров. По статистическим данным, примерно 40% городов России превышают Новозыбков по численности населения, в то время как около 60% имеют меньшую численность.

В период с 882 по 1240 гг. территория Новозыбковского края входила в состав Киевской Руси. В дальнейшем она стала частью Черниговского и Брянского княжеств. С 1356 г. эта территория оказалась под влиянием Великого княжества Литовского, а в 1503 г. была включена в Русское государство.

В 1618 г., согласно Деулинскому перемирию, край перешёл Речи Посполитой. В это время территория была разделена на две части: западную, принадлежавшую Гомельскому старству, и восточную, относившуюся к Стародубскому старству. Границей между ними служила река Ипуть.

В 1667 г. территория Новозыбковщины вновь вошла в состав Русского государства. В то время Малороссия, в которую входила эта территория, была разделена на военно-административные полки, возглавляемые полковниками, обладавшими значительными полномочиями. В 1660–1680 гг. на земли Стародубского полка начали переселяться старообрядцы, бежавшие из Великороссии от преследований со стороны царской и церковной власти.

Основание слободы Зыбкой датируется 12 (23) сентября 1701 г., что подтверждается переписными книгами полковника Ергольского (1718) и капитана Брянчанинова (1729). Однако данные, предоставленные жителями Зыбки во время переписи 1767 г., позволяют уточнить дату основания. Гаврило Еремеевич и Корней Перфильевич Карповы указали, что их отцы, Еремей и Перфилий, вышли в слободу в 1686 и 1688 гг. Соответственно. Первым на место будущей слободы вышел Перфилий Карпов, что позволяет предположить, что именно он является основателем Зыбки, а Еремей Карпов лишь официально оформил права на ранее занятые земли.

Указ царевны Софии Алексеевны 1689 г. предписывал строго следить за раскольниками, что привело к их массовым преследованиям. Опасаясь репрессий, многие старообрядцы покинули Стародубье (земли, примыкавшие к Стародубу как центру исторической области Северщины), направившись за «польский рубеж» в слободу Ветку. Лишь во второй половине 90-х гг. XVII в. старообрядцы начали возвращаться. Среди новых поселенцев Зыбки упоминаются Молчановы, Костерины, Уколовы, Карповы и Гридины. В свидетельствах, составленных В. М. Ундоровским, упоминается слобода Зыбка, что подтверждает её существование в конце XVII в.

В 1704 г. Слобода Зыбкая была передана гетманом И. С. Мазепой в личное владение полковнику М. А. Миклашевскому. После его гибели в 1706 г. Слобода перешла в собственность его вдовы. Важные изменения произошли в 1715–1716 гг., когда слободы были изъяты из ведения землевладельцев и переданы в управление специальной канцелярии, что спасло их от дальнейшего закрепощения. Это было связано с благожелательным отношением киевских губернаторов к старообрядцам, обусловленным их участием в отражении шведского нашествия в 1709 г.

В 1718 г. полковник Ергольский провёл перепись слободы, в которой из 40 слобожан 22 прибыли из Костромского, Козелецкого и Галицкого уездов. В этом же году бурмистром стал Еремей Карпов, который активно занимался хозяйственной деятельностью, скрупулезно земли у казаков и крестьян, а также противодействовал попыткам иеромонаха Иосифа Тихонова обратить старообрядцев в православие.

В 1724 г. наказным полковником был назначен первый великоросс И. И. Пашков, который сумел найти защиту у гетмана и генеральной старшины. Однако в 1728 г. он был смешён с должности. Старообрядцы, стремившиеся вернуть свои права, столкнулись с серьёзными трудностями. Только Киево-Печерская лавра смогла вернуть слободу после длительных тяжб.

В 1720 гг. вблизи Зыбки возникли старообрядческие монастыри, а слобода стала основным центром споров между различными старообрядческими согласиями. В 1735 г. ветковский Покровский монастырь был разгромлен, вследствие чего значительная часть старообрядцев бежала в другие страны.

Изображение 27. Дом купца Певзнера в Новозыбкове
(автор — В. Клещёв, фото из открытых источников: <https://vk.com/>).

В 1752 г. священник Михаил Калмык, который обосновался в Зыбке, стал значительной фигурой в старообрядческой общине. Его деятельность способствовала распространению древлеправославия, он также стал известным деятелем среди старообрядцев Дона и Урала. В 1753 г. Старообрядцы Зыбки активно сопротивлялись властям, не позволяя арестовать Калмыка и его последователей [3].

Экономическое развитие Новозыбкова активизировалось в 60-е гг. XIX в. с появлением спичечных фабрик, что стало возможным благодаря деятельности земства, открывшего аптеку, больницу и банк. В 1876 г. была установлена телеграфная связь с Клинцами, в 1879 г. — основана земская публичная библиотека. Общественность способствовала созданию учебных заведений: реального училища (1875 г.), женской гимназии (1880 г.) и сельскохозяйственного технического училища (1900 г.). Железные дороги, построенные в 1887 и 1899 гг., связали Новозыбков с Брянском, Гомелем и Новгородом-Северским.

В 1930-е гг. была реконструирована спичечная фабрика «Волна революции», создана фабрика «Малютка», продукция которой экспортировалась. В 1930 г. был основан агропедагогический институт, который в 1934 г. власти преобразовали в Новозыбковский государственный педагогический институт. В это время активно развивалась сеть средних школ и учреждений культуры.

С началом Великой Отечественной войны в городе был введён комендантский час, предприятия перевели на круглосуточный режим работы. В июле 1941 г. был создан истребительный батальон, ставший основой Новозыбковского партизанского отряда. 25 августа 1941 г. город был оккупирован немецкими войсками. Оккупация, продолжавшаяся более двух лет, сопровождалась активной деятельностью подпольных групп и партизан. 25 сентября 1943 г. Новозыбков освободили части Красной Армии, удостоившиеся почётного звания «Новозыбковских». Оккупация нанесла значительный ущерб городу: погибло 5 тысяч жителей, 2 тысячи были угнаны в Германию, город оказался в руинах.

После освобождения началось восстановление Новозыбкова. В послевоенные годы он стал крупным промышленным центром, продукция которого получила признание как в СССР, так и за его пределами. Однако распад СССР, перестройка и финансовый кризис 1990-х гг. негативно сказались на градообразующих предприятиях, которые утратили свою мощь.

Герб Новозыбкова имеет увлекательную историю. Точная дата его утверждения неизвестна. Предполагается, что он был создан в начале XIX в. На гербе изображены накрест положенные сноп пшеницы и золотой жезл Меркурия, хотя существует версия, что сноп является конопляным (местный краевед А. Г. Кублицкий установил, что на историческом гербе был изображён сноп конопли). Герб несколько раз подвергался изменениям, с новыми проектами в 1856 и 1868 гг., в 1986 г. был создан ещё один вариант. Постановлением городской Думы от 26 декабря 2002 г. городской герб был воссоздан на основе образца XIX в., который переутверждался в 2005 и 2009 гг., но не был внесён в Государственный геральдический регистр из-за мелких неточностей. На гербе Новозыбкова жезл Меркурия символизирует торговлю и взаимопонимание, отражая активное развитие торговли в городе, где в XVIII–XIX вв. проводились регулярные торги и ярмарки. Конопля — символ сельского хозяйства — была основным продуктом, занимая более 200 тысяч десятин в 1840-х гг., и использовалась для производства пеньки (прядильного волокна из конопли) и канатов. Цвета герба имеют символическое значение: зелёный символизирует природу и здоровье, серебро — чистоту и мудрость, золото — богатство и величие. Реконструкцией герба занимались Совет народных депутатов, Администрация города, Константин Моченов и художник Ольга Салова, обоснование символики представила Ольга Френкель [4].

3.3. Этносы города

По данным 2020 г. в Новозыбковском городском округе проживало 49379 человек (мужчины — 22 232 человек, женщины — 27 147 человек). Указали национальную принадлежность 44 276 человек (мужчины — 19 984 человек, женщины 24 292 человек).

Национальный состав: русские — 40 935 человек (мужчины — 18 502 человек, женщины — 22 433 человек), украинцы — 361 человек, белорусы — 236 человек, цыгане — 178 человек, армяне — 160 человек, азербайджанцы — 84 человек, молдаване — 29 человек, немцы — 27 человек, евреи — 21 человек, грузины — 16 человек.

3.4. Топонимы, употребляемые новозыбковской молодёжью в сети интернет

Анализ встретившихся на просторах Интернета языковых единиц регионального характера, которые были употреблены подростковой возрастной группой, осуществлён на материале Телеграм-канала «в новозыбкове любят» (здесь и далее сохраняется авторская орфография и пунктуация) и его чата, поскольку по данным технологичной исследовательской компании «Mediascore» кросплатформенный мессенджер «Telegram» в феврале 2025 г. занял первое место в рейтинге самых популярных социальных сетей среди российских подростков, и сообщества в ВКонтакте «КРАШИ НОВОЗЫБКОВА», т. к. занял третье место в упомянутом рейтинге.

В постах Телеграм-канала и сообщениях его чата, в постах сообщества ВКонтакте обнаружены неофициальные топонимы — имена, «функционирующие в речи как народные названия географических объектов, не закрепленные в печатных источниках» [Брыткова 2022, с. 138]. Укажем тематические группы неофициальных топонимов, употребляемых молодёжью Новозыбковского городского округа:

- **названия Новозыбкова: *нвз / НВЗ / Нвз*** («весь нвз / весь НВЗ»);
- **названия микрорайонов Новозыбкова: *горка*** — микрорайон Горка («горку»), ***карховка / Карховка*** — микрорайон Карховка, территория заброшенного санатория «Карховка» («кирилла с карховки», «карховку»), ***квартал*** — микрорайон 116-ый квартал («я сёдня пока с квартала шла в лужу упала»), ***ГАТП*** — микрайон ГАТП, ***центр*** — территория, где расположены Площадь Октябрьской Революции, Новозыбковская городская администрация, кинотеатр «Октябрь», памятник В. И. Ленину, аллея «Профессиональное мастерство» («когда на центре нет подростков», «центр»), ***рос*** — микрорайон РОС («кладбище на росе»);

Изображение 28. Новогодняя ёлка в Новозыбкове

(автор — В. Клещёв, фото из открытых источников: <https://vk.com/>).

– названия городских улиц: **ломоноха** — улица им. М. В. Ломоносова («компанию с ломонохи»), **садовая** — улица Садовая («она же на садовой»), **полевая** — улица Полевая («Возле полевой»);

– названия учебных заведений:

а) дошкольных учреждений образования: **13 садик** — МБДОУ «Детский сад № 13» г. Новозыбкова («13 садик»), **16 садик** — МБДОУ «Детский сад № 16 общеразвивающего вида» г. Новозыбкова («16 садик»);

б) школ: **гимка** — МБОУ «Гимназия г. Новозыбкова» («Владу из гимки»), **1 школа** — МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1 имени Д. А. Драгунского» («она же в 1 школе в 10 пошла не?»), **1 школу** — МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1 г. Новозыбкова» («1 школу»), **3 школа / 3шк** — МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Новозыбкова» («3 школу»), **4 школа / 4шк** — МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4 г. Новозыбкова» («4 школу», «нину из 4шк»), **Карховская школа** — структурное подразделение № 1 МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4 г. Новозыбкова» («8 и 9 класс Карховской школы»), **6 школа / 6шк** — МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 6 г. Новозыбкова» («6 школу», «Влада из 9б бишк»), **7 школа** — структурное подразделение № 7 МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 6 г. Новозыбкова» («ксюшку с 7 школы»), **9 школа** — МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 9 г. Новозыбкова» («Леру и веру с 9 школы»), **сельхоз техникум** — Новозыбковский филиал Брянского государственного аграрного университета, Новозыбковский сельскохозяйственный техникум («Кто пойдет в сельхоз техникум на бухгалтера?»);

в) профессиональных учебных заведений: **тех имени Афанасьева, хмызня / хмизня** — Новозыбковский филиал Брянского техникума энергомашиностроения и радиоэлектроники им. Героя Советского Союза М. А. Афанасьева («Полю и Лизу из теха имени Афанасьева Любимки», «Она щас в хмызне», «александрочку из хмызни», «хмизню»), **нппк / НППК, педуха, пед** — Новозыбковский профессионально-педагогический колледж («масик из нппк», «Ивана Приходько с нппк», «Сашу и Настю с общаги педухи 2 этаж...», «Л-22 из педа», «Дни адаптации в НППК»), **НМК** — Новозыбковский медицинский колледж («12ф/9 НМК»);

– названия спортивных комплексов: **ледовый / Ледовый** — Ледовый дворец («# пригласить в ледовый 2950Р...», «ледовый»), **корт** — Физкультурно-оздоровительный комплекс открытого типа (ФОКОТ) («Фикс около корта>>», «корт»);

Новозыбков

- **названия мест досуга:** *детский сквер / сквер* — территория возле Площади Октябрьской революции («Бомжса который вчера был на детском сквере и спал на лавочке, краи всех девушек»);
- **названия развлекательных учреждений и кафе:** *арена* — бывший караоке-клуб «Arena Hall» и территория возле него («Потом что надо было на арену идти»; «штамб с ареной»), *чикен / Чикен, чикен пикин* — кафе быстрого питания «Чикен Пицца» («чикен», «грушу у чикена», «сборище по вечерам у чикен пикин»);
- **названия магазинов:** *фикс* — универсам «Fix Price» («Фикс около корта>>>»), *хлебный* — магазин «Хлеб», расположенный у Площади Октябрьской Революции («Всех кто на центре на парковке возле хлебного на мотиках и просто [эмодзи поцелуй]»).

В чатах зафиксированы и официальные топонимы, «закреплённые в документах, на картах, строго регламентированные» [Брыткова 2022, с. 138]. Укажем тематические группы официальных топонимов, употребляемых молодёжью Новозыбковского городского округа:

- названия населённых пунктов: *брянск / Брянск, жуковка¹ / ЖУКОВКА¹* (город), *злынка, клинцы / Клинцы, климово / Климово,новозыбков / Новозыбков, унеча / Унеча, Чуровичи*;
- названия учреждений оздоровительного характера: *затишие / Затишие* — санаторий «Затишие» (Брянская обл., Клинцовский район, Коржовоголубовское сельское поселение), *жуковка² / Жуковка²* — санаторий «Жуковский» (Брянская обл., г. Жуковка).

Применение парсингового сервиса позволило подсчитать количество рассматриваемых словоупотреблений в перечисленных тематических группах (табл. 5–6).

Таблица 5. Количество словоупотреблений неофициальных топонимов в региональных сообществах г. Новозыбкова

Неофициальный топоним	Количество словоупотреблений	
	Сообщество «КРАШИ НОВОЗЫБКОВА» в ВКонтакте	Телеграм-канал «в новозыбкове любят» и его чат
<i>арена</i>	1	2
<i>ГАТП</i>	12	3
<i>гимка</i>	3	6
<i>горка</i>	6	11
<i>детский сквер / сквер</i>	26	5
<i>карховка / Карховка</i>	7	7
<i>квартал</i>	21	14
<i>корт</i>	37	26
<i>ломоноха</i>	—	1
<i>ледовый / Ледовый</i>	45	7
<i>мед</i>	30	2
<i>медуха</i>	6	1
<i>нвз / НВЗ / Нвз</i>	91	36
<i>пед</i>	9	6
<i>педуха</i>	7	7
<i>полевая</i>	—	1
<i>рос</i>	4	5
<i>садовая</i>	—	1
<i>сельхоз / сельхоз техникум</i>	3	2
<i>семейный</i>	17	—
<i>фикс</i>	7	1
<i>хлебный</i>	5	1
<i>центр</i>	70	33
<i>чикен / Чикен,чикен пикин</i>	6	13
<i>1школа / 1шк</i>	31	48
<i>3школа / 3шк</i>	15	17
<i>4школа / 4шк</i>	45	75
<i>бшкола</i>	29	47
<i>9школа</i>	32	106
Итого:	570	486

Таблица 6. Количество словоупотреблений официальных топонимов в региональных сообществах г. Новозыбкова

Официальный топоним	Количество словоупотреблений	
	Сообщество «КРАШИ НОВО-ЗЫБКОВА» в ВКонтакте	Телеграм-канал «в новозыбкове любят» и его чат
брянск / Брянск	—	8
жуковка ¹ / ЖУКОВКА ¹ (город)	—	1
жуковка ² / Жуковка ² (санаторий)	—	26
затишье / Затишье	—	10
злынка	—	2
климово / Климово	—	17
клинцы / Клинцы	1	19
новозыбков / Новозыбков	100	66
унеча / Унеча	—	4
чуровичи / Чуровичи	—	2
Итого:	101	155

Анализ речевых высказываний, встретившихся при выборке языковых единиц регионального характера, позволил выявить следующие ситуации применения официальных и неофициальных топонимов:

1. Знакомство с потенциальными однокурсниками: «*Кто поступает в пед. На начальные классы?*

Отпишитесь может хоть заранее познакомимся

Анон

Админу билет на концерт любимого исполнителя

—
спасибо!»;

«Здравствуйте, кто поступил в хмызню на Техническая эксплуатация и обслуживание роботизированного производства (по отраслям)

Анон.».

2. Поиск понравившегося человека: «*Ищу девочек, или за нами по центру до озера отзовитесь анон»;* «*Отзовись девочка с длинными волосами блонд 20:30 напротив хлебного на центре»;*

«Понравился мальчик проходил мимо сквера с друзьями в 18:21 где то найдись!

Анон

24 августа».

3. Поиск попутчиков для совместной поездки: «*кто в жуковку едет 3 апреля?*

анон»;

«Кто поедет в затишье весной

Анон

Админу денег

—
спасибо!».

4. Сообщение-объявление о каком-либо человеке, предмете, явлении, событии: «*Клинцы должны знать своего героя!!*

Так же он обитает в новозыбкове

Пост больше для девочек, чтобы они не попали в такую же ситуацию как я. Дима учится в техникуме в Клинцах и живет там. Человек играет на доверии людей, притворяется что у него экстренная ситуация и просит деньги в долг. Первый раз он вернул деньги, а потом стал игнорировать и не отвечать на сообщения. Такие махинации он проворачивает не впервые как я потом узнала. Девочки, не нужно с ним общаться, тем более давать деньги, я по

своей доверчивости и доброте попались в ловушку. Сумму он мне должен не маленькую 1100 рублей. Впредь будьте аккуратнее в интернете, и не будьте такими доверчивыми!! Анонимно

— не введитесь...»;

«Кто потерял телефон на детском сквере звоните на номер...»;

5. Сообщение понравившемуся человеку: «самые главные краши б школы (ну или уже бывшие ученики)

анон пожалуйста»;

«Крашиха хмыхни.

Анон.».

6. Сообщение-приглашение: «Завтра все...на арену».

7. Сообщение-признание в любви: «Девочки которые вчера днём дали воды на корте люблю вас

АНОН»;

«любимка, орала на концерте на весь нез

КРУТАЯ...КСЮШЕЧКА МИРНАЯ...

АНОН

— мне за рекламу не платили».

Итак, топонимы широко известны на просторах социальных сетей и мессенджеров. Однако в связи с неграмотностью пользователей или распространением явления, называемого «Т9» (от англ. «Text on 9 keys» — набор текста на 9 кнопках), количество номинаций резко сокращается (например, вместо Климово употребляется Климвоо).

3.5. История изучения диалекта, фольклора и региолекта брянщины

Территория западной Брянщины представляет собой этнолингвистический феномен. По мнению профессора П. А. Растворгева, здесь — в Воронокском, Гордеевском, Злынковском, Климовском, Клинцовском, Красногорском, Мглинском, Новозыбковском, Погарском, Почекинском, Стародубском, Суражском, Унечском и Чуровичском, т. е. бывших северных уездах Черниговской губернии — был распространён северско-белорусский говор. Воронокское сельское поселение в настоящее время является частью Стародубского района, а Чуровичское — Климовского района.

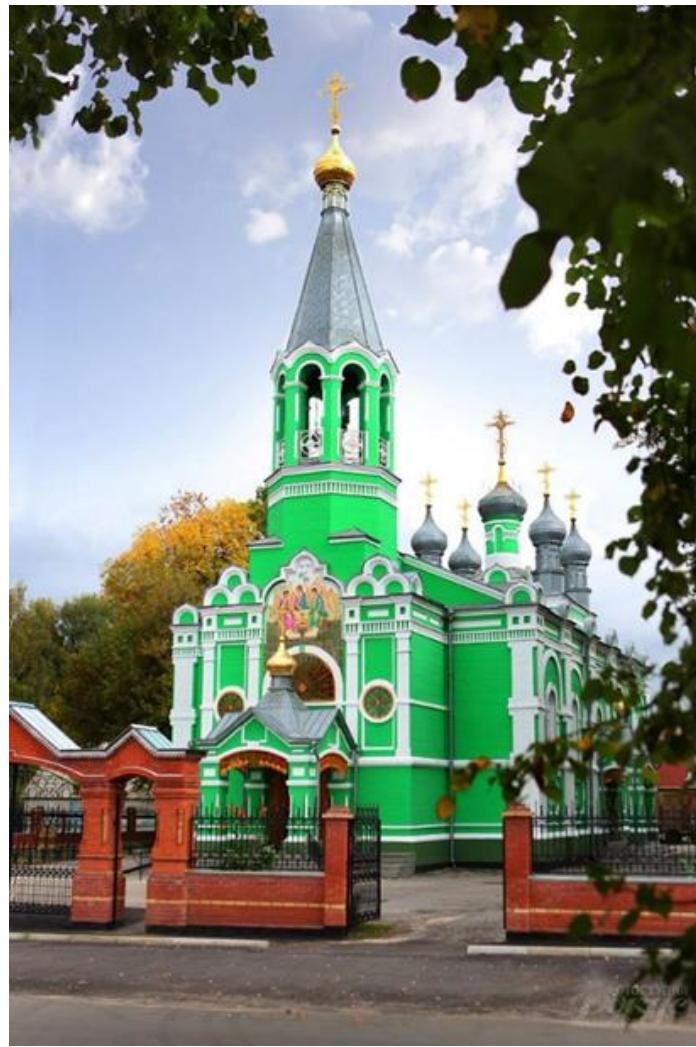
Истоки регионалистики западной части Брянской области начались с собирания фольклорного материала. Помещица, уроженка села Рассуха Унечского района **М. Н. Косич** записывала песни от крестьян, приходивших к её мужу, врачу Н. Н. Косичу. Она стала собирать фольклорные произведения с 1860-х гг., систематизировать — в 1897 г. Её биография остаётся наименее изученной, однако до настоящего времени сохранились такие значимые для развития региональной лингвистической науки труды, как описательно-дидактическая поэма «На пире-сяленъя. Рассказъ тётки Домны изъ Польсья», «Литвины-бълорусы Черниговской губерніи, ихъ быть и пъсни», «Переложеніе нѣкоторыхъ басенъ Крылова на бълорусское нарѣчіе» и др.

Этнограф **П. В. Шейн** в работе «Материалы для изучения быта и языка русского населения съверо-западного края» (1887–1902), состоящей из трёх томов, подаёт материал, собранный в том числе в с. Дениковичи (Злынковского р-на) и д. Чертовичи (ныне с. Ольховка, Клинцовский р-н): «Пошовъ чаловъкъ ў лѣсъ на охоту. Ходивъ, ходивъ цѣлы день и ничего не вбивъ. У вечари убивъ козу, наклавъ тяпла), отрѣзавъ стягнó, испекъ и ставъ твши и кажа: “Ой, Господи, якоже мнъ горя!”. Коза поднялась да и кажа: “Коли-бѣ табѣ такоя горя, якъ Чарнышовому!”» («Про охотника», Черниг. губ., Новозыбк. уѣзда, с. Дениковичи, Зап. учит. народного училища Н. Котляръ) [Шейнъ 1887, с.161–163].

Музыковед-фольклорист **А. И. Рубец** подготовил сборники «Двѣсти шестнадцать народных украинских напѣвов» (1872), «Преданія, легенды и сказанія Стародубской съдой старины, записанныя по рассказамъ дорогой для меня няни Варвары» (1911). В них вошли тексты песен, собранные в Стародубском уезде. Например, «Якъ за жену зайца клиньемъ илиньемъ, баловень

ечкомъ, / Куди хочь перескочь да не вискочивъ, / Зайчику сіренъкій, / Зайчику біленъкій» [Шейнъ 1893, с.49] («Заинька», детская песня).

Первый брянский краевед **П. Н. Тиханов** в работе «Тайный языкъ нищихъ: этнографический очеркъ» (1895) приводит опыт описания тайного языка брянских нищих и словарь, записанный от слепого старца Карпа Антонова Перфильева из села Голяжья Брянского уезда (антиль, антилы — блин, блины; ахвѣсь — Богъ; ахвеснікъ — образъ, икона; багрѣ — хоромы (большой городской домъ); балдóхъ — солдат; баишкáн — отецъ (старшій); букліна — палка; вѣлить — хотѣть; гáлость — соль; ерóй — старый) [Тихановъ 1895, с.16–20].

Изображение 29. Свято-Троицкий храм (автор — В. Клещёв, фото из открытых источников: <https://vk.com>)

В книге «Брянскій говоръ: замѣтки изъ области русской этнографіи» (1904) П. Н. Тиханов рассматривает историю формирования брянских говоров, фонетические, словообразовательные, морфологические особенности речи жителей, фиксирует лексические диалектизмы (алёна, алёнка — жук-рогачь; барапчики — первоцвѣть; вагá — орудіе для подъёма экипажа; глéй — иль; голосítъ — плакать; доскá — поднось; заливáться, зали́ться — тонуть, утонуть; зўя — холодно (дѣтскій жаргонъ); инжíръ — винные ягоды; калítка — кожаный мѣшечекъ на поясѣ) [Тихановъ 1904, с.33–110]. В «Приложенія» к данной книге автор добавил памятник брянской письменности — «Книшку Отъгаворную Егора Зайцова», «Прошеніе злынской мѣщанки Д. Артемьевой», «Прошеніе рядового солдата В.Цыпы», заговоры, песни, прибаутки и др.

Активная работа по исследованию брянских говоров в XX в. была осуществлена доктором филологических наук, профессором Новозыбковского государственного педагогического института **П. А. Расторгуевым**.

В брошюре «Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии» (1927) учёный представил сопоставительный анализ фонетических и морфологических особенностей говоров восточной Гомельщины и соседних белорусских говоров. Результатом сравнения является следующее заключение: «Сравнение восточно-Гомельских говоров с другими соседними белорусскими показывает, что восточно Гомельские говоры, являясь в своей основе такими же белорусскими, как и другие, представляют особое диалектическое явление белорусского языка» [Расторгуев 1926, с.24].

В монографии «Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров» (1927) представлен анализ фонетики, словообразования, морфологии, синтаксиса северско-белорусского говора, небольшой словарь и некоторые авторские исследования («Вопрос о северянах в научной литературе», «Некоторые черты языка актов XVII–XVIII в. бывших северных уездов Черниговской губернии», «Старообрядческие переселения и вопрос о влиянии их на язык местного населения» и др.). Северно-белорусским говором профессор П. А. Расторгуев называет «говор, находящийся на территории бывших северных уездов Черниговской губернии, т.-е. говор Стародубского, Мгинского, Суражского и Новозыбковского уездов, и говор западной полосы Трубчевского уезда б. Орловской губернии» [Расторгуев 1927, с.3].

В 1973 г. вышел в свет «Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного запаса говоров» П. А. Расторгуева. Диалектологический материал собирался на протяжении 50 лет (с 1903 г.). Данное издание содержит около 8000 диалектизмов, употреблявшихся в западных районах Брянской области.

Кроме местных филологов и краеведов-любителей, заинтересованность к диалектному языку Брянщины была проявлена со стороны иногородних исследователей. У истоков диалектологической школы Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена стояла доктор филологических наук, профессор Н. П. Гринкова. Непосредственное изучение брянских говоров продолжила её ученица, доктор филологических наук, профессор **В. И. Чагишева**. Под её руководством проводились полевые экспедиции в Брянской области. Результатами исследования стали картотека брянских говоров, хранящаяся в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, и изданные с 1968 по 1975 гг. пять томов «Словаря брянских говоров».

В конце XX в. к исследованию брянско-гомельского приграничья приступили преподаватели и обучающиеся новозыбковского филиала Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского. В 2001 г. коллективом учебного заведения была проведена международная конференция, посвящённая 300-летию г. Новозыбкова и 120-летию со дня рождения П. А. Расторгуева, которая положила начало новой вехе филологической деятельности в области исследования регионального языка Западной Брянщины.

В настоящее время выделяются несколько векторов изучения этого феномена:

- русское слово как смысловое «зерно» славянской лингвокультуры;
- русское слово как инструмент интерпретации славянского художественного текста;
- русское слово в фокусе славянского фразеологизма;
- онимы в контексте культурных славянских традиций;
- практика реализации лингвокультурных и межкультурных аспектов в деятельности учителя-словесника в контексте формирования русскоговорящей языковой личности.

В 2006 г. **С. Н. Стародубец** стала руководителем совместного с белорусской стороной проекта Российского гуманитарного научного фонда и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Традиционный фольклор на территории Брянско-Гомельского пограничья в условиях социально-экономических и экологических преобразований в славянских государствах: фольклорно-этнолингвистическое исследование», в 2008 г. — проекта «Современное состояние духовной культуры малых городов брянско-гомельского пограничья: традиции и новации», в 2010 г. — проекта «Формирование и функционирование традиционной культуры на территории русско-белорусского пограничья: межкультурное взаимодействие

в диахронии и синхронии», в 2017–2018 гг. — проекта «Мифологические рассказы брянско-гомельского пограничья: этнолингвистическое лексикографическое исследование».

В 2012 г. в филиале БГУ была организована международная научно-практическая конференция «Традиционная культура на территории Русско-Белорусского пограничья: историко-этнографический лингвокультурологический аспекты» (руководитель — С. Н. Стародубец) и проводился круглый стол, приуроченный ко Дню славянской письменности и культуры «Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории Российской-Белорусско-Украинского пограничья». В этом же году был реализован проект «Сохранение и исследование условно-профессионального языка шаповалов с. Новый Ропск Брянской области» (руководитель — С. Н. Стародубец).

В течение 2015–2016 гг. реализовывалось исследование «Этнографические и лингвокультурологические особенности обрядового фольклора брянско-гомельского пограничья» (грант РГНФ) (руководитель — С. Н. Стародубец).

В 2016 г. была проведена международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Российской-Белорусско-Украинского пограничья» (грант РГНФ) (руководитель — С. Н. Стародубец).

Проект, поддержанный грантами РГНФ-БРФФИ и РФФИ-БРФФИ (2017–2018 гг.), был посвящен комплексному этнолингвистическому и лексикографическому исследованию мифологических рассказов, бытующих на брянско-гомельском пограничье. Основная задача заключалась в изучении малой мифологической прозы, классификации народных мифологических персонажей и связанных с ними верований, рассматриваемых как ценный источник этнолингвистических данных и ключ к пониманию лингвокультуры местного этноса.

В 2018–2019 и 2021–2022 гг. на базе филиала БГУ в г. Новозыбкове совместно с Гомельским государственным университетом им. Ф. Скорины были организованы и проведены масштабные научные мероприятия: международный форум русистов «Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция» (2018), международный научный форум «Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье» (2019), международные научно-просветительские форумы «Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья» (2021) и «Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье» (2022). Все форумы были финансово поддержаны фондом «Русский мир».

В настоящее время научный коллектив под руководством С. Н. Стародубец выполняет исследование «Народная лингвокультура восточнославянского приграничья в условиях социально-политических изменений: фольклорно-этнографическое и этнолингвистическое исследование», поддержанное Российской научным фондом и рассчитанное на 2025–2026 гг. [Стародубец 2025].

Современное состояние регионального языка Западной Брянщины проанализировано в научной статье «Западнобрянский региолект как лингвокультурное образование», в которой предложена следующая классификация групп регионализмов:

- древнерусские номинации диалектного характера, отражающие восточнославянскую общность языковых единиц;
- украинизмы;
- белорусизмы;
- регионимы;
- языковые единицы конфессионального характера, которые отражают особенности менталитета населения части из названных выше районов Брянщины, в которых длительное время живут представители Русской древлеправославной церкви — старообрядцы;
- наименования, связанные с катастрофой в г. Чернобыле 1986 г., отражающие специфику мировосприятия языковой личности в посткатастрофный период [Стародубец 2024, с.21–22].

Проведённые в современный период исследования коммуникативной ситуации восточнославянского брянско-гомельского пограничья, народной лингвокультуры, региональной языковой личности позволили зафиксировать спектр базовых характеристик региональной концептуальной и языковой картин мира.

3.6. Урбанонимикон новозыбкова: официальные эргонимы

Урбанонимикон, в частности его эргонимный пласт, играет значительную роль в формировании городского портрета и отражает актуальные языковые предпочтения. Исследование эргонимов — наименований предприятий различных форм собственности, функционирующих в сфере товарно-денежных отношений — представляет собой ценный инструмент для теоретической ономастики и общего языкоznания.

Обобщение точек зрения на структуру и семантику названий коммерческих, промышленных и т.д. объектов позволяют представить вслед за такими выдающимися исследователями в этой области, как А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, В. А. Никонов и др. два разряда эргонимов: первичные и вторичные.

Первичные эргонимы в большей степени представлены заимствованными существительными, нежели исконно русскими словами. В лексической системе номинации экономических объектов отмечены случаи метафорической и метонимической онимизации.

Метафоризация представлена в основном сходством производимого впечатления, например, название магазина «*Уют*» (товары для создания уюта в жилых помещениях) и сходством по функции, действию, например, кафе «*Встреча*» (собрание, устраиваемое с целью знакомства с кем-нибудь или беседы). На современном рынке услуг, характеризующемся высокой конкуренцией, креативные наименования экономических объектов приобретают особое значение. В качестве иллюстрации можно привести название новозыбковского табачного магазина «*ОблакоFF*». Его название построено на сочетании существительного *облако* (в значении ‘облако дыма’) и двух английских букв «F», фонетически имитирующих выдохание дыма. Не менее показательным является пример наименования «*Винни Пых*». Оно представляет собой каламбур, объединяющий имя персонажа мультфильма «Винни Пух» и звукоподражание процессу курения. В погоне за привлечением клиентов новозыбковские предприниматели нередко используют оригинальные названия, относящиеся к разговорной, сниженной лексике. Например, салон красоты «*Марафет*». Анализ значения этого слова показывает, что оно относится к разговорному, сниженному стилю, а также может иметь коннотации, связанные с воровским жаргоном.

Некоторые названия образованы путём метонимического переноса на основе связи между сферой деятельности предприятия и его работником: строительная организация «ОАО ПМК «Строитель», например, и на основе связи между предметом торговли и названием магазина, отражающего ассортимент: магазины «*Еда*», «*Мясо*», «*Хлеб*» и др. Не менее ярким примером является наименование магазина тканей «*УПС, Ткани*», которое представляет собой сочетание эмотивного междометия «*Упс*» (возможно, намекающего на мелкую ошибку швеи, например, пропуск строчки) и существительного *ткани*, которое чётко указывает на назначение магазина.

К отдельной группе первичных эргонимов относятся новозыбковские названия, образованные путем трансонимизации. В качестве собственных наименований данного типа могут выступать антропонимы (магазины «*Виктория*», «*Елена*»), географические названия (гостиныцы «*Ипуть*», «*Европа*», «*Варшава*»), названия из области флоры и фауны (магазины «*Берёзка*», «*Кенгуру*»), имена богов, античных героев, литературных и сказочных персонажей (магазин «*Майдодыр*», ООО «*Гермес*», студия «*Бастэт*») и др.

Вторичные наименования коммерческих и промышленных объектов г. Новозыбкова с точки зрения структуры представлены аббревиатурами разных типов («*РАЙПО*», «*Брянскторгтехника*», «*НовоTechРейл*») и словосочетаниями («*Товары для дома*», «*Детское питание*», «*Вкусные продукты*»).

Кроме того, в номинации применяются неполные предложения: «Заверни», «Всё для рыббалки» и «Для Вас» и «осколков» первоначального текста: «У Григорьчика» и «Визит-3 на Коммунистической».

В ходе исследования были выявлены случаи использования в эргонимах неузуальных способов номинации на графическом уровне: использование в современном названии буквы «ъ»: «Адмираль», «Тепловъ», «Фермеръ»; применение особых символов, например, в названии магазина «Ск@нер»; транслитерация: магазин «Kodak», кафе «Moloko», на уровне морфемики появление новых, семантически «пустых» для русского языка морфем типа «плюс»: «АртПлюс», «Индуктор плюс», «Квант плюс», «Луч плюс», «Регион плюс», «АптекаПлюс» и «люкс»: «Евро-люкс», «ЛюксОйл».

Среди отобранного материала также встречаются названия, в основу которых положены заимствованные слова, например, в названии магазинов: «Вояж», «Кенгуру», «Антрекот», в названии кафе: «Президент», «Фортуна», «Сфера», «Чикен пицца», «Оджах», «Имбирум», «Арсенал», в названии парикмахерских: «Тет-а-тет», «Эйфория».

В числе городских названий имеются наименования ООО «Лиртио» и ОАО «Никс», объяснить смысл которых не смогли даже сами номинаторы.

Несмотря на общую тенденцию к русификации названий в городах, улицы Новозыбкова по-прежнему изобилуют экономическими объектами с иностранными наименованиями. Например, в названиях салонов красоты: «Style & Beauty», «Family», «Fab Beauty», в названиях кафе: «Barbados», «Wok Bar», «Panda sushi», кальянных: «Fab Laugh», «Smoke and Glory», магазинов одежды: «City обувь», «Paradise», «Liliya Style», цветочных магазинов: «City Flowers», «Fizalis», «Oasis», «Flora», тренажёрных залов: «Alex Fit», «Fitmaster» и др.

Исследование эргонимов города Новозыбкова позволило сделать вывод, о том, что в ряду экономических объектов преобладают однотипные принципы наименования (заимствованная лексика, отантропонимные названия и словосочетания), отмечается значительное количество одинаковых названий («Продукты», «Свежий хлеб», «Свежее мясо» и др.), а также иностранных наименований.

3.7. Новозыбковские художественные и публицистические произведения и особенности изображения города в них

Новозыбков — город с уникальной историей. Его неповторимая судьба нашла отражение в сочинениях местных авторов, а также художников слова, связанных с городом неразрывными узами. Новозыбковщина в местной лирике и прозе проникновенно воспевается.

Характеризуя идейно-тематическое и художественное своеобразие произведений, выходящих в свет в Новозыбкове, особенности изображения города в них, мы сосредоточились на анализе содержания некоторых сочинений, включённых в литературную веб-страницу «Зыбинка» [Литературная страница «Зыбинка»]. Это издание является одним из направлений деятельности «Зыбчан» — основанного 24 сентября 1995 г. клуба культурных инициатив, играющего значительную роль в том числе и в современной новозыбковской литературной жизни [см. «Зыбчане»: сайт о творческой жизни г. Новозыбкова...]. Его участники — любители живописи, литературы, музыки, объединившиеся для проведения специальных мероприятий: организации выставок, публикации произведений, а также помощи молодым авторам. Они сохраняют и продолжают новозыбковские культурные традиции. Одним из направлений деятельности «Зыбчан» является также издание литературно-художественного альманаха «Зыбь».

С 30 марта 2021 г. по 14 июля 2025 г. было выпущено 40 литературных веб-страниц на самые разные темы. Эти страницы включают поэтические и прозаические произведения, иллюстрации, зарисовки, фотографии. В «Зыбинке» публикуются уроженцы Новозыбкова и творческие личности из других городов и стран.

1-ый выпуск стал продолжением подборок поэзии и прозы в периодических печатных изданиях Новозыбкова — газетах «Н-Вести» и «Маяк» и был проиллюстрирован картиной Е. В. Целобановой «Весна» и фотоэпюдом Л. И. Горбачёва «Подснежники». Авторами стали

Новозыбков

Е. Д. Хазанов с рассказом «Час пик», поэты Б. Я. Юдин, В. Н. Зинченко, В. В. Виноградский, А. А. Ермоченко, Н. А. Щипакина, Т. Н. Пожиленкова, Н. И. Иващенко, Н. Б. Кожевникова. Содержание произведений этого выпуска объединено патриотической темой, что особенно заметно на примере поэтических сочинений. В стихотворении «Страна моя» Б. Я. Юдин задаётся вопросом: «Что будет с его Отечеством завтра?». Автор отмечает, что русские люди многое видели: беды и слёзы, смех и радость. Он уверен, что его Отчизна сможет встать на ноги, спастись от несчастий, поскольку она сильна и достойна самого лучшего. Тему жизненного пути человека поднимает А. А. Ермоченко. Жизнь для автора — дорога, движение вперёд, когда стираются воспоминания о прошлом. Лирический герой ощущает себя свободным от оков прошлого, поскольку впереди его ждёт будущее. Продолжает мотив жизненной дороги Н. И. Иващенко, философски отмечая, что с каждым шагом вперёд человек, к сожалению, становится всё ближе к собственному уходу из жизни.

В 6-ой выпуск литстраницы включены стихотворения В. Н. Зинченко, А. И. Мельникова, И. В. Бисева. Художественные произведения этого выпуска объединены новогодней темой. В. Н. Зинченко в стихотворении «Скоро Новый год» создаёт светлый и радостный образ зимы: в это волшебное время можно увидеть хоровод снежинок, серебро луны, мягкий и пушистый снег, улыбки на лицах людей. У А. И. Мельникова — настроение иное: тихая зимняя ночь, звывания холодного ветра и свечи, подчёркивающая одиночество лирического героя.

Центральной темой, которая поднимается на страницах «Зыбинки», является тема Новозыбкова и родной Брянщины. В 9-ом выпуске Б. Я. Юдин в стихотворении «Откровение» посредством изображения местной реки Ипути описывает переживания и раздумья лирического героя. Ипуть представляется автору мадонной, которую он безмерно любит, несмотря на то, что давно живёт вдали от Новозыбковщины. Поэт верит в то, что обязательно вновь встретится с ней.

В 26-ом выпуске литстраницы художественный образ Новозыбкова создан в стихотворении А. И. Мельникова «Там, где воздух чист и свеж...». В нём город — это причал, место встречи тех, кого судьба разбросала по разным уголкам страны и мира. Образ города идеализирован: воздух в нём чист и свеж, повсюду сверкают купола церквей, берёзам слагаются гимны. Автор опечален тем, что прошлого не вернуть, но испытывает чувство удовлетворения, поскольку часть его судьбы связана с городом.

29-ый выпуск включает стихотворение С. В. Войтовой «Мой Новозыбков», представляющее собой лирическое признание в любви и привязанности к городу. Новозыбков не велик и широко не известен, но занимает особое место в сердце лирической героини. В стихотворении упомянуты новозыбковские реалии, создаётся атмосфера спокойствия и умиротворённости. Новозыбков, по мнению автора, не похож на другие города, что делает его особенным: *Не сравнятся с тобой города, / Что масштабы свои умножают, / в них летят в суматохе года, / Да и люди друг друга не знают. / Впрочем, мой городок не велик / и лежит на урочище зыбком, / Но высот в моём сердце достиг, / Потому что он — мой Новозыбков. / Здесь с приходом зимы и весны / Открываются новые дали, / Здесь прохладные воды Карны / Облака как младенцев качали. / Колосится высокая рожь, / в кое солнце запутало травы. / Знаю: ты на других не похож, / Край берёзок и воинской славы. / Этот маленький рай на земле, / Где мой дом, где я родом из детства. / Я желаю, мой город, тебе / Той судьбы, что не ведает бедствий.* (С. В. Войтова. Мой Новозыбков).

«Мой Новозыбков» — это искреннее и трогательное стихотворение, выражающее чувства любви и удовлетворения городом. Оно вызывает ностальгию, заставляет задуматься о важности малой родины в жизни человека, наполнено яркими образами, что делает его задушевным и запоминающимся.

В стихотворении В. В. Виноградского «В поезде на Родину», помещённом в 24-ом номере литстраницы, Отчизна ассоциируется с Новозыбковщиной. Автор описывает возвращение в родной край. Новозыбков предстаёт как место, с которым связаны воспоминания лирического героя о детстве и родительской семье («детство в ушанке», образ отца, «мамины сказки»), что придаёт ему глубину и эмоциональную насыщенность.

В 27-ом выпуске «Зыбинки» тема героических военных подвигов поднимается, к примеру, в стихотворении Н. И. Пресняковой «Тяжёлая ноша». Поэтесса задаётся вопросом: «Какую ношу несут солдаты?». За их спиной не вешмешки и автоматы, а мирная жизнь людей: чистый ручей, ветка сирени, детская площадка — всё, что так дорого каждому.

Один из выпусков «Зыбинки» посвящён значительной для истории России юбилейной дате — 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 38-ом выпуске опубликовано стихотворение Н. Б. Кожевниковой «Жизнь нельзя оставить на потом», в котором поэтесса размышляет о войне и её роли в жизни человека. На войне нет места нежности, жалости и любви. Эти чувства уступают силе, жестокости и желанию сразить врага — так кажется на первый взгляд. Но стоит посмотреть на события военных лет пристальнее, и становится ясно, что эта простая логика разбивается о реальность. Солдаты не теряют чувств, они готовы заботиться об окружающем мире. В стихотворении раскрывается мысль о том, что даже среди ужасов и жестокости войны можно и нужно оставаться человеком.

39-ый выпуск адресован детям. Стихотворение «Помощник» С. В. Войтовой рассказывает о том, как много забот у детей: посещение детского сада, общение с друзьями, помочь отцу. В. Н. Зинченко в стихотворении «Облака» от лица ребёнка задаётся вопросом: «Чем так притягивают взгляд взрослых белые облака?». Ответ даётся здесь же: облака возвращают в детство, дарят ощущение свободы и беззаботности. Тематику номера продолжают иллюстрация В. М. Скрипник «Девочка с кроликом» и фото А. И. Поддубного «В храме».

На страницах «Зыбинки» представлена малая проза — прозаические миниатюры. Рассказы разнообразны по тематике, созданы новозыбковскими авторами и писателям из других городов.

Во 2-ом выпуске представлен рассказ А. В. Кудрявцева «Стакан». Интересен он тем, что сюжет излагается стеклянным стаканом, который «наблюдает» за бытием хозяина. Он «видит» детство героя, его взросление, семейную жизнь и расставание, а затем одиночество. Трагический финал отражается на «состоянии» стакана: он разбивается, показывая, что человеческая жизнь такая же хрупкая, как и он.

В 23-ем номере в рассказе В. Д. Гавриленко «Сочинитель» поднимается тема творчества и места литературы в жизни человека. Автор изображает скромную жизнь героя, для которого литература стала важной частью его бытия. Рассказчик размышляет о том, счастливы ли мастера художественного слова или же они обречены на одиночество, которое становится расплатой за талант.

В 30-ом выпуске опубликован рассказ К. Ф. Попова «Марья», повествующий о судьбе женщины Марьи, живущей в деревне и ведущей простую сельскую жизнь, и кошки, попавшей к ней случайно. В центре внимания — внутренний мир героини, её переживания, размышления о жизни, любви и смерти. Это — женщина с сильным характером, пережившая тяжёлые лишения, но продолжающая собственное движение вперёд. Описание жизненной дороги героини, её взгляда на тяжёлые военные времена даётся сквозь призму бытия кошки.

Миниатюра Э. А. Чарковской «Письмо на войну» в 31-ом выпуске представляет собой эмоциональную зарисовку, наполненную теплотой, ностальгией и личными переживаниями. Автор передаёт чувства посредством ярких образных описаний природы, деревенской жизни и внутреннего мира героини. Вдохновляющие строки присутствующего в миниатюре стихотворения соединяются с личными переживаниями. В основе построения произведения лежит контраст между прошлым и настоящим. Внутренняя борьба между мечтами, реальностью и чувствами подчёркивает субъективность восприятия любви и личной жизни. В финале выражается вера в любовь, несмотря на трудности, что делает сочинение трогательным и искренним. «Письмо на войну», таким образом, представляет собой повествование о неугасимости чувств, преодолевающих любые испытания.

Итак, на литературной веб-странице «Зыбinka» публикуются произведения поэтов и прозаиков, затрагивающих темы жизни и смерти, военного времени, детства, внутреннего мира человека, малой родины — Новозыбкова и Брянщины, природы и др. Новозыбков предстаёт как

многогранный художественный образ, сочетающий в себе исторические, культурные и личные составляющие. Город выступает не только как географический локус, но и как символ, отражающий судьбы его жителей, их воспоминания и переживания. Чувство любви и привязанности к Новозыбкову является центральной темой многих произведений. Авторы выражают свою любовь к городу через описания его природы и архитектуры.

В 1964 г. вышел в свет самый известный роман уроженца Новозыбкова, писателя А. Л. Маневича (1913–1984) «Страна моего детства» [Маневич 1964], включивший «Повесть о Красной улице», вышедшую отдельной книгой в 1968 и 1973 гг. В первой части этой повести с большой любовью к малой родине описывается новозыбковская улица Красная: здесь «пчёлы, как огоньки», «цветы, похожие на подсвечники», «зелёные руки каштанов держат цветы». Красоту мира и ужас окружающей жизни читатель видит глазами ребёнка. В родном городе главного героя Антоши хозяйничают немцы. Но жизнь в Новохатске (так назван в произведении Новозыбков) продолжается. В самый тяжёлый момент появляется помошь: приходят красноармейцы и освобождают город. Ранним утром, в лучах алой зари на Красной улице Антоша видит своего отца — бравого красноармейца. Мальчик понимает теперь, почему улица его родного города называется Красной.

Публицистические сочинения о Новозыбкове позволяют постичь его историческую и культурную значимость в истории Брянского края и России. В них он предстаёт как место переплетения традиций и современности, судеб людей и исторических событий. В публицистике о Новозыбкове подчёркиваются старообрядческое наследие, древние традиции книжности и иконописи, трагическая судьба города, связанная с Чернобыльской катастрофой.

Журналист, писатель, краевед А. Г. Эпштейн (1915–2005), известный в региональной литературе под псевдонимом А. Вольный, посвятил ряд книг Новозыбкову: «Сердце молчать не может» (1971, 1978) [Вольный 1978], «Эшелоны летят под откос» (1991) [Вольный 1991], «Новозыбков» (1989) [Вольный 1989], «Новозыбков и новозыбковцы» (1992) [Вольный 1992], «Глазами старожила» (1996) [Вольный 1996], «Пережитое» (2000) [Вольный 2000] и др.

Особое место в творчестве А. Вольного заняли документально-художественные повести «Сердце молчать не может» и «Эшелоны летят под откос». Первое произведение повествует о судьбах партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны, раскрывает героизм и стойкость местных жителей, оказавшихся в оккупации. Автор соединяет документальные свидетельства с художественным вымыслом, создаёт яркие и запоминающиеся образы героев. Центральной фигурой повести является Виктория Коренева, подпольщица и партизанская разведчица, боровшаяся за свободу родного края. Она состояла в инициативной группе, где вместе трудились такие известные в Новозыбкове и за его пределами молодые патриоты, как Вера Замотаева и Вера Белугина. Второе сочинение Вольного посвящено подвигу комиссара партизанских отрядов Г. И. Гордеенко, а также его соратникам, действовавшим в брянских лесах. Автор подробно характеризует партизанское движение, раскрывает детали боевых операций и вклад новозыбковцев в борьбу с фашистскими захватчиками.

А. Вольный создал историко-краеведческий очерк «Новозыбков», в котором рассказал о развитии города и его людях, опираясь на архивные документы, воспоминания очевидцев и результаты собственных исследований.

В книге «Новозыбков и новозыбковцы» излагается биография уроженцев города, которые сыграли значительную роль в его судьбе: П. Е. Дыбенко, Д. А. Лазуркиной, Д. И. Щербакова, П. А. Расторгуева, Р. Е. Алексеева, В. В. Вольского, Г. Г. Макатрова, В. М. Лихоманова и др.

В книге «Глазами старожила» А. Вольный знакомит читателей с историей новозыбковских улиц — Наримановской, Садовой, 307-ой Дивизии, рассказывает, включая собственные воспоминания, о Гостином ряде и Площади Октябрьской революции, поднимает тему становления в городе образовательных учреждений.

Краевед, публицист С. К. Лузик (1921–2000) стал автором таких книг, как «Звон памяти: книга о новозыбковцах — участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1993) [Лузик 1993], «Здравствуй, Новозыбков!» (1994) [Лузик 1994], «Родной Новозыбков» (1998) [Лузик 1998] и др.

В книге «Здравствуй, Новозыбков!» автор рассказывает о земляках, которые трудом, в том числе и ратным, помогали развитию города, формированию в нём особой духовной среды. Этот труд раскрывает вклад новозыбковцев в победу в Великой Отечественной войне, восстановление города после войны, развитие промышленности, культуры, образования и медицины.

В документальной повести «Родной Новозыбков», помимо исторических документов, помещены фотографии защитников Отечества, учителей, врачей, работников торговли и руководителей предприятий. Она знакомит с отдельными периодами истории города, с людьми, прославившими его боевыми и трудовыми подвигами. Особенно трагичны страницы, посвящённые Великой Отечественной войне.

Роман «Германский вермахт в русских кандалах» (2014) уроженца Новозыбкова, писателя А. М. Литвинова (1937–2019) [Литвинов 2014] наполнен личными переживаниями и художественным осмысливанием страшного времени Великой Отечественной войны. Автор, выросший на оккупированной территории, рассказывает о глубокой боли и страданиях, которые он пережил в детстве. Главная тема его романа — послевоенное лихолетье. В основе произведения лежат не только личные воспоминания, но и рассказы фронтовиков, воспоминания военнопленных немцев, документы из Российского Государственного Военного Архива, который рассказывает о лагере № 327, находившемся в Новозыбкове.

Образ Новозыбкова в региональной публицистике многослойен: он сочетает элементы исторической памяти, данные о социальных изменениях, размышления современников о его судьбе. Авторы советского времени акцентируют внимание на городских трудовых достижениях. Советский Новозыбков в публицистике предстаёт как символ индустриализации. Он также изображён как хранитель традиций, где под советской оболочкой жило старообрядчество, и как жертва Чернобыльской катастрофы.

Современные краеведы сосредоточены на культурном наследии, ностальгии по Новозыбкову. Исследователи нашего времени, обращаясь к теме города, не ограничиваются только его историей. Они уделяют внимание его архитектуре, которая отражает богатое культурное и историческое наследие [Новозыбков: историко-краеведческий очерк 2001; Городков 2022].

Таким образом, публицистические сочинения о Новозыбкове затрагивают историю, архитектуру, культуру и повседневную жизнь города.

Изображение 30. Чудо-Михайловский собор
(автор — В. Клещёв, фото из открытых источников: <https://vk.com>)

3.8. Краткий словарь городской речи

Словосочетания, связанные с аварией на Чернобыльской атомной электростанции

Чернобыльская катастрофа — техногенная авария на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г.

Чернобыльский закон — Закон РФ от 15.05.1991 г. № 1244-1 (ред. от 10.07.2023 г.) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие Чернобыльской АЭС».

Чернобыльские льготы — общее наименование льгот, положенных гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы.

Чернобыльские выплаты (= *чернобыльские*) — ежемесячная денежная выплата гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы (Закон РФ от 15.05.1991 г. № 1244-1 (ред. от 10.07.2023 г.) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие Чернобыльской АЭС», статья 27.1. Ежемесячная денежная выплата гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы).

Малая радиация — ежемесячная денежная компенсация гражданам в зависимости от времени проживания (работы) на территориях зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Большая радиация — ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) пострадавшим от радиационных катастроф.

Чернобыльский отпуск — дополнительный отпуск для пострадавших граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы.

Чернобыльская пенсия — пенсия, которую могут получить по старости граждане, подвергшиеся воздействию радиации вследствие Чернобыльской АЭС» (Закон РФ от 15.05.1991 г. № 1244-1 (ред. от 10.07.2023 г.) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие Чернобыльской АЭС», статья 28.1. Общие условия пенсионного обеспечения граждан, пострадавших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС).

Чернобыльское пособие — компенсации пострадавшим вследствие аварии на Чернобыльской АЭС за утраченное имущество.

Чернобыльский сертификат — льгота, представляющая собой крупную денежную сумму на покупку недвижимости для проживания с целью улучшить жилищные условия тех, кто пострадал из-за аварии, случившейся 26 апреля 1986 г. на Чернобыльской АЭС.

Чернобыльская мафия — обобщённое наименование лиц, которые с целью получения денежных средств занимались сдачей жилья государству, прописывали людей в квартирах, домах на территориях, отнесённых к «зонам отселения», «зонам с правом на отселение», «зонам с льготным социально-экономическим статусом» и др.

Чернобыльские дети — дети, пострадавшие в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

Чернобыльское сафари — путешествие в зону Чернобыльской АЭС.

Чернобыльские мутанты — люди, животные, подвергшиеся большому воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы, что повлекло за собой возникновение аномалий.

Чернобыльские ягоды — ягоды, наиболее «радиационноёмкие» — брусника, голубика, черника, клюква.

Неофициальные новозыбковские микротопонимы

Готика — гаражи возле здания гимназии.

Девятка — название школы № 9.

Диетка — кафе «Славянка» по ул. Комсомольской, 13.

Жуковицна — городской район ГАТП.

Каменка — летнее кафе, расположенное вдоль автомобильной дороги, ведущей к с. Пере-воз, на берегу Ипути.

Клюшки — памятник «Дружба народов».
Коммуна — название ул. Коммунистической.
Конюшня — кинотеатр «Октябрь» по ул.Коммунистической,20.
Коробок / Кубик-рубик — учебный корпус № 2 филиала БГУ по ул.Советской.
Крестовский сквер — сквер возле педколледжа.
Курятник — бывшее ПУ-40 по ул.307-й Дивизии,50.
Лебеди — озеро рядом со зданием городской администрации.
Ломоноха — название ул. Ломоносова.
Малостовка — улица в районе озера Зыбкое.
Медуха — медицинский колледж.
Мусорка — полиция», ул.Ленина,2.
Мясо-рыба — магазин «Садко» по ул.Ломоносова,24.
Педуха — педагогический колледж по ул.Ленина,11.
Подвал — магазин «Дубрава» по ул.Комсомольской,9.
Пожарка — бывшая пожарная часть по ул.Наримановской,10.
Пятиуглы / Пять углов — территория пересечения улиц Первомайской, Чапаева, Кубановской; рядом со зданием Сбербанка.
Пятнашка — магазин № 5 по ул.Коммунистической.
Стометровка — сквер возле кинотеатра «Октябрь».
Технарь — название бывшего Новозыбковского сельскохозяйственного техникума по ул.Мичурина,67.
Тёща — памятник «Скорбящая мать».
Трёшка — название школы № 3.
Хмызня — название бывшего ПУ-20 по ул.Рошаля,25.
Четвёрка — название школы № 4.
Школьник — стадион гимназии.
Якоря — памятник Д.Алексееву по ул.Мичурина.

Глава 4. Славянск-на-Кубани (М. Ю. Беляева)

4.1. Общие сведения. Название города

Изображение 31. Въезд в город (фото из открытых источников: tropki.ru)

Славянск-на-Кубани — город на юге России, в Краснодарском крае [Приложение 1]. Административный центр муниципального образования Славянский район, включающего в свой состав 14 сельских и 1 городское поселение. Образует муниципальное образование Славянское городское поселение как единственный населённый пункт в его составе. Город краевого подчинения, в 68 км к северо-западу от Краснодара. Площадь городского поселения составляет 43,5 км². Город расположен на берегу реки Протоки.

В городе действует железнодорожная станция Протока, на линии Тимашёвская — Крымская и аэропорт местных воздушных линий. Речная пристань (не действующая).

На 1 января 2025 года по численности населения город находился на 263-м месте из 1124 городов Российской Федерации [Славянск-на-Кубани]. Если властям удастся решить вопрос объединения города Славянск-на-Кубани и хутора Трудобеликовский Красноармейского р-на, которые территориально составляют единое поселение, то население Славянска-на-Кубани увеличится до 80 тысяч человек.

Ударение в названиях «Славянск», «слáянцы», «слáянский» характерно для местных жителей. По наблюдениям Н. С. Балаценко, так говорят практически все: воспитатели детских садов, учителя, руководители, чиновники, представители казачества, деятели культуры. Приезжие ставят акцент на втором слоге, по аналогии с этнонимом *славяне* — «Славянск». В тексте неофициального гимна Славянска-на-Кубани, написанного заслуженным работником культуры Кубани Е. А. Неволиным, астионим произносится с ударением на первый слог: «Славянск, Кубань, что вы для нас? / Родина, мать, отчий дом...». В то же время в тексте песни поэта В. А. Погорелова «Здравствуй, Фестиваль» ударение иное: «Вот и праздник. И снова мы вместе. / Город лучший надел свой наряд: / — Добры ветиур, Славянск, добър вечер! / Нам славяне всех стран говорят. / Мира, счастья, здоровья вам, Братья! / Вам Кубани открыты объятия, / с хлебом, солью встречает Славянск» [Беляева 2016, с. 142].

Основная версия происхождения астионима возводит его к названию Славянского гусарского полка, размещённого в крепости Копыл [Славянский район 2012, с. 74–75].

Другие версии основаны на легендах. Одна из них повествует о том, как Суворов, приехав первый раз в Копыл и увидев широкую реку Кубань, просторные поля, плодородную землю, воскликнул: «Какие славные места!». Согласно другой легенде, великий князь Михаил, наместник Кавказа, остановившийся в 1865 году у полковника Крыжановского, любовался широкими прямыми улицами станицы, утопающими в садах хатами и цветами в палисадниках. В честь великого князя казаки спели песню «Славься, славься, русский князь!», и последний велел присвоить станице название *Славянской* [Андрияш 1995, с.27–29].

4.2. Краткая история города

Статус города станица получила в 1958 году. Привязка «на Кубани» была добавлена для отличия от города Славянска в Донецкой области Украины.

В 1897 году казачья станица Славянская стала центром управления Темрюкского отдела, объединившего 65 населенных пунктов. В 1910 году отдел был переименован в Таманский. К этому времени в станице успешно развивались промышленное производство, торговля, речной транспорт; открывались школы и храмы, театры и рестораны; благоустраивались улицы и места массовых гуляний. В связи с открытием в 1913 году железной дороги станица Славянская стала не только производителем зерна, но и частью хлебного рынка.

Населенный пункт обладал всеми признаками городского поселения: наличие богатого казачества, собственного рынка, органов гражданского и военного управления. К 1917 году в станице Славянской было 3196 дворов, где проживало 27763 человека. Здесь располагалось шестиклассное училище, 2 гимназии (мужская, женская), 4 одноклассных училища (3 — смешанных, 1 — женская для иногородних). На территории станицы имелось три православных храма. Работало более 141 торгово-промышленного предприятия. С 1924 года станица Славянская становится районным центром Славянского района. С этого времени в станице начинается подъём в социально-экономическом и культурном развитии: строятся заводы, организовываются артели, кооперации, колхозы, открываются школы, больницы, библиотеки, клубы [Славянский район 2012, с. 75–76; Беляева 2016, с. 137–138].

В 20-е годы XX века в районе начали осваивать плавни — пустующие земли. Под руководством Д. П. Жлобы создавалась мелиоративная система и появились рисовые поля. Именем Жлобы названа одна из улиц нового микрорайона города.

С 8 августа 1942 года по 23 марта 1943 года станица была оккупирована немецкими войсками. В годы Великой Отечественной войны Славянский район был разрушен и разорен оккупантами, погибло 3 тысячи мирных жителей. 23 тысячи славянцев ушло на фронт, из них погибло и пропало без вести 11,5 тысяч человек. Четырнадцать славянцев стали Героями Советского Союза и пять — полными кавалерами ордена Славы. Станица Славянская была освобождена 23 марта 1943 года. Восстановить разрушенное оккупантами удалось только к 1950 году.

С 1956 года на территории района начинается промышленная добыча нефти и газа, продолжается освоение плавневых земель под рисосеяние, градостроительство и благоустройство населенных пунктов района.

В 1958 году станица была преобразована в город Славянск-на-Кубани, который в 1965 году становится городом краевого подчинения. Новый этап развития города объединил разрозненные элементы культуры в единую систему.

В настоящее время официальным и основным языком города является русский [Славянск-на-Кубани].

4.3 Этнический состав города

Национальный состав города полигэтничен, определяется историей заселения Кубани. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, преобладает количество русских (табл. 7).

Таблица 7. Численность населения г. Славянска-на-Кубани (2010 г.)

№ п/п	Народ	Численность (чел.)	Доля от всего населения (%)
1.	Русские	58 714	91,97
2.	Армяне	2232	3,50
3.	Украинцы	1001	1,57
4.	Другие(национальности менее 0,1 %)	1540	2,41
5.	Не указана национальность	355	0,55
6.	ИТОГО:	63 842	100,0

Перепись населения 2020 года выявила ряд изменений численности этносов и населения города в целом (табл. 8).

Таблица 8. Численность населения г. Славянска-на-Кубани (2020 г.)

№ п/п	Народ	Численность (чел.)	Доля от всего населения (%)
1.	Русские	58 393	92,71
2.	Армяне	1807	2,87
3.	Украинцы	268	0,43
4.	Цыгане	217	0,34
5.	Татары	115	0,18
6.	Другие	2185	3,47
7.	ИТОГО:	62 985	100,0

Кубанский ономастикон значительно уступает общерусскому в продолжительности существования, насчитывая чуть более 200 лет, хотя славянский элемент присутствовал на территории Тмутаракани уже в X веке, а первые казаки, старообрядцы-некрасовцы, появились на Кубани в конце XVII — начале XVIII в. [Энциклопедический словарь 1997, с. 474]. Из длительной истории всего ареала для исследования важен отрезок активного проявления славянского элемента в лингвокультуре, начиная с заселения Кубани запорожцами с конца XVIII века по начало XXI века. Выделение нами этапов развития ономастикона основывается на смешанном хронолого-содержательном принципе — с учетом временных отрезков, с одной стороны, и содержания развития онимии края в данные периоды — с другой. Перечислим данные этапы:

1. Начальный этап формирования ономастикона Кубани за счет появления украиноязычного элемента (конец XVIII в. — начало XIX в.);
2. Начальный этап унификации ономастических моделей (начало XIX в. — начало XX в.) под эгидой государства;
3. Завершающий этап интеграции ономастических моделей под эгидой государства (начало XX в. — 1990-е гг.);
4. Современный этап развития ономастикона Кубани (1990-е гг. — начало XXI в.) [Беляева 2021, с. 32–33].

Подобно всякой типологии, предложенное деление условно; каждый из этапов (например, 2-й и 3-й) может быть представлен более дробно [Беляева 2012, с. 33–34].

Преобладание украиноязычного элемента наблюдается на начальном этапе формирования ономастикона Кубани в записях фамилий жителей станицы Славянской 1876–1887, а также 1908–1909 гг. рождения, хранящихся в городском архиве г. Славянска-на-Кубани Краснодарского края (4 028 единиц). Перечислим повторяющиеся фамилии жителей:

1. Терихов 66 + Терещенко 18
2. Лысенко 34
3. Кравченко 32
4. Смольняков 32
5. Ткаченко 32
6. Демченко 31

7. Роговой 31
8. Решитько 28
9. Братков 26
10. Кришталь 26
11. Дайнега 24
12. Спичка 24

Квантитативный анализ выявил, что отантропонимные фамилии (*Терехов, Тереценко, Демченко*) не типичны для поселенцев; 42,4 % образованы при помощи суффикса -енко и лишь 6,8 % — с суффиксом -ов// -ев.

Список повторяющихся фамилий жителей г. Славянска-на-Кубани за 2006 г. выглядит несколько иначе:

1. Кузнецов 35
2. Демченко 30
3. Попов 27
4. Ковалев 25
5. Колесник 24
6. Шевченко 23
7. Волков, Бондаренко, Журавлев, Мищенко, Ткаченко 21
8. Иванов 20
9. Алексеев, Козлов, Смольняков 19
10. Кравченко, Никитин, Петров 18
11. Егоров, Терехов 17
12. Зайцев, Лебедев, Лукьяненко, Павлов, Смирнов, Соколов Лысенко 16

[Беляева 2008, с. 227].

Данные, иллюстрирующие смену преобладающих моделей морфодеривационной структуры фамилий на Кубани, представлены в таблице 9. Здесь зафиксированы изменения в соотношении украино- и русскоязычных по форме фамилий жителей города Славянска-на-Кубани более чем за два столетия. Цель подсчетов заключалась в том, чтобы выявить степень устойчивости // изменчивости морфодеривационной структуры ономастических единиц языка (фамилий) в условиях отрыва носителей языка и их потомков от исторической родины. В качестве рабочего в исследовательский аппарат вводится понятие этномаркирующего аффикса (ЭА), обозначающего типичные для ономастической системы (ядерные, системообразующие, продуктивные, «узнаваемые») словообразовательные форманты. В качестве этномаркирующих русскоязычных фамилиеобразующих формантов в рамках синхронного морфодеривационного анализа выступают -ов (-ев), -ин (-ын); украиноязычных — -енк(о), -к(о), -ук (-юк).

Путем деления количества единиц с русскоязычными этномаркирующими аффиксами на количество соответствующих украиноязычных устанавливаются индексы а) русскоязычности (Р) и — в обратном порядке — б) украиноязычности (У) фамилий.

Таблица 9. Динамика процентного соотношения ЭА в фамилиях жителей станицы Славянской (г. Славянска-на-Кубани) в XIX–XXI вв.

Годы // Индексы	1865	1900	1925 – 1950	1992	2000 — 2006
Р	0,71	0,6	1,15	0,78	2,33
У	1,4	1,7	0,87	1,28	0,43

Средний показатель количества русскоязычных элементов в городах на начало XXI в. составляет 2,61, украиноязычных — 0,39. Данные по г. Славянске-на-Кубани показывают более высокий индекс украиноязычных по происхождению антропонимных элементов [Беляева 2008, с. 174].

Интерференция близкородственных языков, характер формирования говоров заставляет искать в речи жителей станицы Славянской проявления русско- и украиноязычной стихий. Часть фамилий имеет украинскую основу (*Дайнега* ‘украинский казак, вооруженный дубиной’,

Лагойда — ‘согласие’, *Трухляк* — ‘дуршлак’, *Тырса* ‘ковыль’ и др.); украинская огласовка отличает сложения (*Худолий*, *Чарнобивец*), простые производные (Завгородний и др.) [Беляева 2008].

В языковой ситуации Кубани трансформации собственных имен приводят к их деэтимологизации (см. фамилии членов одной семьи *Кулинич* — *Кунилич* в списках жителей станицы Славянской, также: *Буймистров* от *Бурмистров*, *Гонида* от *Гнида*, *Верломный* от *Вероломный*, *Гаргуля* от *Гарагуля*, *Олесеенко* от *Олексеенко*, *Тарентий* от *Терентий*, *Хиник* от *Химик*. В результате межъязыковой интерференции утрачивается первичная мотивация фамилий: *Плескач* от *плескаться* (укр. *плескатий* ‘плоский’) и др.

Многие жители объясняют значение своей фамилии вразрез с истинной этимологией, что особенно ощущается в среде молодых людей: «Однажды в Турции произошло слово «кафтан», а после этого слова появилось новое слово «ковта» и так образовалась фамилия *Ковтун*» (ученик 5-го класса). Фамилия от *ковтюх* (укр. *ковтати* ‘глотать, проглатывать’) десемантизируется (утрачивает лексическое значение) и ресемантизируется (приобретает «новое» в соответствии с ассоциациями носителя языка). Процесс переосмысливания «остановлен» в вариативных формах фамилии *Ковтюх*, бытовавших и бытующих в регионе: *Ковтюх* (С 2005) — *Кофтюх* — *Ковтюф* — *Коптюх* (Темрюк, 1942 — 1943); фамилия осмысливается как Коптюх (от ‘коптить’).

В сфере фамилий вариативность корней, аффиксов, флексий служит живым свидетелем былого единства фонетического облика ряда слов. Пары слов, где [ы] русского языка соответствует [и] украинского, появились на Кубани уже в первой четверти XIX в.: *Пишиний* (Темрюк, 1812, 1835) — *Пышиный* (С 1950); *Лютий* — *Лютый* и мн. др. В суффиксах проявляется оппозиция по мягкости согласных, предшествующих суффиксу: *Летючий* (Полтавская, 1794) — *Летучий* (С 1950), Со временем вариативность преодолевается, и фонетические нормы украинского языка уступают место литературным нормам русского языка. Так, фамилии *Билый*, *Чорний* даже в местах, заселявшихся украинцами, к настоящему времени русифицировались.

4.4. Региолект

Проблема языка тесно связана с государственным устройством, состоянием общества, народной судьбой. На территории сегодняшнего Славянска-на-Кубани язык жителей складывался из двух языковых стихий и культур — русской и украинской [Проценко 1996, с. 17]. Исходными для кубанских говоров являются многообразные составные элементы, порождающие достаточно пёструю языковую картину: южнорусские говоры, русское городское просторечие, украинские диалекты средней части Поднепровья и юго-востока Украины.

Русские говоры на территории Краснодарского края традиционно входят в южновеликорусское наречие в составе южной группы говоров. Типичными приметами южнорусской группы говоров считают:

1. Диссимилятивное яканье различных подтипов;
2. Переход начального [в] перед гласным в билабиальный звук [уй];
3. Отсутствие звука [ф], в соответствии с которым в ряде позиций обнаруживается звук [х] или сочетание [хв];
4. Отсутствие значения среднего рода у имен.

Новейшая диалектография добавляет к вышеперечисленным характерным особенностям говоров южной группы говоров следующее:

1. Произношение [ш'] в соответствии с общеязыковым [ч'] (реже: [с] на месте [ч']);
2. Ассимилятивное смягчение [к] после парных мягких согласных и [й];
3. Совпадение форм Р., Д. и П. падежей ед. ч. женского рода;
4. Необычную для русского литературного языка акцентологию [Беляева 2002, с. 9–10].

Дифференциация южнорусских говоров и украинского языка осложняется сходством родственных языков. Фонетические особенности украинского языка подробно изложены в [Калашник 1992, с. 9–11].

Западные говоры обитателей Кубани трактуются как говоры с украиноязычной основой, вторичного образования, смешанные, переходные между южнорусскими и юго-восточными

украинскими говорами. Подобная характеристика фиксирует промежуточное состояние, вызванное целым рядом факторов. Это оторванность украинцев от исторической родины еще в конце XVIII в., условия совместного проживания с русскими, смешанные браки, миграционные процессы. Языковая политика государств на территории современного Краснодарского края варьировала от русификации (в Российской империи) до украинизации (1917–1932 г. в СССР) и последующего доминирования русского языка (1933–1990-е гг. в СССР).

К настоящему времени в речи молодого поколения большинство языковых особенностей украинского языка нивелировалось. Многие люди с украинскими корнями на Кубани идентифицируют себя как русские либо как принадлежащие к казачеству. При этом на первое по важности место ставится принадлежность к казачеству наряду с местом рождения и районом проживания [Славянск-на-Кубани].

В XX в. население самоопределяется как русское, доказательством чему служат результаты изучения официальных источников, национально-этнических характеристик местных жителей: большая часть населения западных районов Краснодарского края в графах ‘национальность’ и ‘родной язык’ ставит ‘русский’ и причисляет себя если не к «классическим» — из метрополии — русским, то и не к украинцам [Проценко 1996].

Процесс интерференции языков находит воплощение на различных уровнях и ярусах языка.

I. Фонетика.

1. Ослабление позиций оканья в пользу аканья (*хадылы, паложу*);
2. Переход [Э] в [о] под ударением перед твердым согласным, смешение форм (*авёс, мёт, брэвна*);
3. Смягчение согласных перед [Э] и [и] (*сена, место*);
4. Произношение [и] в соответствии с древнерусским «ять» (*литом, атмичяют*);
5. Отвердение мягкого [ц] (*вулица, вивца*);
6. Оглушение звонких согласных в конце слов в соответствии с употреблением звонких в украинском языке, ср.: *обид* - *абет*, *хлиб* - *хлэп*.

II. Лексика.

Активный процесс заимствования из русского языка: *день, очинь, брыгадир* и др.

III. Морфология.

1. Употребление флексии -у и даже -е в Д. п. и П. п. ед. ч. Существительных в соответствии с украинским - ові // - еві-, ср.: *к сЫнови, на дУбови* - *к сыну, о сыне*;
2. Постепенная утрата звательной формы (*ой мамо, Марийко*), употребление нового звательного падежа (*мам, ба*);
3. Постепенная утрата формы 1 л. м глаголов, нормативных для грамматики украинского языка, ср.: *идэмо* - *идём, купымо* - *купим* [Беляева 2002, с.11–12].

Во второй половине XX в. на Кубани формируется единое этнокультурное пространство. Кубанское «двуязычие» характеризуется тем, что «языки» не просто смешались, но образовали новую историческую реальность, образовали региолект, столь своеобразно выраженный. В этом отношении Кубань поистине является наглядным примером и указанием на то, как тесно и нерасторжимо связаны в прошлом русский и украинский языки [Ткаченко 1998, с.18].

4.5. Текст города

Город XXI века предстает как пространство коммуникации, состоящее из отдельных структурных элементов, подчиненных целому (ландшафту, стилю, мифологии и др.) и являющееся знаковой средой обитания человека. Семиотический подход позволил обнаружить тотальный характер текста города, способного существовать в различных проявлениях: художественном (литературном, архитектурном, музыкальном, ландшафтном, живописном, скульптурном), бытовом и фольклорном, что значительно усложняет социально-коммуникативную функцию текста [Текст как семиотическая проблема].

Город, как особая семиотическая сфера, как «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман 1996, с. 282],

строится на оппозициях географического градообразования — pragматическому, исторического // диахронного текста новому // синхроническому, столичного — провинциальному. Рассмотрим эти оппозиции на примере г. Славянска-на-Кубани.

Особенности градообразования определяются географическими факторами (рельеф местности, водные пространства и др.). Территория г. Славянска-на-Кубани организована водным пространством. Город имеет вытянутую форму с севера на юг вдоль р. Протоки протяженностью 9,5 км с севера на юг и 5 — с востока на запад. Пренебрежение или незнание как природных, так и социальных факторов приводит к неудачам, например, подтоплению города в 1969 году из-за катастрофического наводнения.

Подобно большинству провинциальных городов западной части Краснодарского края, город имеет смешанную застройку. Композиционным ядром в современном Славянске-на-Кубани служит общегородской центр линейного типа. Основу составляет малоэтажная усадебная постройка (80 %), остальную часть (20 %) — секционная (трех-, пяти- и девятиэтажная). Проектом предусмотрено строительство жилья эконом-класса и жилья из быстровозводимых конструкций. В Славянске-на-Кубани насчитывается 160 улиц, самой длинной из которых является Школьная (почти 6 км). Если вытянуть все улицы города в одну линию, получится дорога длиной 243 тыс. метров. Стремясь уйти от точечной застройки, главное архитектурное бюро города планирует здесь создание нового жилого микрорайона площадью 460 тыс. кв. м, который рассчитан на 13,5 тыс. человек.

Противопоставления большого города небольшому, столичного — нестоличному характеризуют как психологическую проблему «восприятия и самовосприятия. Сохранению традиционного способствует образ и темп жизни русской провинции [Андреева 2003]. Небольшие города всегда привлекали русского человека своей близостью к природе, покое, неспешностью, но отталкивали нравами, бытом, укладом [Павловская 2010, с. 29–30]. Сохранению национального духа противопоставлен космополитизм столиц. Понятие *провинция* охватывает как небольшие города, так и деревни, села, хутора, слободы. При этом оно исторически ассоциировалась и «с умиротворением, чистотой и свежестью нравов, человечностью отношений», и «с обывательщиной, никчемностью отношений, убогостью нравов, жалким подражанием столичной жизни» [Павловская 2010, с. 20].

Конфессиональный текст г. Славянска-на-Кубани свидетельствует в пользу традиционности восприятия христианства, народного православия. В 1917 году здесь действовали три православных храма: Свято-Пантелеймоновский, Свято-Успенский, Николаевский; первые два действуют в настоящее время. В пос. Сад-Гигант выстроен храм Св. Александра Невского. Действует Армянская григорианская церковь Св. Саркиса, протестантские общины. Означении культовых сооружений для жителей города свидетельствуют записи речи старожилов, напр., Анны Тимофеевны Джигирь, 1912 г. р.:

У Бога в Еровала и верую. У церкви редко ходю, а раньше ходила на фсюноину под Пасху. Када я булА маленька, булО у нас трои церкви. Катора сейчас, вонА называеща Успенска. А одна була деревянная церква, дэ сейчас Вечный огонь горит ф скверыику. Эта называлась Покрофска, от праздника Покрова. Правленье запретило. И церкви разобрали, и икон много булО, и воныI в это правленье, як кырпичи склады иконы. БулА третья, дэ сейчас нефтяники, кырпична, и называлась вона Николаевска. ... Разбылы, разобрали, не разрешалы, шоп ходили люди у церкви. А тэперь осталась одна церква, и вроде хоронят люди молоди и стары, ныхто никому нэ запрецаэ. И дитей християнство открыто, ныхто ны крадэцца. Раньше родилась дытына — його быстро нэсуть христыть. Боялись до дытыны пыдступать нэхрэционого («Три церкви») [Беляева 2002, с. 15].

В области текстологии города универсальна оппозиция исторического // диахронного текста тексту новому // синхроническому: «Времена смешиваются в тексте города, словно ингредиенты алхимического процесса. Мода на машину времени, вышедшую из-под контроля и заносящую своих пассажиров в самые неожиданные исторические ситуации, становится едва ли не самой типичной приметой новейшей культуры» [Соколов 1990, с. 82–83]. Исторический

текст неизбежен как следствие динамически социального развития, в котором старое уступает дорогу новому, связанному с процессами глобализации, что ярче всего проявляется в области визуализации и эргонимии.

Как и в других современных населенных пунктах, в г. Славянске-на-Кубани пространство письма расширяется до нижнего (асфальт) (изображение 32) и среднего (машины — маршрутки, такси, индивидуальные автосредства и др.) (изображение 33, 34) модусов. Большинство текстов представляет собой рекламные объявления. Нижнее пространство письма используется крайне редко. Так, мелом на асфальте было зафиксировано названия ягод и фруктов на продажу с указанием стрелками, где их можно купить. Городское пространство занимают штендеры (раскладушки) рекламного и рекламно-информационного характера.

Надписи и рисунки на автомашинах пока не стали неотъемлемой принадлежностью текста города. Немногочисленны автомобили, снабженные сведениями о координатах организаций вроде «Служба Теплосети»; популярны надписи патриотической направленности к 80-летию победы в Великой Отечественной войне ("Спасибо деду за Победу!"), действиям на СВО ("Я русский, и этим горжусь», «За наших», «Z»). Оригинальные надписи на частных авто единичны: «Несите меня, японские баимаки», «Заказные убийства. Шантаж. Вымогательство. Подбор недвижимости [+ № телефона]», «Не будите меня, мне и так страшно».

Изображение 32. Нижнее пространство письма (фото автора)

Изображение 33. Среднее пространство письма (штендеры) (фото автора)

Изображение 34. Среднее пространство письма (автомобили) (фото автора)

Шире используются возможности графики в украшении города памятными знаками:

Изображение 35. «Я люблю Славянск!» (Фото из открытых источников: Gaika.ru)

4.6. Урбанонимы, официальные и неофициальные.

До 1870 года улицы станицы Славянской названий не имели. Часть улиц Славянска-на-Кубани при Советской власти, в 20-е, 30-е годы XX в., подверглась переименованию. Ниже приведен фрагмент списка первоначальных названий улиц (слева) с их новыми названиями (справа), составленный краеведами:

1. Церковная > Гриня
2. Лагерная > Дзержинского
3. Профильная > Дружбы народов
4. Базарная > Ковтюха
5. Воронцовская > Колхозная
6. Копыльская > Комсомольская
7. Екатеринодарская > Краснодарская
8. Екатерининская > Крупской
9. Николаевская > Ленина
10. Торговая > Лермонтова

[Славянский район 2012, с. 87–88].

Если в первичных названиях был воплощен объектно-ориентационный принцип (*Лагерная, Базарная, Гимназическая, Торговая, Церковная*), то в новых преобладал посвятительный явным уклоном в политику времени (*Комсомольская, Крупской, Партизанская, Пионерская, Пролетарская*).

Центральной улицей станицы была *Красная* 'красивая, лучшая'. Она, как и улица *Ленина*, до сих пор остается одной из наиболее оживлённых. Бывшая *Николаевская* получила имя или в честь самодержца Николая II, или, что более вероятно, по названию собора в честь Николая Чудотворца [Андрияш 1995, с. 42].

Ряд улиц носит посвятительный характер. Они названы в честь знаменитых людей, так или иначе связанных с городом. М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин, Ф. Э. Дзержинский, Д. А. Фурманов — их имена носят улицы Славянска-на-Кубани.

Для регионального текста города особое значение имеют имена активных политических деятелей, преобразователей жизни в крае. Бывшая Церковная улица носит имя Петра Гриня. Фамилия восходит к форме антропонима *Григорий*, типичной для украинского языка и юга Кубани. Казак ст-цы Славянской Пётр Андреевич Гринь родился в 1891 году в семье многодетного, но зажиточного казака. После несения воинской службы работал механиком по ремонту сельхозтехники. В январе 1918 г. Гринь был избран первым комиссаром станицы. Погиб в не равном бою с частями армии Деникина в августе 1918 года.

Не менее значимой фигурой остается другой боец революции — Епифан Иович *Ковтюх*. Уроженец ст-цы Полтавской, 1890 г. р., участник Первой империалистической войны, Е. И. Ковтюх в качестве командующего фронтом по защите г. Екатеринодара в августе 1918 г. вывел из окружения с Таманского полуострова более 60 000 человек, в т. ч. беженцев из ст-цы Славянской. Тяжкий путь легендарной Таманской дивизии описан Серафимовичем в произведении «Железный поток». В 1920 г. Ковтюх отличился в боях за ст-цу Славянскую. Объявленный врагом народа, погиб в застенках ЧК [Андрияш 1995, с. 44–47].

Третья личность, заслуживающая упоминания в тексте города, — Дмитрий Петрович *Жлоба*. Сын киевского батрака, ученик Московской военной школы, он направил свои устремления на освобождение трудового народа. Военный комиссар в Донбассе, командир дивизии и корпуса, Жлоба был награжден двумя орденами Красного Знамени, именным оружием. Однако главную заслугу Д. П. Жлобы видят в другом — при нем было начало освоение кубанских плавней — пустующих земель, заросших камышом. Задачей «Плавстроя», начальником которого был назначен Д. П. Жлоба, было превращение плавней в доходные рисовые плантации. С именем Жлобы связывают трудовые победы по освоению бросовых земель, мелиорации и озеленению территории края. Честьность и принципиальность руководителя снискала Жлобе любовь и уважение соотечественников, но и привела к доносу на укрывателя «врагов народа». Герой окончил жизнь, как и Ковтюх, в застенках ЧК [Андрияш 1995, с. 75–78].

Помимо официальных, бытуют «народные», неофициальные топонимы.

Районы и части города получили следующие номинации:

Армянский аул — отдалённая от центра часть, где большинство населения составляют армяне; в представлении станичников *аул* — «нечто отдаленное и малонаселенное»;

Бешенка — часть Юго-Западного округа, где торгуют запрещёнными веществами;

Больница — район с большим количеством медицинских учреждений на территории округа;

Два поэта — место пересечения улиц Пушкина и Лермонтова и прилегающая к ним территория;

ДК — район, на территории которого находится городской Дом культуры;

Железка — неофициальное название частей улиц Кубанской, Садовой, Пушкина, находящихся рядом с железнодорожным мостом через реку Протока;

Кубрайс — административное название городского района Кубрис («Кубанский рис»); молодежное, подражание английскому;

Микраша — неофициальное название микрорайона;

Музыкалка — территория, примыкающая к музыкальной школе;

Нефтяники — часть города, где предоставлялось жильё работникам «Нефтеперерабатывающего управления»;

Озеро на больнице — озеро в районе больницы;

Осиное гнездо — квартал между ул. Кубанской и Пушкина, по улице Краснодарской: четыре многоквартирных дома окружены частными домовладениями; расположение имеет сходство с осиным гнездом;

Причепиловка, Прича — часть города, примыкающая («прицепляющаяся») к основному городскому пространству по периметру; по воспоминаниям старожилов, в 1906 году река Протока прорвала дамбу, поток снёс три квартала между лагерями и ул. Запорожской, поэтому уцелевший от наводнения уголок называли *Причепиловкой* [Андриаш 1995, с. 44];

Район рынка — район, находящийся в непосредственной близости от центрального рынка города;

Собачий хутор — неофициальное название одного из районов города: на его месте ранее находилась собачья живодёрня.

4.7. Эргонимы

Не все объекты получают индивидуальные номинации, что подтверждает сохранившаяся до сих пор поговорка об объектах г. Славянска, приметных, если ехать сюда со стороны х. Трудобеликовского Красноармейского р-на: «Слева рынок, справа баня, вот и Славянск-на-Кубани». Даже получив собственное имя, объект может утратить его со временем: эргонимы представляют наиболее подвижную часть ономастикона. Мало кто помнит названия первых в городе кинотеатров начала XX века — «Мефистофель», «Модерн» — и даже относительно недавнего, советского времени — «Октябрь».

В соответствии с характером объектов номинации в эргонимии г. Славянска-на-Кубани обнаруживаются следующие группы собственных имен: наименования

1. Фабрик, заводов: «Славянская», «Славянский консервный завод», ремонтный завод «Славянский», «Славянский кирпич»;

2. Магазинов, торговых точек-ларьков: «Арбат», «Диана», «Лагуна», «Россиянка», «Сладкий рай»; рынков: «Дукан», «Новониколаевский»;

3. Салонов красоты, парикмахерских: «Анастасия Минц», «ВИП», «Диана», «Красивые люди», «Ласточка», «Фиалка»;

4. Кафе,очных баров, ресторанов: «Алькор», «Летнее», «Лакомка», «Русь», «555» и др.;

5. Агентств недвижимости: «Забота»;

6. Автозаправок: «Ника»;

7. Медицинских коммерческих структур: «Зеленая аптека», «Медвентхим препарат»;

8. Структур, оказывающих физкультурно-оздоровительные услуги: «Витязь», «Буревестник», «Лидер»;

9. Учреждений по ремонту бытовой радиотехники: «Телевизоры»; звукозаписи, фотослуги: «KIS'S», «Кодак-экспресс» и нек. др. группы.

Провинциальный город заметно уступает краевому центру (г. Краснодару) по разнообразию и оригинальности номинаций. В Славянске-на-Кубани пока не встретишь «Винологию», «Дверитеку» или «Детейлинг». Однако новые объекты номинации имеются и здесь: *трактория, суши-бар, барбер-шоп, шаурмячная, забытые ломбард, трактир*, а с ними соответствующие эргонимы.

Неофициальные топонимы-ойкодомонимы для ныне не существующих учреждений, в основном советского времени, относятся к ориентирам-некротизмам:

«Волна» — несуществующий ныне магазин, употребляется как указатель дома: «Живут на Волне»;

«Детский мир» — название уже не существующего магазина для называния находящихся в нём учреждений, например, «Аптеки»;

«Молочка» — здание, где раньше располагался молочный магазин.

По интралингвистическим критериям все анализируемые нами эргонимы подразделяются на поли- и однокомпонентные образования. К первым относятся такие, как «Анастасия Минц», «Кот и пес», «Товары для дома», «Офисные товары», «Охотник и рыболов», «Горячие сосиски» и другие; к синтетическим формам — «Байт», «Вояж», «Инкомстрой», «Лорд» и др.

Производные эргонимы могут быть образованы от одного (а) или нескольких (б) производящих:

а) «Анна», «Аэлита», «Виктория», «Карлсон», «Лотос» и т. д.;

б) «Славянский базар», «Русская пирамида», «Для друзей». При этом в последней группе наблюдаются образования от сочетаний слов ("У Вовочки", «У доктора», «У озера» и др.) и от словосочетаний ("Мир детства", «Русская Клеопатра» и др.). Фразеологически связанными считаются такие производящие для эргонимов, как «Золотое руно», «Красная Шапочка», «Руслан и Людмила», «Том и Джерри» и др.

С учетом семантических особенностей производящих — собственных имен все анализируемые нами эргонимы г. Славянска-на-Кубани были распределены следующим образом:

1. Антропонимы, использующиеся в названиях кафе, ресторанов, парикмахерских, салонов красоты: «Анастасия Минц», «Алеша», «Элен», «Элина» и др.

2. Зоонимы в названиях салонов красоты, магазинов, кафе: «Зубр», «Ласточка», «Сова», «Чайка» и др.

3. Фитонимы для называния кафе: «Лотос», «Эдельвейс»; магазинов «Лотос» «Лаванда», «Кедр», парикмахерских «Фиалка»; киосков: «Тополек» и др.

4. Астронимы — наименования магазинов,очных баров, кафе: «Алькор». «Водолей», «Овен», «Скорпион» и др.

5. Топонимы для номинации баров, ресторанов,очных клубов: «Кубаночка», «Славянка», «Россиянка», буфетов: «Приазовье», «Русь», магазинов: «Азов», «Вавилон», «Кубань», «Русь», «Черемушки» и др.

Закономерности, характерные для крупных городов, преломляются в специфических, региональных. В ономастическом пространстве г. Славянска-на-Кубани прослеживаются выделенные И. В. Крюковой четыре периода развития эргонимов — с 1983 по 2003 год [Крюкова 2004, с. 71 — 77; Крюкова 2021].

В первый из периодов, относящийся к советскому времени, эргонимы не отличались разнообразием и выдумкой, точно отражая назначение объекта. Таковы славянские «Автозапчасти», «Канцтовары», «Товары для дома», «Хозтовары», «Продукты», «Хлеб», тот же кинотеатр «Октябрь». Во второй период (1989 — 1993 годы) появилось большое количество названий рекламного характера. Это и полные романтики «Ассоль», «Аэлита», «Ласточка», «Фиалка», «Руслан и Людмила», «Тройка», «Красная шапочка»; и мифологические имена на западный манер: «Диана», «Сладкий рай», «Эдем».

Для третьего периода характерны две модные тенденции: привлечение массы экзотизмов или варваризмов из английского языка исключительно по соображениям престижа, без связи с объектом номинации («Евролюкс» — парикмахерская, «Кантри» — производство металлоизделий, «Smail» — магазин, «Сова» — ювелирный магазин, «Форум» — ремонт электродвигателей) и возвращение к сниженной, разговорно-просторечной сфере общения («У Петровича», «У Вовочки», «У доктора», «У озера», «Для друзей»).

Четвёртый, современный период отличает формальная и семантическая раскрепощённость, свобода выбора эргонимов. Бары иочные клубы имеют экзотические названия («Фараон», «Нирвана», «Клеопатра»), крупные кафе и магазины используют слова мир, империя, планета («Планета видео», «Мир кожи и меха», «Мебельный рай», «Мир электроники») [Беляева 2011, с. 119]. В ономастическом пространстве города сочетаются одно- и многословные

названия, исконного и заимствованного происхождения, различных стилей речи. Моментом, объединяющим названия, служит рекламный.

Из словообразовательно-графических новаций в эргонимии города обнаруживаем

- двойную графику: «*BaZap*», «*Pan Мишутка*», «*VIP подушка*» (магазины);
- использование способа разлиния: «*KIS'S*» (фотоуслуги), «*Сосед И*», «*Чай-Хана*» (кафе);
- использование контаминации: «*ПантЭра*» (от *пантера* + эра, детский театр моды), «*Шаурmaking*» (от *шавурма* +*making*);
- использование гендиадиса: «*Шашлык-Машлык*»;
- использование заглавных букв в середине слова: «*BaZap*», «*Lego Style*»;
- использование строчных букв в середине слова между заглавными: «*ПЕРВоЖВЕТ*» (магазин цветов);
- написание без пробелов: «*LoftХаус*»;

- объединение имён детей владельца магазина игрушек — *Максима и Натальи* — в обра-
зование «*Макнат*»;

- старорусские написания вместо современных: «*Цирюльникъ*» (парикмахерская);

Цифровой способ номинации к настоящему моменту архаизировался. Таковы «555» (наименование кафе, толкуемое местными жителями как «*Три пятерки*»), «777» (название продуктового магазина, соответственно — «*Три семерки*»), «*Меркурий-3*» (название проду-
ктового магазина).

В начале XXI века распространилась мода на восточную культуру. Это выразилась в появлении в глубинке японоязычных названий кафе и ресторанов вроде *Банзай*, *Shifudo*, *Суши бар*, *Суши даром*, *Суши Wok* и даже самодельное «*Ёбидоёби*» (япон. ‘звонить, звонок’ и ‘суббота’).

Итак, город Славянск-на-Кубани служит примером конгломерата архаических и иннова-
ционных элементов в эргонимии.

«Два мира» — «России» и «Запада» — сосуществуют в одной культуре и в одном языке. Первый, наиболее престижный, мир «Евро» отдаляет от себя малообеспеченных граждан са-
мими вывесками: «*Royal Hall*», «*VIP*», «*Selfie*», «*Stardog*», «*Евростиль*» и др. Борьба за актуаль-
ную в современной ситуации «национальную» идею языка выражается через корневой состав
производящих для эргонимов «*Азов*», «*Кубань*», «*Кубаночка*», «*Русь*», «*Славянский*», «*Сла-
вянск*» и т. п. «Демократизация» обеспечивается за счет «народных» суффиксов: «*Ордыночка*»,
«*Тополек*», новейших образований «*ВкусноЖуй*», «*Ням-Ням*» и т. п.

В номинации банков активно эксплуатируется модели сращений и сложений с усечением: «*Кубаньбанк*», «*Краснодарбанк*», «*Кубинбанк*» ("Кубанский инвестиционный банк"). Рынки получают наименования путем субстантивации прилагательных: «*Николаевский*», «*Централь-
ный*», но и при помощи аффиксации («*Привоз*»), заимствования («*Дукан*»).

Наименования организаций, не имеющих аналогов в городе, как правило, тяготеют к про-
стым по структуре и однозначно воспринимаемым: «*Адвокат*», «*Архитектура*», «*Нотариус*»,
«*Оптика*», «*Славянский хлебзавод*», «*Славянский кирпич*». В официальных названиях много
сложных и сложносокращенных слов: «*Автошкола*», «*Водоканал*», «*ГАИ*», «*Горэлектросети*»,
«*Киностудия*», «*Росстраф*».

Организации службы быта шире используют однословные заимствования - парикмахер-
ская «*Ирида*», «*Фрея*», площадка «*Форвард*», косметический салон «*Диана*», фотоателье «*Ко-
дак* — экспресс» и др.

В названиях магазинов преобладают заимствованные производящие: «*Альянс*», «*AUDIO@
VIDEO*», «*Бонус*», «*Гиацинт*», «*Лиго*», «*Прайд*», «*Рубин*», «*Семафор*», «*Фотон*» и т. п. Исконно
русские производные встречаем в сращениях (чистых или смешанных): «*Вино — водка*»,
«*Дочки — сыночки*», «*Незабудка*»; в сложных словах: «*Домострой*», «*Стройматериалы*»,
«*Хозтовары*».

Некоторые вывески последних лет основываются исключительно на зрительном воспри-
ятии и дают повод для считывания различной информации субъектами. По этой причине

наименование продуктового магазина «*Ойеко*» было заменено на доходчивое «*Русь*», магазин «Элен» вернул первоначальное «*Продукты*». В то же время сохраняют свои позиции кафе «*Old Creapes*», «*Rusty fox*». В настоящее время мы наблюдаем примеры возвращение к простым названиям: «*Мебель в дом*», «*Овощи*», «*Продукты*».

Важные для горожан объекты получают неофициальные названия. Среди неофициальных урбанизмов и ойкодомонимов нами выделены:

Рынки города:

Новый рынок — рынок образовался относительно недавно;

Оптовка — оптовый рынок;

Туча — авторынок, куда покупатели и продавцы съезжаются из всех близлежащих районов;

Хитрый рынок — неофициальное название «Нового рынка», возникшего в то время, когда торговцы прятались от рейдов милиции;

Магазины и кафе:

Аннушка — магазин «*Анна*»;

Горелый универмаг — универмаг, пострадавший из-за пожара, возникшего в нём более тридцати лет назад;

Зелёнка — кафе «*Форвард*» из-за зелёного покрытия на полу;

Колючка — магазин «*Белая акация*»: акация — дерево с колючими отростками;

Летник — кафе «*Лакомка*»: работает в летний период;

Лида — магазин «*Лидия*»;

Олимпийский дом — дом, на фасаде которого выложена символика Московской олимпиады 1980 года;

Приют — кафе «*Уют*»;

Птичник — кафе «*Какаду*»;

Шапка-шапочка — детское кафе «*Красная шапочка*»;

Образовательные учреждения:

Бурса — сельскохозяйственный техникум;

Кубик — филиал Кубанского государственного университета.

Неофициальные топонимы в разговорной речи бытуют параллельно с официальными номинациями. Степень «неофициальности» подобных названий различна, но в целом они близки к квализитивам разговорной речи [Беляева 2005, с. 71].

4.8. Поэтический текст города

Творчество поэтов близко и понятно жителям города Славянска-на-Кубани, так как они знают те просторы и места, которые описаны в произведениях.

В числе поэтов, обращавшихся к теме Славянска-на-Кубани, следует назвать З. А. Воронину, Т. Д. Голуб, В. В. Костина, Е. К. Логвиненко, Л. К. Лугаеву, В. И. Марахина, В. А. Погорелова, О. В. Почтенко, В. Чайку и др.

Наиболее известностью отмечено творчество замечательного поэта, почетного гражданина г. Славянска-на-Кубани Татьяны Дмитриевны Голуб (1944–1994 гг.). В стихотворении «Славянск-на-Кубани» Татьяной Голуб были воспеты и город, и река: «*Славянск-на-Кубани, / Над Протокой-рекой / Город мой родной*». Имя еёочно вписано в текст города. Именем Татьяны Голуб названа одна из улиц Юго-Западного микрорайона города. На доме, по улице Краснодарской, в котором жила поэтесса, прикреплена мемориальная доска. Творчество Татьяны Голуб изучают во многих учебных заведениях Кубани. В любимом городе её помнят, День памяти Татьяны Голуб ежегодно отмечается 30 марта.

Родилась Татьяна Дмитриевна 30 марта 1944 г. в городе Бузулуке Оренбургской области, где семья находилась в эвакуации. В 1949 году родители переехали в станицу Славянскую, где отец начал работать агрономом в совхозе Сад-Гигант. Первое стихотворение («*Акация*») было напечатано в 1960 г. в местной газете «*Заря Кубани*», когда Тане было 16 лет. В год окончания.

Московского литературного института имени А. М. Горького вышел ее первый сборник стихов для детей «Солнечный зайчик»; следом — детские книжки «Ледяная горка» (1970), «Никакого волшебства» (1974), «Большая буква» (1974). Долгое время Татьяну Голуб считали детским поэтом.

С годами шло становление Татьяны Дмитриевны как поэта, «взрослели» и ее стихи, наполняясь новым содержанием, жизненной философией, лирикой. В апреле 1984 года Татьяна Голуб была принята в члены Союза писателей СССР. Многие ее стихотворения положены на музыку Василием Дедюриным, Владимиром Косицыным (жителем г. Славянска-на-Кубани, бывшим директором музыкальной школы), Виктором Захарченко, Сергеем Ивановым и многими другими авторами. Песни на слова поэтессы исполняли Людмила Зыкина, Вероника Журавлева, Кубанский казачий хор и многие самодеятельные коллективы.

За большой вклад в воспитание патриотизма и высокой гражданственности, любви к жизни, неповторимой природе Кубани, за гуманизм и просветительство в 1994 году Т. Д. Голуб было присвоено звание «Почетный гражданин г. Славянска-на-Кубани». В этот день в городском Доме культуры прошел её творческий вечер, а на следующий день, 31 марта, славянцы узнали о смерти поэтессы.

О своем городе пишет поэт-песенник Владимир Марахин, уроженец г. Славянска-на-Кубани, автор, посвятивший ряд стихотворений Кубани, реке, городу, где родился, где прошли детские и юношеские годы: «Славянск-на-Кубани», «Ты наш Славянск», «Песня о Славянске-на-Кубани», «Свято-Успенский собор», «Александр Васильевич Суворов», «Славянску-на-Кубани — 150!». Памятны строки из стихотворения «Ты наш Славянск»: *И у реки с душой своей широкой,/ в кампании радушных россиян, / Пусть каждый день любуется красавицей Протокой, / с годами молодеющий Славянск*. Интересно в этом плане стихотворение «Александр Васильевич Суворов»: *Человек несгибаемой воли, / Грудь в наградах и в россыпи лент, / Полководец Суворов в камзоле / На гранитный взошёл постамент. / Ваша светлость, мы Вас не забыли, / На Кубани Вас любят и чтут, / Вы, как прежде стоите в Копыле, / Только нынче из бронзы Вы тут*.

Патриотические мотивы присутствуют и в произведениях других авторов: Е. А. Неволина в гимне городу [Неволин]; песне «Славянск — наш город родной»: «Деды, отцы здесь пали в бою, / Но не отдали врагу»; З. А. Ворониной в стихотворении «Посвящается Славянску-на-Кубани»: «Помнят в городе нашем былое, / Его славу и павших бойцов, / Продолжают достойно и свято / Дело дедов своих и отцов».

О Саде-Гиганте есть строки и у других поэтов, например, В. Марахин в «Песне о Славянске-на-Кубани» благодарит тружеников города за плоды их труда, за проведенные Международные фестивали славянской культуры: *Спасибо тебе, дорогой, за дары Сад-Гиганта, / за дружбу Кубанских народов, за праздник славян, / Спасибо тебе за созвездие юных талантов, / за счастье, за радость спасибо тебе, мой Славянск* [Беляева 2015].

Виталий Чайка, недавний выпускник Славянского-на-Кубани педагогического института (филиала Кубанского государственного университета), уже известен как автор поэтических сборников и текста песни, исполненной Кубанским казачьим хором под управлением В. Захарченко. Его стихи поражают глубиной, духовностью, пронизаны любовью к малой родине, тревогой за будущее Отчизны, сыновней благодарностью воинам разных возрастов, трогают душу непосредственностью и искренностью. Его поэзия откровенна, правдива. На стихи Виталия Чайки написано много песен, например: «Мама моя, Кубань...», «Родительский дом», «Господь с тобой, мой тихий город», «Голубь», «Русские люди! Где ваша сила?», «Русская музыка», «Правда ребёнка светлее храма», «Деревня», «Я поставил в храме свечку». Город для поэта неразрывно связан с рекой, например, в стихотворении «Славянску»: *Славянск-на-Кубани! / от Протоки тянет / Синий холодок. / Хочется напиться / Свежести садов*.

Много молодых людей, жителей города, погибло уже в так называемое мирное время, их имена присваивают школам, улицам. Об этом В. Чайка пишет в стихотворении «Скорбит моя земля...».

В самодеятельной литературе отразились насущные проблемы всей страны, тесно связанные с духовными поисками локального уровня. В духовно-содержательном аспекте литература не отличалась от литературы краевого центра, делая объектом описания природу, родину, войну и труд, но на фоне общих литературных тенденций в литературе преобладает природоописательная направленность и обращение к малой родине

4.9. «Свои» и «чужие»

Деление на «своих» и «чужих» проходит через антропонимикон Славянска-на-Кубани. С точки зрения самоопределения основное население считает себя русскими, меньшая часть жителей города относит себя к казакам.

К региональным аллоэтнонимам относятся: *кацапы*, *гамсэлы*, *москалы*, бытующие в речи жителей Кубани для обозначения иногородних, пришлых из России: «Бог створив цапа (козла), а чёрт — кацапа», «Гамсел привязан до ясэл». Казаки не хотят себя идентифицировать ни с русскими (*кацапами*), ни зачастую с украинцами (*гречкосеями*).

Исторически на Кубани сложилось так, что часть иногородних (жителей невойского сородичества, проживавших на территории казачьих областей) получила более низкий социальный статус, чем потомственные казаки, не имела оседлости (земли в собственность), в большинстве своем шла «в наймы». *Москалям* противопоставлялись *городовики*: «слово «городовик» звучит у них некоторым пренебрежением, обозначая не полевого и боевого человека, как казак, а мирного гражданина, пользующегося безопасностью и другими удобствами внутренней цивилизованной жизни» [Попко 1998, с. 73]. В настоящее время прозвище *москаль* употребляется также по ассоциации с местом жительства, Москвой.

Мнение об отношении потомственных казаков к иногородним как к чужим находим в дискурсах:

«Симёновна козачька, отец иногородний, то есть ни козак, поэтому я ни козак, а Грышиа козак рэпаний, Зинченки фсе козакы. У меня бабушка козачка, вот когда же ф церкви записывали рождения ребёнка ф семье козака и иногородней, то первого записывали козака. Дажэ если жэнщина, моя бабушка казачка Милания Яковлевна Пронько, урождённая Лиянна, а отец, а дед Пронько Артём Мифидийович иногородний, то есть он ни козак».

Бригады полевых рабочих, приехавших в Славянск-на-Кубань из Украины, называют *бендэровцами*, *пишеничниками*, *хохлами*.

По мнению пожилых, даже за длительный срок стать «кубанцем» не получается. Отношение к своим и чужим отражают прозвища жителей города; часть антропонимов представлена в «Словаре прозвищ жителей Краснодарского края» [Беляева 2011]. В прозвищах запечатлен этнический образ «чужих» — представителей одних этносов // субэтносов в восприятии других: *Ара*. Шутл. от национальности (армянин); *Армянин*. Мой муж метис, его отец армянин, хотя внешне он больше похож на русского, но все называли его армянином; *Кацапка*. Пренебр. Прозвище Валитовой Зинаиды Петровны, которая в украинской деревне была из русской семьи.

Коллективные прозвища характеризуют как отдельные этносы, так и жителей станиц края: *куркули* — жители х. Трудобеликовского Красноармейского р-на о соседях, жителях Славянска-на-Кубани; *дыркачи* презр. — жители х. Трудобеликовского, с точки зрения славянцев.

«Своими» считались коренные жители, соблюдающие нормы поведения, определенные традицией для лиц определенного общественного положения, пола и возраста, простые, открытые, работающие, оптимисты. Об этом свидетельствуют прозвища: *Бодряк*. О пожилом человеке, всегда бодром и здоровом; *Светлячок*. Очеловеке, который «светится от счастья», всегда радостный; *Солда'тик*. Уваж. Прозвище стойкого как солдатик, волевого, человека с характером; *Иван Иванович*. Прозвище одного дедушки, но на самом деле его зовут не так. Но он настолько простой, по-настоящему русский, добрый, что его и называют так просто.

Неузуальные (прозвищные) формы личных имен, создателями и пользователями которых являются подростки и молодые люди XX–XXI в., отличаются не столько дружественностью, сколько агональностью: *Жебла*. от формы имени *Евгения*, *Женя*; *Шлявик*. От формы *Славик*,

с намеком на слишком мягкий характер.

Лишь 6,7 % прозвищ, совпадающих в нашем материале с формами личных имен,, отвечает требованиям дружелюбного общения: *Андрюпик* — от имени *Андрей*; *Ёся*. *Ласк.* от имени *Игорь*, *Игорёся*; *Матюня*. *Ласк.* от имени *Максим* + *маленький*, *Чиполинка* — от *Полинка*+ *Чиполлино* [Беляева 2012].

В итоге анализ текста Славянска-на-Кубани высвечивает его путь от станицы до районного центра Юга России, бережно хранящего национально-культурные и языковые традиции и в то же время вовлеченного в процесс освоения современной городской культуры. Из особенностей текста города отметим такие, как территориальная удаленность от центра и столицы, небольшой уровень развития городской среды с тенденцией приобщения к современным номинативным трендам; наличие особого уклада жизни (консерватизм, медленный ритм), присущий в отношении традиций, преобладание личностных отношений и наличие прочных коммуникативных связей, тесная связь с природой и сельской жизнью, наличие специфического духовного пространства, порождаемого ментальностью жителей.

Город есть локус общения и обмена, продукты которого сохраняются в зданиях, улицах, памятниках, собственных именах. Как никогда актуальны сегодня мысли М. Соколова: «Нынешняя перенасыщенность <...> информацией, обилием указаний, советов и призывов — где коммерческих, где политических — мало-помалу превратила окружающую среду в исполнительскую пейзажную газету, находясь внутри которой всё труднее становится сохранить самостоятельность мысли» [Соколов 1989, с. 73–74]. Хочется пожелать жителям и гостям города и впредь хранить «самостоятельность мысли» и уважение к малой родине со всеми её достоинствами и недостатками.

Приложение 1

Изображение 36. Славянск -на-Кубани на карте Краснодарского края
(фото из открытых источников - <https://ria.ru/20130214/922850574.html>)

Приложение 2. Прозвища жителей г. Славянска-на-Кубани (фрагмент «Словаря прозвищ жителей Краснодарского края «М. Ю. Беляевой»)

Введение

Изображение 37. Презентация «Словаря прозвищ ...» в СОШ № 5 Славянска-на-Кубани (фото автора)

«Словарь прозвищ жителей Краснодарского края» имеет свою предысторию: он продолжает лексикографическую практику, сложившуюся в лаборатории по исследованию ономастического пространства Кубани и нашедшую отражение в издании «Словаря прозвищ жителей г. Славянска-на-Кубани и Славянского района Краснодарского края» (2008 г.). Руководителями лаборатории являлись канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Славянского-на-Кубани государственного педагогического института М. Ю. Беляева (на изобр. 37 — первая справа) и Почетный работник народного образования, учитель русского языка и литературы высшей категории СОШ № 5 г. Славянска-на-Кубани И. В. Буряк (на изобр. 37 — на фото первая слева). В одной только СОШ № 5 для сбора материала словаря прозвищ было опрошено около 600 учащихся, выявлено наличие прозвищ у большинства школьников (66 %). Значительный вклад в фонд прозвищ словаря внесли Кутало А. А. (п. Целинный С⁷), Павлова Е. (Кл), Резник Е. (ст. Петровская С), Титова А. (ст. Анастасиевская С).

Объем словаря составил 1520 заглавных слов (без учета многозначности прозвищ).

В соответствии с региональным характером словаря материал ограничивался прозвищами славянцев разных поколений: школьников, студентов, людей старшего поколения, членов их семей, соседей. С целью выявления особенностей прозвищ территории обследования наши данные сопоставлялись с базами данных следующих словарей:

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. (сокр.: *БСРП*).

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк, 2004 (сокр.: *Отин*).

⁷ См. условные сокращения

Если значение (-я) прозвищ совпадают в нашем материале и «Большом словаре русских прозвищ», то в скобках указывается соответствующая страница в *БСРП*. В случае несовпадения значений - тексты из вышеуказанных словарей приводятся полностью.

Ссылка на материалы «Большого словаря русских прозвищ» приводится в разделе «Прозвища жителей г. Славянска-на-Кубани» для прозвищ Славянского района и оформляется как *БСРП* см. С-н/К.

«Словарь прозвищ жителей Краснодарского края» представляет собой результат более чем десятилетней работы по сбору и обработке антропонимического материала на территории Краснодарского края. В новом лексикографическом издании расширены границы территории обследования. Приведены индивидуальные и коллективные прозвища, распространенные на территории Абинского, Белоглинского, Каневского, Крымского, Приморско-Ахтарского, Темрюкского, Тимашевского и др. районов Кубани и их районных центров — городов и станиц. В книгу также вошел материал, ранее включенный в «Словарь прозвищ жителей г. Славянске-на-Кубани и Славянского района». Эти прозвища вместе с новыми ономастическими единицами вынесены в отдельный раздел словаря.

Словарь позволяет сохранить бытующие в устном варианте именования жителей, прозвища отдельных лиц в семье, на работе, по месту жительства и др. Обращение к региональной ономастике соответствует задачам учебных программ, направленных на расширение и углубление знаний учащихся об общенародном языке в его местных, региональных проявлениях.

В сборе и обработке языкового материала приняли участие школьники и студенты вуза.

Фастун', -а, муж. Студ. Прозвище молодого человека по фамилии *Фастовец*.

Фе'ррум, жен. Дети – взр. Шутл. Прозвище учительницы химии.

Филин, -а, муж. Дети – детям. Прозвище человека, который в школьные годы спал на уроках. *БСРП*, 563: Студ. Шутл.-ирон. Философ, преподаватель философии.

Фили'пп, -а, муж. Шк. Студ. Шутл. Прозвище от фамилии *Филиппов*; Повт. *Огин*, 360:

1. Личное мужское имя;
2. Лицо, выдающее себя за вора.

Филипо'к, -а, муж.

1. Студ. Прозвище молодого человека по фамилии *Филиппов*; *БСРП*, 563 (2);
2. Шк. Прозвище мальчика по фамилии *Филипенко*.

Фи'ля. См. **Филипок**;

Огин, 362: Производная разговорная форма от личных мужских имен **Филипп**, **Филимон**;

1. Простофиля;
2. Мордофиля 'бестолковый человек'; *БСРП*, 564:
 1. Шк. Прозвище мальчика по имени *Филипп*;
 2. Пренебр. *Филипп* Киркоров;
 3. Прозвище старшеклассника или мужчины по фамилии *Филатов*;
 4. Прозвище молодого человека по фамилии *Филимонов*;
 5. Кубан. Прозвище человека по фамилии *Филичкин*;
 6. Студ. Шутл. Преподаватель философии.

Фи'ма, -ы, муж. Шк. Шутл. Прозвище от фамилии *Алфимов*.

Фраг, -а, муж. Шк. Ирон. Прозвище дано от ситуации (*Фрог?*).

Францу'женка, -и, жен. Взр. – взр. Прозвище худенькой женщины, которая ходит в шляпке; *БСРП*, 566 Прозвище учительницы французского языка.

Френк, -а, муж. Шк. Ирон. При изучении английского языка в школе мальчика прозвали *фрэнд* (от англ *friend* 'друг'), т. к. он всем помогал по этому предмету; потом *френд* переделали во *френк*.

Фрог, -а. Шк. Пренебр. Прозвище ученика, у которого большие глаза и рот, как у лягушки (англ. *frog* 'лягушка'). Возможно, от названия группы «Крейзи фрэгс» ("Сумасшедшие лягушки").

Фроли'ха, -и, жен. Взр. – взр. Прозвище от фамилии *Фролова*.

Фу'нтик, -а, муж. Студ. Шутл. Прозвище молодого человека из-за сходства с поросёнком *Фунтиком* – героем м/фильма «Приключения Фунтика».

Фуфло', -а, муж. Взр. – взр. Прозвище пустого по характеру и поведению человека; *гнать фуфло* 'обманывать кого-то, лгать кому-то'.

Хамадур', -а. Шк. Прозвище от фамилии *Рудомаха* (путем обратного прочтения).

Хамелео'н, -а, муж. Шк. Шутл. Прозвище человека, который быстро меняет свое мнение; *БСРП*, 571: Презр. Сергей Вадимович Степашин.

Хамса', -ы, муж. Взр. – взр. Семейн. Прозвище дедушки, который очень любит рыбу *хамсу* и даже научился ее закатывать на лето в банки.

Хан, -а, муж. Взр. – взр. Прозвище начальника из-за жесткого поведения с подчиненными; *БСРП*, 571:

1. Ряз. Прозвище мужчины (от *хан* 'феодальный правитель у тюркских и монгольских народов');

2. Прозвище мужчины тюркского происхождения, имеющего смуглую кожу, тёмные волосы...;

3. Угол. Крупный руководитель-азиат.

Ха'чик, -а, муж. Взр. – взр. Прозвище парня, похожего на армянина (см. *Хачик* — 'сокр. от *Хачатур*, личного мужского имени у армян'); *БСРП*, 573:

1. Жарг. Пренебр. Армянин;

2. Мол. Шутл. Армянский мальчик;

3. Представитель одного из кавказских народов; *Отин*, 372: Мужское личное имя у армян;

1. Армянин;

2. Торговец, принадлежащий к одной из кавказских национальностей.

Хвастуне'ц. См. **Фастун**.

Хво'рост, -а, жен. Шк. Подростки – подросткам. Прозвище ученицы *Форостиновой* Лены.

Хвы'ля, -и, муж. Взр. – взр. Кубан. Прозвище от местного варианта сокращенного имени *Филипп* – *Филя*, *Хвилья*.

Хиля'к, -а, муж. Студ. Пренебр. Прозвище молодого человека хлипкого телосложения.

Хмы'ндря, -и, жен. Взр. – взр. Кубан. Ирон. Так называют на Кубани неприятную женщину: «Опять эта Хмындря заявила».

Холоде'ц, -ца, муж. Шк. Пренебр. Прозвище очень полного одноклассника.

Холоп, -а, муж. Взр. – взр. Арх. Прозвище человека, происходившего «из простых, из холопов» (Вороная А. Н. (1939 г. р.).

Хомя'к, -а, муж.

1. Прозвище от фамилии *Фоменко*;

2. Так называют за внешнее сходство с этим зверьком; Повт.; *БСРП*, 578 (1).

Хорёк, -а, муж.

1. Шк. Шутл. Прозвище мальчика с большими щеками;

2. Прозвище от фамилии *Хореев*; *БСРП*, 579:

1. Шутл.-ирон. Ряз. Фам. Пренебр. Прозвище мужчины;

2. Шутл. Прозвище любящего поспать мужчины;

3. Студ. Студент или студентка хореографического отделения, учащийся хореографического училища;

4. Шк. Шутл. Учительница хореографии;

5. Жарг. Кличка преступника.

Хохлу'шка, -и, жен. Взр. – взр. Ирон. Прозвище девушки украинской национальности, *хохлушки* (от *хохол*); *БСРП*, 580 (2).

Хохо'л, -ла, муж.

1. Взр. – взр. Прозвище дано за то, что парень родился на Украине; *хохол* презр. – прозвище украинцев, носивших длинные чубы (*оселедцы*) на бритых головах;

2. Студ. Шутл.-ирон. Прозвище студента-украинца; *БСРП*, 580 (3).

Хро'ник, -а, муж. Студ. Ирон. Прозвище студента, у которого день расписан по часам.

Хрюн, -а, муж.

1. Взр – взр. Прозвище Сизова — толстого, неряшливого человека;

2. Шк. Шутл. Прозвище неряшливого, нечистоплотного парня.

Ца'пля, -и. жен. Подростки – подросткам. Прозвище длинноногой девушки; *БСРП*, 583

(1).

Царь боло'тный, -ого, муж. Взр. – взр. Шутл. от фамилии *Лягуша*.

Цвирку'н, -а, муж. Взр. – взр. Прозвище мужчины, который играл на блестящей сверкающей трубе в духовом оркестре; ср. укр. *цвиркун* 'сверчок'.

Це'зарь, -я, муж. Шк. Шутл. Прозвище из-за внешнего сходства с историческим деятелем эпохи античности, римским полководцем и императором.

Ци'ркуль, -я, муж. Дети – взр. Шк. Прозвище учителя черчения, у которого не было правой руки, и он чертил круг левой рукой, как циркулем; *БСРП*, 586 (1).

Цу'цык, -а, жен. Прозвище от фамилии *Цуканова*.

Цыбу'ля, -и, муж. Студ. Ирон. Прозвище студента-украинца;

БСРП, 587: Новг. Прозвище человека (какое?); диал. *Цыбуля* 'лук'.

Цыбуля'тор, -а, муж. Взр. – взр. «Этот человек любит смешить людей рассказами на украинском языке. Однажды в своей шутке он употребил слово *цыбуля*, что в переводе с украинского означает «лук». С тех пор к нему прилипло прозвище «Цыбулятор» (луковый мальчик).»

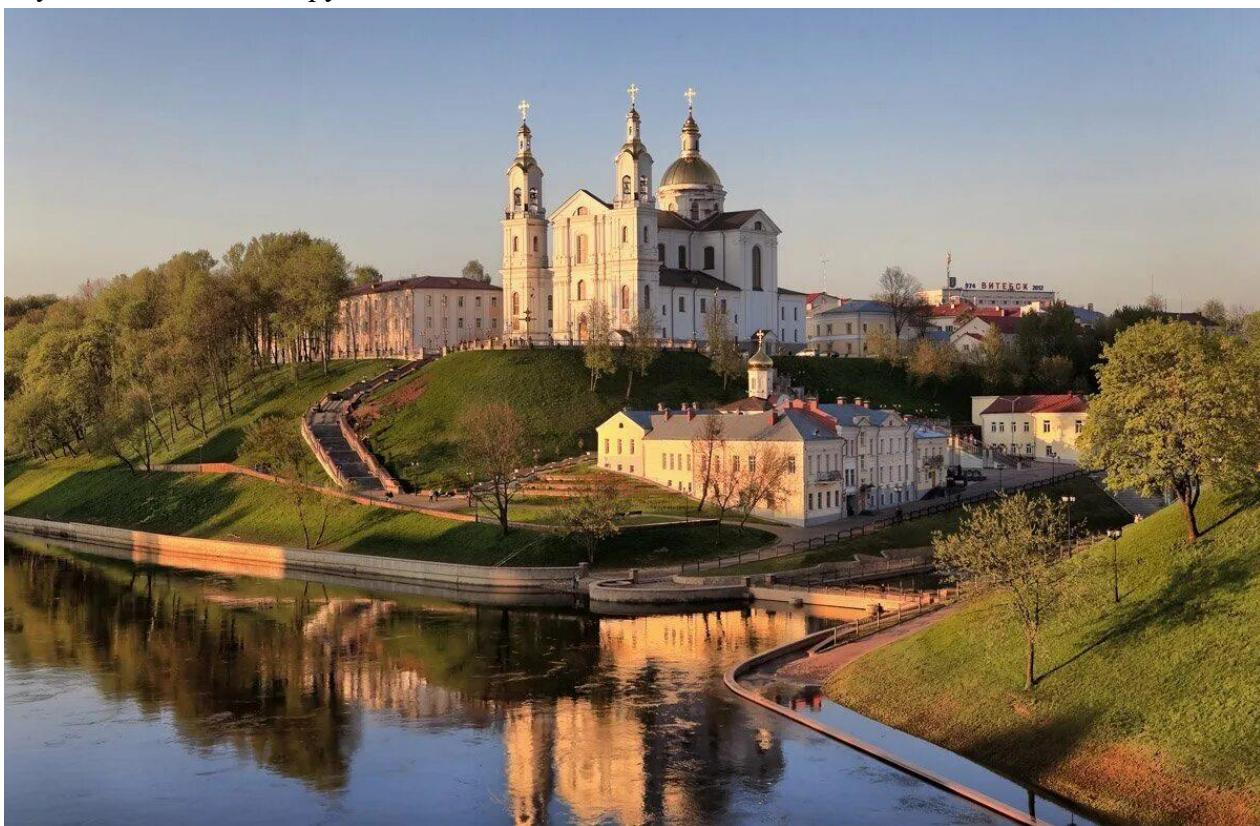
Цыга'нка, -и. жен. Взр. – взр. Прозвище за сходство с цыганкой: смуглый цвет кожи и необыкновенный «талант» все выпрашивать у других; *БСРП*, 587.

[Беляева. 2012, С. 89–155].

**Глава 5. Витебск
(И. П. Зайцева)**

5.1. Своеобразие формирования лингвокультурного пространства современной Витебщины (краткий историко-лингвистический экскурс)

Витебская область, одна из шести областей современной Республики Беларусь, образована 15 января 1938 года на основании Закона СССР от 15.01.1938 г. об изменении и дополнении Конституции (Основного Закона) СССР. Расположена эта область на северо-востоке белорусского государства, в среднем течении реки Западная Двина и в верховьях реки Днепра. На востоке Витебская область граничит со Смоленской областью Российской Федерации — протяжённость этой границы составляет 307 км, на севере — с Псковской областью, длина границы с которой — 305 км. На северо-западе Витебщина граничит с Латвией, протяжённость границы с которой значительно меньше — 173 км; на западе Витебской области находится граница с Литвой, занимающая расстояние в 679 км. На юге Витебской области расположена граница с двумя областями Беларуси — Минской и Могилёвской.

Изображение 38. Витебский Успенский собор (фото из открытых источников: <https://www.putevka.com/>)

Численность населения Витебской области, по данным переписи, составляла на 01.01.2023 г. 1 112 098 человек; из них населения городского — 865 951 человек, сельского — 246 147 человек; численность мужчин на это время составляла 510 174 человека, женщин — 601 924 человек.

Административное устройство современной Витебщины выглядит следующим образом: сегодня Витебская область включает в себя 21 район и 1057 сельских населённых пунктов, однако, безусловно, столь длительная история формирования Витебского региона была наполнена различными событиями, иногда весьма драматичного характера, представляющими несомненный интерес и для исследования культурно-языкового пространства этого региона в настоящее время.

Самое древнее поселение человека на территории современной Витебской области исследователи относят к эпохе раннего каменного века; на этой территории найдены также стоянки и поселения более поздних периодов существования человечества — бронзового и железного веков. Археологами обнаружены древние городища и курганы, в которых отчасти сохранились

предметы утвари и орудия труда нескольких культур: *днепро-двинской*, распространённой в VIII веке до н. э. — IV веке н. э. В верховьях Днепра; а также более поздней — *банцеровской*, или *тищемлинско-банцеровской*, культуры (была распространена на территории Средней и Северной Беларуси, также на части Смоленщины с IV по VII века) и некоторых других археологических культур.

Самым древним княжеством на витебской земле является Полоцкое, которое располагалось в бассейнах рек Западная Двина, Березина и частично Неман. Именно выгодное географическое положение этого княжества в первую очередь способствовало его быстрому возвышению в качестве одного из ключевых пунктов на торговом пути «из варяг в греки».

Считается, что ставший впоследствии центром Витебского края город **Витебск** был основан в 974 г. княгиней Ольгой — эта точка зрения опирается на сведения, содержащиеся в «Летописи города Витебска», написанной с рукописи Михаила Панцирного Степаном (Стефаном) Аверкой: «В лето 974 Ольга, победив ятвягов и печенегов, переправилась через реку Двину и с войском заночевала. Понравилась ей гора, и она основала деревянный замок, назвав его, от реки Витьбы, Витебском; построила в Верхнем замке каменную церковь святого Михаила, а в нижнем — Благовещения и, пробыв два года, отправилась в Киев» [Витебская старина 1883, с. 94].

Именно эта легенда считается официальной точкой зрения по поводу даты основания Витебска, хотя многие исследователи сомневаются в её достоверности, ссылаясь, в частности, на то, что точно известно о кончине самой княгини Ольги в 969 году. Помимо этого, в ходе проведения археологических раскопок было доказано, что упомянутые в приведённом выше тексте каменные постройки относятся к более позднему временному периоду. Наиболее вероятное объяснение этому — допущенные при переписывании летописи ошибки, что было весьма распространено в XVII веке — времени, к которому относят появление списка летописи Степаном Аверкой. Именно ошибочными датами в этом списке можно примечания о Витебске, которые обнаружены в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга: «Город Витебск герб имеет: воина с обнаженою шпагою и щитом на коне с убором золотым в красном поле. Оной город начало свое имеет от российской княгини Ольги, которая в **914 году** проезжала в Киев через оное место и ночевала на горе, где и велела на той горе строить город, и по реке Витьбе назвав Витебск» (выделено мною. — И. З.) [Витебская старина 1883, с. 98]. Первые упоминания о городе в летописях относятся к 1021 году, в котором состоялось знаменательное для Витебска событие: великий князь Киевской Руси Ярослав Мудрый передал город в управление полоцкому князю Брячиславу Изяславовичу.

Надо отметить, что за более чем тысячелетнюю историю герб города Витебска несколько раз менялся, причём довольно существенно. В приведённой выше цитате из летописи Степана Аверки описан герб, который был утверждён привилеем (законодательный акт) на магдебургское право короля Сигизмунда III в 1597 году. Когда же в 1772 году, в результате первого раздела Речи Посполитой, Витебск вошёл в состав Российской империи, город Витебск, как и другие города Полоцкого наместничества, несколько позже, в сентябре 1781 года, получил новый том герб. На нём в верхней части геральдического щита помещалось изображение чёрного двуглавого орла (государственного герба Российской империи) на золотом поле, а в нижней части был изображён всадник с саблей и красным щитом, на котором имелся «двойной крест».

9 февраля 2004 года в Республике Беларусь Указом Президента Республики Беларусь был учреждён официальный геральдический символ города Витебска со следующим описанием: «Герб города Витебска представляет собой изображение на голубом поле испанского щита образа Христа Спасителя в профиль, под ним размещается обнажённый червлёный меч. В качестве щитодержателей — фигурки ангелов». В 2009 году этот же герб был переутверждён с более подробным описанием: «В голубом поле испанского щита образ Иисуса Христа, изображенный в профиль, сопровождается справа литерами «ИС» и «С» в две строки и слева — такими же литерами «ХС» и «С» также в две строки. Под ним размещён обнажённый меч красного цвета острием влево. В качестве щитоносца — херувим, слева и справа от герба на фигурном картуше красного цвета — фигуры ангелов, держащие ленту голубого цвета, внизу герба —

лавровый венок» [Герб города Витебска]. Таким образом, в своём виде герб современного Витебска очевидно опирается на исторические изображения:

Изображение 39. Герб города Витебска. Фото из открытых источников: <https://geraldika.by/gerb-goroda-vitebsk>.

В XII веке во многом общие интересы — политические, экономические и иного характера — способствовали сближению Полоцкого княжества с Витебским, которое до этого, в 1101 г., выделилось из его состава. Город Витебск, расположенный на Западной Двине и в урочищах рек Лучосы (современное название — Лучёса) и Витьбы стал центром этого нового княжества.

Впоследствии, в течение нескольких веков, формирование Витебского региона сопровождалось многочисленными изменениями в geopolитическом пространстве, на котором он расположен. Так, в 1772 году после первого раздела Польши значительная часть Полоцкого и Витебского края были присоединены к Псковской губернии, а часть земель ывших Мстиславского, Витебского и Минского воеводств Великого княжества литовского была преобразована в две губернии: Витебскую и Могилевскую; в Могилевскую губернию вошла, в частности, Оршанская провинция, территория которой в настоящее время входит в состав Витебской области. Витебская же губерния, наряду с Витебским, Городокским, Двинским, Полоцким, Дриссенским, Лепельским уездами, включала также Велижский, Невельский, Режицкий, Себежский уезды — эти территории сегодня относятся к Российской Федерации.

В настоящее время город Витебск, имеющий более чем тысячелетнюю историю, — один из крупнейших не только индустриальных, но и культурных центров Республики Беларусь.

Название города *Витебск* (в соответствии с существующими в языкоизнании классификациями онимов это *астионим* — компонент подгруппы имён собственных, входящий в группу *оиконимов* — названий любых населённых пунктов, которая, в свою очередь, входит в более обширную группу — *топонимов*, любых географических обозначений), как можно убедиться, с лингвистической точки зрения, вполне «прозрачным»: оно происходит от названия одной из рек, на которой стоит город — *Витьба*, относящегося в ономастической системе к группе *гидронимов*. И вот по поводу происхождения этого гидронима в настоящее время существует несколько точек зрения, причём все они высказаны авторитетными исследователями и отличаются серьёзной аргументативностью. Так, в «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова содержится следующая информация: «*Витебск* — г. в БССР. В летописях конца X в. первоначально *Видбеск*, *Витъбеск*. Назван по р. *Витьба*, при впадении которой в Зап. Двину находится, со старослав. Суффиксом *-еськъ*. **Происхождение гидронима спорно** (слав. *Виться*, общеиндоевроп. *id* «вода» и др. гипотезы); решение зависит от исследования форманта *-ба*» (выделено мною. — И. З.) [Никонов 1966, с. 85]. В. Н. Топоров полагает, что название реки, давшей имя городу *Витебск* происходит от балтийского *vid-up* «средняя река» [Топоров 1989, с. 64—

65]. Белорусский исследователь топонимики В. А. Жучкевич соотносит происхождении гидронима *Витьба* термином *вить* со значением 'влажное место, топь': «**Витьба** (Вицьба) — река, приток Западной Двины. В основе названия термин *вить* — влажное место, топь — в сочетании с формантом *-ба*, придающим в топонимии приуроченность к месту» [Жучкевич 1974, с. 53]. Ещё один исследователь из Беларуси, А. Ф. Рогалёв, в работе «Географические названия в калейдоскопе времён» высказывает мнение о том, что название от древнего корня *вит-*, со значением 'вода, влага' [Рогалёв 2011, с. 196].

Гипотезу о происхождении названия *Витьба* от этого корня (*вит-* со значением 'вода'), определяя его как относящегося к финно-угорской группе языков, высказывают археологи В. И. Шадыро и Р. И. Овчинникова [Шадыро, Овчинникова 1992, с. 60–62]. Подобную гипотезу высказывает и С. А. Файнбарк в работе «Происхождение названий рек и озер бассейнов Верхневолжья и Верхней Мсты», по мнению которого, название *Витьба* происходит от уральских *wetti*, обозначающего 'путь, дорогу, след' (либо *вит*, обозначающего 'вода') и *ба*, имеющего значение 'река, вода' [Файнбарк 2015, с. 66]. В завершение стоит отметить, что в работе Ю. Ю. Трусмана «Этимология местных названий Витебской губернии», изданной ещё в 1897 г., содержится утверждение о происхождении рассматриваемого названия от финского *viettävä*, обозначающего 'покатый, отлогий, крутой' [Трусман 1897, с. 53].

Разнообразие гипотез о происхождении названия *Витьба*, послужившего основой для астионима *Витебск*⁸, отражает поликультурность и, соответственно, многоязычие, которым всегда отличалась территория, занимаемая в современный период Витебской областью. Таким образом, в сформировавшемся к настоящему времени на территории Витебского края лингвокультурном пространстве отражено взаимодействие целого ряда культур и, соответственно, основных представителей этих культур — языков. Ведущее место в этом «сплаве» занимают языки *славянские* (более точно — языки восточнославянской подгруппы), что подтверждается, в том числе, и установленными научно обоснованными фактами о происхождении древнейших имён собственных-топонимов от общеславянских корней и / или от корней, которые существовали в языках, входящих в индоевропейскую семью, на ранних этапах их развития.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь, в настоящее время в стране **статус государственных** имеют **2 языка**: «Статья 17. Государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки» [Конституция Республики Беларусь].

Эти языки развиваются в государстве во взаимодействии, преимущественно гармоническом, что подтверждают исследования представителей различных научных сфер. Например, В. Ф. Гигин, известный белорусский историк, политолог и публицист, в одной из своих статей — на наш взгляд, абсолютно справедливо — отмечает следующее: «... до сих пор приходится слышать мнение о русском языке как о каком-то иностранном, едва ли не колониальном наследии имперских времен. Однако нашими предками (и приведённые выше сведения это подтверждают) русский язык никогда не воспринимался как чужеродный. Русский — это общий язык всех восточных славян. Белорусы, впрочем, как и украинцы, на протяжении столетий вносили свой вклад в развитие и обогащение русской письменной и устной речи. Более того, без этого вклада современные русский язык и литературу невозможно даже представить» [Гигин 2010, с. 70].

Приведённое высказывание может служить эпиграфом к наблюдениям, которые будут представлены далее по ряду аспектов, как представляется, довольно отчётливо

⁸ Примечательно, что в речи русско- и белорусскоговорящих витеблян и жителей всей Витебщины, а иногда и представителей и других регионов Беларуси названия города **Витебск** на русском и белорусском языках нередко не разграничиваются: в речи говорящего по-русски часто можно встретить произношение [В'ѝц'епск], соответствующее орфоэпическим (а также орфографическим) нормам белорусского языка; в речи говорящих по-белорусски — соответствующее орфоэпическим нормам русского языка произношение [В'ѝт'епск]. Это, с нашей точки зрения, является ещё одним свидетельством того, что русский и белорусский языки на территории Витебщины, будучи воспринимаемы населением этого края как отнюдь не «оппонирующие» друг другу средства общения, а, напротив, как дополняющие каждый другого, взаимодействуют вполне гармонично, обладая в том числе и потенциалом для обогащения друг друга, который время от времени находит реализацию в обоих языках (об этих процессах говорится, в частности, в уже упоминаемой статье В. Ф. Гигина «Белорусский русский язык» [Гигин 2010]).

демонстрирующих особенности функционирования русского языка на современной Витебщине и значимость для этого белорусского края русской лингвокультуры в принципе.

5.2. Витебск и Александр Невский

Одним из значимых для Витебска культурных событий, явно обращённых в историческое прошлое, стало открытие 24 июня 2016 года памятника **Александру Невскому** и его семье. Памятник установлен на площади 1000-летия Витебска, недалеко от **Благовещенской церкви**⁹, его открытие было приурочено к празднованию 1042-летию основания города.

Личность князя Александра Ярославовича (Александра Невского, 1221–1263) сопровождает Витебскую землю на протяжении почти тысячи лет, причём это не просто присутствие известного государственного деятеля при каких-либо значимых, а нередко и судьбоносных для Витебщины, событиях, а *действенное* участие в них, нередко приводящее к переломам в их течении, причём и к переломам, позволявшим сохранить территорию края. «Многие страницы общей истории объединяют русскую и белорусскую земли. К их числу относятся и **события, связанные с личностью Александра Невского**. Князь Александр Невский входит в число знаменитых исторических личностей, посетивших Витебск. Витебская земля в XI веке была включена в состав Полоцкого княжества, которое одним из первых на землях восточных славян подверглось нападению крестоносцев. ... Князь Александр неоднократно бывал на территории Полоцкого княжества, помогал Полоцку организовывать оборону против литовских нападений. Александр трижды бывал в Витебске, ему приходилось во главе витебской дружины отражать набеги литовцев. Так, в 1245 г., когда гостили в Витебске вместе с сыном Василием, выступил отсюда в поход, **одержал очередную победу над литовцами, угрожавшими в то время Полоцкому княжеству под Усвятами**» (выделено мною. — И. З.) [Иванова 2016, с. 107–108].

Описанное событие — это отнюдь не единственное сражение за Витебскую землю с непосредственным участием в нём Александра Невского: таких сражений, знаменитых исторических сражений, в которых принимали участие витебские и полоцкие дружины, было немало — например, достоверно известно, что полоцкая дружина участвовала в походах князя Олега на Византию. Полоцкие и витебские воины под непосредственным руководством новгородского князя Александра Ярославовича в 1240 году сражались на Неве со шведами, а затем, в 1242 году, — в знаменитом Ледовом побоище на Чудском озере.

Деятельность Александра Невского в качестве государственного мужа — дипломата и полководца, а также его поведение как истинного христианина: стремившегося в своём служении неуклонно следовать «правде Божией» и всегда смирявшего себя во имя народного блага — прочно закрепили его образ в народном сознании витеблян как личности, все деяния которой были направлены на благо этого белорусского края, а иногда и на непосредственное спасение от завоеваний чужеземцами. Именно это способствовало тому, что, начиная с середины XVI века, благоверный великий князь Александр Невский почитается церковью в лице святых угодников Божиих и включён Русской православной церковью в Сонм святых земли Русской.

⁹ **Благовещенская церковь** — церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в Витебске — уникальный памятник древнерусской архитектуры, один из «самых кристальных и канонических храмов» древней Руси. Предание, зафиксированное в городской летописи XVIII века, говорит о возведении храма Благовещения в Витебске в 974-м году, построенном княгиней Ольгой одновременно с основанием города. На протяжении почти девяти веков своей истории храм неоднократно перестраивался. До XII века на месте нынешнего каменного храма стоял деревянный. Около 1622-го года церковь стала униатской, и к её главному фасаду пристроили две башни. В 1832-м году храм вновь передали православным, после чего башни снесли и над алтарем возвели купол-луковицу на высоком световом барабане. Частично разрушенная в годы Великой Отечественной войны, церковь простояла в поврежденном виде до 1961-го года, когда по приказу городских властей была вообще взорвана. В 1977-м году упавшие фундаменты и фрагменты кладки храма законсервировали, а в начале 1990-х годов началась реставрация самого древнего храма Витебска. К возрождению храма приступили в 1991-м году: по благословению владыки Димитрия тогда же начали разрабатывать проект церкви в облике XII века. К 1998-му году Благовещенская церковь была восстановлена в первоначальном, своем самом древнем виде. Церковь эта была особо почитаемым и уважаемым храмом для витеблян. Жители Витебска, покидая город или возвращаясь домой, членом били «светлому Благовещению».

Учитывая всё сказанное, увековечивание памятником образа Александра Невского, почитаемого как святой благоверный князь, а затем причисленного к лику общерусских святых, видится абсолютно закономерным и дополняющим в городе Витебске те уже существующие знаковые объекты, которые связаны с этой выдающейся личностью. К таким объектам, в частности, принадлежат построенные на территории Витебской области в честь благоверного князя Александра Невского и действующие в настоящее время три храма. Это расположенный непосредственно в Витебске на площади Тысячелетия Храм Святого Благоверного Александра Невского, а также храмы, названные в честь этого Святого, в деревне Крапивино Оршанского района и в деревне Мартиново Бешенковичского района Витебской области.

О глубоком почитании святого Александра Невского Белорусской Православной Церкви свидетельствует, к примеру, тот факт, что в XIX веке только в одной Минской епархии насчитывалось 20 храмов, освящённых в его честь. В настоящее время в Белорусской Православной Церкви действуют около 40 храмов, освящённых в честь святого благоверного князя Александра Невского, три из которых (в Кобрине, Мстиславле и Марьиной Горке) являются кафедральными соборами.

Судьба установления памятника **семье** Александра Невского, который сейчас украшает площадь Тысячелетия в Витебске, была довольно непростой. При этом весьма показательно, что возникшие разногласия не касались *состава* скульптурной композиции, в которой **князь представлен вместе с семьёй**: о тесных родственных узах святого Александра Невского с древней Полоцкой землей, входящей сегодня в территорию Витебщины, известно достоверно. Супругой великого князя стала дочь одного из тогдашних Полоцких властителей, князя Полоцкого и Витебского Брячислава Васильковича, — княжна Александра Брячиславна, которая была родом из Витебска: историки убеждены, что полоцкий князь Брячислав Василькович жил со своей семьёй именно в Витебске. Пребывая постоянно в Витебске, семья князя Полоцкого и Витебского и все свои духовные отправления — посещения храмов, ежедневные молитвы и под., чрезвычайно значимые в то время для всех слоёв населения, и тем более для представителей верховной власти, совершила в этом городе. В связи со сказанным важно отметить и тот факт, что своим брачным союзом с дочерью князя Брячислава Александр Невский породнился с домом Полоцких князей, к которому принадлежала выдающаяся подвижница XII века — преподобная Евфросиния, игумения Полоцкая.

По замыслу местных властей, монумент должен был появиться на выделенном для него месте гораздо раньше той даты, когда он, наконец, был установлен. Постамент для него соорудили ещё за пять лет до появления, тогда же обустроили территорию; однако в итоге проект заморозили из-за споров: пока его сторонники собирали деньги, другие отстаивали мнение, что Невский не имеет отношения к Витебску. Подключили даже учёных Академии наук, которые отмели все сомнения по поводу значимости личности Александра Невского для Витебской земли.

В конце концов все, от кого зависела судьба памятника, пришли к согласию по поводу составляющей его скульптурной композиции, в результате чего этот монумент имеет сегодня такой вид: Александр Невский держит на руках сына Василия, рядом его супруга, Александра Брячиславна. Одно из объяснений этой скульптурной композиции сводится к тому, что она отражает приезд Александра Ярославовича Витебск за супругой и сыном, который состоялся после одного из долгих походов. (Вполне достоверно известно, что периодически времени князь Александр отправлял супругу с детьми из опасного Новгорода в более спокойный в те времена Витебск.) в 1245-м году старший сын Александра Невского Василий вместе с матерью находился в Витебске, и князь лично приехал в город, чтобы забрать их домой. Большинство причастных к созданию и установлению памятника полагают, что четырёхметровая бронзовая скульптурная композиция, находящаяся на площади Тысячелетия в Витебске, изображает именно ту самую встречу Александра Невского с семьёй. И, конечно же, нельзя не обратить внимание на безусловный символизм выбранного для установки памятника места: княжеская чета увековечена в Витебске на площади Тысячелетия, рядом с Благовещенской церковью и деревянным храмом, названным в честь благоверного Александра Невского.

Символизм расположения памятника очень точно охарактеризовала одна из белорусских журналисток, Христина Скуратович, в своей публикации «В Благовещенской церкви в Витебске Александр Невский обручился с княжной Александрой Брячиславной»: «Центр Витебска — услада глаз не только для людей верующих, но и для ценителей архитектуры. Куда ни глянь — вокруг возвышаются храмы, золотые купола которых отражаются в реке Витьба, что течёт у подножия Пушкинского моста. **Тут совершенно особая атмосфера**: вы можете её почувствовать даже сейчас, только представив сотни замочеков, оставленных на перилах влюблёнными парами. Большинство из них таким жестом отдают дань традиции и вспоминают события XIII века» (выделено мною. — И. З.) [Скуратович 2021].

Ещё более глубоко и объёмно — с точки зрения погружения в исторически-православный контекст — характеризует атмосферу этого места настоятель Благовещенской церкви Владимир Резанович: «— Все факты указывают на то, что в этой церкви Александр Невский обручился с княжной Александрой Брячиславной, — рассказывает настоятель. — Но не нужно обручение путать с венчанием — это таинство произошло не в Витебске, а в российском Торопце. **По сути, помолвка стала первым союзным договором между Россией в лице Великого Новгорода и Беларусью в лице Полоцкого княжества**» (выделено мною. — И. З.) [Скуратович 2021].

Обручение новгородского князя с витебской княжной, состоявшееся в 1239 году, по общему мнению исследователей, стало событием, вышедшем далеко за рамки лично-родственных лишь для двух, хотя и очень знатных, семей: оно совершенно справедливо оценивается как важный **политический** акт — *первый союзный договор* между сегодняшними братскими странами, перспективно — как оказалось, на века! — ориентирующий оба государства на плодотворное, взаимообогащающее взаимодействие и в культурно-языковом плане. Именно поэтому сегодняшние историки называют 1239-й год датой *первого союзного договора* между современными Россией и Беларусью.

В этом же, 1239-м, году в соборном храме святого великомученика Георгия в городе Торопце было совершено венчание князя Александра Невского и княжны Александры Брячиславны. На это действие княжна взяла с собой список Эфесской иконы Божией Матери, в 1162-м году доставленную преподобной Евфросинии Полоцкой из Константинополя в качестве дара от патриарха Луки и императора Мануила. Этот образ стал семейной святыней князя Александра и княгини Александры на всю их жизнь.

Изображение 40. Памятник Великому князю Александру Невскому, его жене Александре и сыну Василию в Витебске (фото из открытых источников: <https://www.liveinternet.ru/>)

О памятнике Александру Невскому как о символе единения народов Беларуси и России высказался в беседе с журналисткой Ангелиной Галаниной один из его авторов — член Белорусского союза художников Иван Казак (его соавторами в создании памятника были Александр Гвоздиков и Евгений Колчев). Суть памятника, в создании которого он принял непосредственное участие, скульптор определил, на наш взгляд, очень точно и объёмно: «— в России много памятников семье, а в Беларуси — первый. Можно и по-другому трактовать замысел, шире — это не просто семейный союз мужчины и женщины, это братский союз двух стран. Россия и Беларусь — одно целое!» (выделено мною. — И. З.) [Галанина 2025].

5.3. Антропонимикон современной Витебщины: социолингвокультурное осмысление

Одним из показателей, демонстрирующих лингвокультурное своеобразие какого бы то ни было региона, является покрывающее его *ономастическое пространство*, о части которого — существующих на территории Витебщины топонимах — речь уже шла в первом разделе.

Изучение ономастической лексики приграничья, то есть территории, на которых происходит *совмещение* языков и культур, имеющих особое географическое положение, исторические судьбы и языковые характеристики, по мнению практически всех исследователей, представляет особый интерес, ибо ономастика, по словам А. В. Суперанской, одного из ведущих российских ономастов — это своеобразный синтез как минимум трёх наук: географии, истории и лингвистики [Суперанская 1984].

И. А. Королёва, известный исследователь ономастики из Смоленска, характеризуя витебско-смоленское пограничье, определяет его как «уникальную зону с особым культурно-языковым ландшафтом, ... включающую в свой состав три российских (смоленских) района — Руднянский, Велижский и Краснинский и три белорусских (витебских) — Витебский, Лиозненский (Лесьненский) и Дубровенский» [Королёва 2017, с. 63].

Представители Витебской ономастической школы, А. М. Мезенко и Т. В. Скребнёва, со-лидарируясь с приведённым ранее мнением А. В. Суперанской, в подготовленной ими монографии «Антропонимное пространство Витебщины» акцентируют внимание на необходимости исследования ономастической лексике в широком экстравелингвистическом контексте — в особенности в тех случаях, когда объектом изучения является поликультурный регион со взаимодействующими в нём разными языками, к которым относится Витебщина: «Витебский ономастикон возник и строился на семантической и образно-идеологической, типичной для культуры разных эпох, поэтому для его анализа необходимы не только сравнительно-славистические и историко-этимологические знания, но и широкое знакомство с бытом, идеологическими взглядами, общественными течениями и т. д. Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, БССР, Республики Беларусь» [Мезенко, Скребнёва 2013, с. 5].

Безусловный интерес при характеристике лингвокультурного своеобразия региона представляют разноспектрные исследования *антропонимической* части его ономастического пространства — совокупности *антропонимов* разных типов в определённом городском койне, центральное место среди которых занимают *личные имена* — в связи с их обязательностью и принадлежностью всем людям.

В упомянутой монографии А. М. Мезенко и Т. В. Скребнёвой, объединяющей *диахронический* и *синхронический* аспекты исследования антропонимической лексики, отражены в том числе и современные вкусы витеблян, проявляемые ими при выборе имён новорождённым. Авторы справедливо отмечают, что процесс имянаречения как таковой «детерминирован целым рядом взаимодействующих социальных и психологических факторов в их лингвистическом преломлении (конфессиональным, культурно-историческим, государственно-правовым, ассоциативно-семантическим, фоносимволическим, факторами моды и традиции и др.)» [Мезенко, Скребнёва 2013, с. 7].

Изучая особенности антропонимикона витеблян в I десятилетии нынешнего столетия, авторы исследования выявляют ряд весьма показательных, на наш взгляд, тенденций с точки зрения характера взаимодействия русского и белорусского языков на территории Витебщины. Анализ списков новорождённых одного из районов Витебска, Первомайского, показал, что при имянаречении **1082** новорождённых (**564** мальчика и **518** девочек) было использовано **81**

мужское и **86** женских личных имён. Наиболее востребованными родителями (занимающими первые 3 позиции) при этом оказались такие из мужских имён, как **Никита, Артём, Владислав, Кирилл и Матвей**; из женских — **Полина, Дарья и Анастасия**.

Приведённые перечни личных имён — как мужских, так и женских — с учётом их происхождения видятся весьма показательными. Один из наиболее авторитетных современных ономастических словарей — «Словарь современных личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание» А. В. Суперанской [Суперанская 2005] — содержит такие сведения о перечисленных мужских антропонимах: «**Артёмий*** рус. [из греч. Artemios посвящённый Артемиде, богине охоты и луны]; церк. Артёма*, разг. Артём; сокр. Тёма»; «**Владислав*** рус. [из слав. основ владеть + слава; ср. Владимир, Вольдемар]; сокр. Владя, Владик»; «**Кирилл*** рус. [из греч. Kyrillos: kυριος повелитель, владыка, хозяин; лат. Cyrilus] ... рус. Варианты Кирила, Кирило; сокр. Кира, ласк. Кирюша»; «**Матвей** рус. [из др.-евр. mattityāhu дар Яхве (бога)]; церк. Матфей*, Матфий*»; «**Никита*** рус. [из греч. Nikētas победитель]; сокр. Ника, Никиша» [Суперанская 2005, сс. 41, 67, 132, 156, 164].¹⁰

Как можно убедиться, все личные мужские имена, занимающие в настоящее время приоритетные позиции при имянаречении новорождённых мальчиков в г. Витебске квалифицированы как *русские*; **одно** из них (*Матвей*) по происхождению восходит к древнееврейскому обозначению; остальные **четыре** (*Артемий, Владислав, Кирилл и Никита*) — к греческим; при этом все имена с давнего времени стали восприниматься как типично русские. Это подтверждается и включённостью их в *русские* церковные календари, иногда называемые *святыми*, которые до недавнего — с исторической точки зрения — времени, вплоть до начала XX столетия, играли чрезвычайно существенную роль при выборе имени новорождённому: эта традиция возникла на Руси после принятия ею христианства и долгое время выдерживалась довольно строго, в особенности в сельской местности. Родители обычно подходили к выбору имени ребёнку очень ответственно, хотя церковный устав не содержит строгого предписания по этому поводу — практика такого рода является делом сугубо личного благочестия родителей. Выбирали имя появившемуся на свет малышу в соответствии с тем, память какого святого почиталась по церковному календарю в день его рождения или в течение 8-ми дней после него. При крещении младенца нарекали этим именем и выбранный святой становился его духовным покровителем.

Перечень женских имён, которые оказались приоритетными для родителей-витеблян, выбирающих имя новорождённому ребёнку в современный период, является, с нашей точки зрения, не менее показательным. В соответствии с упомянутым антропонимическим словарём А. В. Суперанской, личные имена, занимающие в рассматриваемом перечне первые три позиции, трактуются следующим образом: «**Анастасия*** рус. [из греч. Anastasia ж. к Анастасий]; ... рус. Сокр. Настя, Тася, Стася, Ася»; «**Дарья** рус. ж. к Дарий; церв. Дария*, сокр. Даша, Дася»; «**Полина** рус. [из франц. Pauline ж. к Поль; соответствует рус. Павла, Павлина; в русской практике часто употребляется как неофициальное при паспортном Пелагея, Прасковья, хотя не имеет с ними ничего общего, кроме начального *P* и общей сокращённой формы Поля]» [Суперанская 2005, сс. 255, 276, 331].

Так же, как и рассмотренные ранее мужские антропонимы, женские личные имена, которым родители Витебска отдали очевидное предпочтение при имянаречении своих новорождённых дочерей, квалифицированы словарём А. В. Суперанской как *русские* имена, два из которых восходят к различным по происхождению обозначениям (французскому и греческому). Все из перечисленных антропонимов включены в церковный календарь, что свидетельствует об их давнем и весьма прочном вхождении в русскую культуру. Это позволяет прийти к выводу, что при выборе имени новорождённому именно содержащийся в антропониме культурный компонент (очевидная закреплённость его за определённым участком культурного пространства) имеет в подобных случаях наиболее существенное значение. С учётом того, что в значении личного имени в большей или меньшей степени практически всегда присутствуют и компоненты,

¹⁰ «Значком *помечены формы имён, включающиеся в русские церковные календари. За основу взято издание: Бухарев И. Жития всех святых, празднуемых греко-российской церковью, изд. 6. М., 1916» [Суперанская 2005, с. 18].

отсылающие к иным, помимо культурной, сферам — этнической, конфессиональной и т. п. — сделанный вывод представляется весьма значимым.

Отметим, что, например, по наблюдениям авторов указанной выше монографии, в современный период существования Витебска практически не ощутимо влияние на процесс имнаречения новорождённых *национальности* родителей: представители разных национальностей, проживающих в Беларуси, называют своих детей именами, которые получили широкое распространение среди всего населения Беларуси. Так, зафиксировано, что в первом десятилетии XXI-го столетия имя *Александр* присвоили своим сыновьям белорусы и русские, евреи и цыгане, украинцы и поляки, литовцы, болгары, молдаване, греки, чуваши, осетины; *Татьяной* назвали новорождённых девочек не только представители восточнославянских народов, но и латыши, литовцы, поляки, татары, чуваши, молдаване, вепсы [Мезенко, Скребнёва 2013, с. 37].

Для Витебщины как региона, явно неоднородного в конфессиональном отношении — как уже говорилось ранее, в процессе исторического формирования края в нём всегда сосуществовали несколько религий, соотношение которых в разные исторические периоды могло быть различным — религиозная составляющая имеет для жизни большинства населения немаловажное значение. В настоящее время в конфессиональной картине Витебщины наблюдается преобладание православного христианства со значительным присутствием католичества, а также наличием протестантских общин и других конфессий. Регион находится под управлением Витебской и Полоцкой православных епархий, а также Витебской римско-католической епархии и ряда действующих протестантских объединений; помимо этого, в Витебской области присутствуют такие конфессии, как иудаизм, ислам и другие. В городе Витебске на сегодняшний день зарегистрировано 86 религиозных общин, представляющих 17 различных конфессий.

Как свидетельствуют многочисленные исследования ономастов — прежде всего представителей белорусских ономастических школ (это убедительно подтверждается и приведёнными в данном разделе примерами), — в антропонимиконе Витебщины в течение нескольких последних веков явно преобладают традиционные канонические личные имена, в подавляющем своём большинстве общие для белорусской и русской культур преимущественно православного репертуара.

Представленные в данном разделе сведения, несмотря на достаточно фрагментарный характер подтверждают действие тенденции, на которую не раз уже обращали внимание исследователи как антропонимической картины Витебского края, так и антропонимикона Республики Беларусь в принципе. Эта тенденция состоит в очевидной ориентации родителей при имнаречении новорождённых на *общевосточнославянские* и / или иные по происхождению, но уже несколько веков назад органично впитанные восточнославянской культурой имена. Данная тенденция является одним из акцентов на неразрывности двух родственных лингвокультур: белорусской и русской, на их постоянной связи, проявляющейся и сегодня во взаимодействии, по преимуществу — гармоничном и взаимообогащающем.

5.4. Ценностно-образное и символическое осмысление Витебска в словесно-художественных произведениях на русском языке

Любой город воспринимается и его жителями, и теми, кто приезжает в него время от времени, и теми, кто побывал в нём всего однажды, не только как населённый пункт и / или административное образование, но и во многих других ипостасях: как феномен социально-культурный, в большинстве случаев обладающий символикой, оттеняющей и подчёркивающей его своеобразие; нередко — как пространство с явными мистическими смыслами и т. п. «... образ города относится к символике ландшафта вообще, конкретизируя в нём важные символы уровня и пространства, т. е. высоты и расположения. В ходе истории здесь выросла, по словам Рене Генона, целая «сакральная география», так что размещение, форма, входы и врата, а также общее расположение города с его храмами и цитаделями **никогда не было случайным или произвольным**, просто утилитарным. В действительности города закладывались в строгом соответствии с требованиями некоторого учения; таким образом, город сам становился символом этого учения и общества, его последователей» (выделено мною. — И. З) [Керлот 1994, с. 149–150].

На магическую ауру, которая формируется вокруг города, на «многоликость» его проявлений и различные, характерные только для этого феномена, особенности множество раз обращали внимание представители как самых разных научных сфер, так и считающихся сегодня околонаучными (как, например, *астрология*), причём нередко в трактовке города обе ипостаси объединялись. Ср., в частности, фрагмент характеристики города в одной из энциклопедий символов: «ГОРОД (МЕГАПОЛИС). Квинтэссенция освоенного, человеческого, пространства, одновременно обладающая противоположным, хаотическим, значением (место, где можно пропасть, раствориться без следа, обезличиться, «большой муравейник», «чудовище, пожирающее людей заживо»).

Город, в отличие от других человеческих поселений, фиксирует окрестное пространство на «государственном уровне», «привязывает» его к тому или иному народу, становится центром мироздания, от которого начинается экспансия. В социологии город определяется как система жизнедеятельности («семиологическая система», если воспользоваться выражением Ф. де Соссюра)» (выделено мною. — И. З.) [Королёв 2005, с. 110].

В свете современных представлений любые коммуникативно-речевые образования, которые обозначают терминами *текст* и / или *дискурс* (в данном случае мы не останавливаемся на анализе многообразия подходов к трактовке понятия *дискурс* с лингвистических позиций) представляют собой объединение единиц языка, обращённое своими разными гранями практически ко всем областям бытия людей, в которых тем или иным образом проявляет себя человеческое сознание, включая и те, где приоритет принадлежит творческому осмыслению действительности. Ср. В связи со сказанным одно из определений: «**ТЕКСТ** — одно из ключевых понятий гуманитарной культуры XX в., применяющееся в семиотике, структурной лингвистике, филологии, философии текста, структурной и генеративной поэтике. Текст — это последовательность осмысленных высказываний, передающих информацию, объединённых общей темой ..., обладающая свойствами связности и цельности» [Руднев 1997, с. 305]. Картины, фотографии, музыкальные произведения, спектакли, архитектурные сооружения — все эти объекты, с точки зрения семиотики, тексты, в которых запечатлены какие-то характеристики феномена города, которые, конечно же, необходимо ещё декодировать, попытавшись при этом максимально приблизиться к позиции их авторов.

Чрезвычайный интерес для исследования в различных аспектах — *ценностно-образном, этнолингвистическом, лингвокультурологическом, историко-культурном* и иных — представляют собой словесно-художественные и публицистические произведения, в которых зафиксированы впечатления о городе представителей творческих сфер, различных видов искусства.

Небольшое отступление. Доцент Смоленского государственного университета, кандидат филологических наук В. С. Ковалёва в одной из своих публикаций в сборнике «Русский язык в научно-образовательном пространстве российско-белорусского приграничья», выпущенном в 2017 году, задаётся вопросами: *Что ценят сегодня в облике Витебска и Смоленска их жители, доверившие свои бесхитростные чувства бумаге? Какие коллективные поэтические портреты своих городов создали непрофессиональные литераторы?* [Ковалёва 2017] ¹¹.

Наблюдения В. С. Ковалёвой представляются для постижения своеобразия, и даже уникальности, Витебска не только интересными, но и исследовательски значимыми — при осмысливании их с научных позиций, в том числе и с позиций лингвопрагматических — для выявления особенностей восприятия любого неравнодушного к своему городу жителя. «*Какие же объекты и места города значимы для пишущих? Безусловно, это ратуша старая, а также Казанская звонница, костёл Варвары, маковки храмов в Лучёсе; красный шагаловский дворик, Кировский мост и перрон ж / д вокзала (так в стихотворении!), Юрьева горка и Успенская гора (Успенка). Перечисляются улицы: Соломенная, Ленина, Фрунзе, Кирова, Чкалова, Свободы, Герцена, Московский проспект. Часто упоминаются названия рек: Лучёса, Витьба, Двина. Последняя у поэтов в приоритете. Но такая почти топографическая точность не ставит цели представить фотографически реальный портрет города: пишущим важно*

¹¹ Примечательно, что в данном случае В. С. Ковалёва сосредоточивает внимание на творчестве *непрофессиональных литераторов* — весьма интересной и практически не изученной ипостаси восприятия города.

упомянуть знакомые места, с которыми связаны дорогие воспоминания и переживания»
(выделено мною. — И. З.) [Ковалёва 2017, с. 58].

Анализ произведений, представленных на поэтических конкурсах, которые были проведены в Витебске в 2012–2016 гг., позволяет исследователю сделать вывод о том, что на первый план у пишущих о родном городе выходит искренняя человеческая любовь и привязанность к нему. При этом «разный уровень поэтического мастерства в целом не заслоняет главного: город воспринимается как настолько необходимый объект, которому трудно, а подчас и невозможно найти замену. По мнению пишущих, нет изъянов ни в его прошлом, ни в его настоящем. Для каждого он значит больше, чем близкий друг, больше, чем врачеватель душевных невзгод. Витебск — символ той родины, без которой человек не ощущает своего полноценного существования» (выделено мною. — И. З.) [Ковалёва 2017, с. 59].

К белорусским писателям, в творчестве которых город Витебск нашёл наиболее полное и многогранное образно-ценное воплощение, принадлежит **Давид Симанович** (1932–2014) — белорусский русскоязычный поэт, прозаик, эссеист, литературовед, переводчик. Именно с Витебском неразрывно связана большая часть жизни этой многогранной творческой личности (родился Симанович в городе Наровля Гомельской области): после окончания филологического факультета Белорусского государственного университета он в 1955–1959 гг. работал учителем русского языка и литературы Крынковской средней школы Лиозненского района (Витебская область), затем, в 1960–1961 гг., — литературным сотрудником редакции областной газеты «Віцебскі рабочы», редактором, старшим редактором. С 1961 по 1994 гг. Давид Симанович — заведующий отделом художественных передач Комитета по телевидению и радиовещанию Витебского облисполкома. С 1971 по 1981 гг. Давид Симанович возглавлял Витебское областное литературное объединение и областное объединение молодой творческой интеллигенции «Веснянка». Похоронен писатель на СтароУлановичском кладбище. В Витебске Симановичу установлены памятник и мемориальная доска, проводятся вечера авторской песни и поэзии, посвящённые его памяти.

Те качества Витебска, которыми, по наблюдениям В. С. Ковалёвой, витебляне наделяют свой город, осмысливая его в ценностном и образно-символическом ключе, самым тесным образом соотносятся, перекликаясь с ними, с характеристиками, что многопланово и с отражением очевидного индивидуально-авторского восприятия представлены во всём словесно-художественном творчестве Д. Симановича: не только его поэзия, но проза и публицистика буквально «пронизаны» витебскими мотивами, иногда, как это бывает только у талантливых авторов, очень неожиданными, но поразительно точными по передаче своеобразия мировосприятия поэта.

Пожалуй, сложно назвать другого поэта, в творчестве которого Витебск, во-первых, занимает столь значительное словесное пространство, а во-вторых — представлен настолько многогранно. Это можно почувствовать уже при чтении лишь одного стихотворения поэта, созданного довольно давно:

Этот город принял меня однажды,
как на свет когда-то полесская акушерка.
И я услышал доброе: «Наши ты!» —
это сказала Успенская горка.
Замковая улица её поддержала:
«Живи и не уезжай никуда ты».
На старой ратуше пробили куранты:
«Мы расскажем тебе про Марка Шагала...»
И теперь, когда стою над Двиною
поседевший, в куртке и рыжем берете,
передо мной за столетьем
проплывает столетье
и становятся моей судьбою.
Вижу:
Пушкин в коляске проехал ссыльный,
Маяковский шагает, кивая прохожим...

*Я живу в этом городе верным сыном,
горжусь настоящим, печалюсь о прошлом.
И тревожусь о будущем,
как тревожится каждый,
с надеждою и оттенком грусти.
Этот город принял меня однажды
и уже никогда от себя не отпустит.*

В приведённом стихотворении облик олицетворённого Витебска — города-друга и родителя, собеседника и соратника — создаётся настоящей «россыпью» знаковых мест городского пространства: Успенская горка¹²; Двина — одна из рек, на берегах которой расположен город; Замковая улица,¹³ — а также упоминанием прецедентных имён собственных выдающихся писателей, которые не только бывали в Витебске, но и упоминали о нём в своих воспоминаниях: *Пушкин в коляске проехал ссыльный / Маяковский шагает, кивая прохожим*. Ключевым из этих имён является безусловно имя родившегося в Витебске знаменитого художника **Марка Шагала**, образ которого в творчестве Давида Симановича связан с образом города неразрывно, анализ этого образно-концептуального взаимодействия, точнее — взаимовлияния, взаимообусловленности, заслуживает отдельного рассмотрения.

Марк Захарович (Моисей Хацкелевич) **Шагал** (родился в 1887 году в еврейском местечке Лиозно Витебской губернии) — русский и французский художник еврейского происхождения. Учился в Витебске у Юделя Пэна, затем — у Николая Рериха и Льва Бакста в Санкт-Петербурге. В 1911–1913 гг. обучался в Париже, где жил в «Улье» — основанной художником Альфредом Бушем интернациональной колонии художников, которая располагалась в юго-западной части Парижа около бывших скотобоен и мясного рынка района Вожирар. После революции 1917 года преподавал, основал **Витебский городской музей** и **Витебское художественное училище**.

В 1922 году эмигрировал из РСФСР; с 1937 года — гражданин Франции. Шагал — один из самых известных представителей художественного авангарда XX века. Помимо живописи и графики, занимался сценографией, монументальным и декоративно-прикладным искусством; писал стихи на идише, автор мемуаров «Моя жизнь».

Переходя непосредственно к рассмотрению лингвистических (в первую очередь) и иных особенностей произведений Д. Симановича, необходимо обратиться к произведению творческой личности, которая для этого писателя воплощала в себе неизмеримо много: этот художник — в широком понимании такого обозначения — был для Давида Симановича кумиром и идеалом в искусстве, но при этом также другом, земляком и родным по своим ценностным установкам человеком. Речь, конечно же, о **Марке Шагале** — художнике из Витебска, чьи произведения принесли ему всемирную известность.

В пору очень тяжёлых для его родного города испытаний, в 1944 году, когда Белоруссия, как и большая часть Европы, была охвачена войной — Великой Отечественной войной для Белоруссии, входящей в состав СССР, — Марк Шагал обратился к Витебску с поэтическим обращением. Вот какими словами предваряет публикацию этого обращения Давид Симанович: «*Шла Великая Отечественная война. Ещё большие года оставалось до победы. Ещё томился в фашистской оккупации Витебск. Вставали на борьбу с врагом в городском подполье*

¹² Успенская гора (*Успенская горка, Лысая гора*, в разговорном общении — Успенка) — историческое место в Витебске на высоком левом берегу Западной Двины. Название получила от Успенской церкви, известной здесь с XV века. В XIV–XVI веках Успенская гора была частью Завитебного посада, позднее — Взгорского замка. В центральной части Успенской горы находится сквер с памятником героям Отечественной войны 1812 г., здание бывшего Губернаторского дворца, военное кладбище.

¹³ Улица Замковая — старейшая в Витебске. Возникла ещё в XVI веке на территории Нижнего замка. Во времена Великой Отечественной войны разрушена и застроена заново. На Замковой улице находятся гостиница «Витебск», Центральный универмаг, проектно-конструкторское бюро АСУ, Белорусский государственный академический театр имени Якуба Коласа. В 1980 г. на ней установлен бюст Героя Советского Союза Героя Социалистического Труда П. М. Машерова.

и в партизанских лесах отважные сыновья и дочери Беларуси, своим мужеством приближая славный час освобождения.

15 февраля 1944 года в Нью-Йорке в газете «Эйникайт» («Единство»), издаваемой американским комитетом еврейских писателей, художников, учёных, было опубликовано поэтическое обращение «К моему городу Витебску».

Автор обращения — всемирно известный художник Марк Шагал жил тогда в Нью-Йорке, куда перебрался из Франции, спасаясь от фашизма [Симанович 2015].

Д. Симанович перевёл поэтическое (не столько по форме, сколько по его сути и тональности) произведение Марка Шагала, написанное на идиш, на русский язык: «Впервые «К моему городу Витебску» в моём переводе с идиша появилось в «Литературной газете» 2 сентября 1987 года, в день открытия выставки художника в Москве, почти через двадцать лет после того, как я перевёл его из книги еврейского американского поэта Исаака Ронча «Мир Марка Шагала» (Лос-Анджелес, 1967). А затем вошло в книжку «Марк Шагал. Паэзія» (Мінск, «Мастацкая літаратура», 1989). Там же оно напечатано на белорусском языке в переводе Рыгора Бородулина» (выделено мною. — И. З.) [Симанович 2015].

Из довольно объёмного обращения к Витебску Марка Шагала мы приведём лишь 2 фрагмента — начальный и заключительный — в переводе Д. Симановича

«Давно уже, мой любимый город, я тебя не видел, не слышал, не разговаривал с твоими облаками и не опирался на твои заборы. Как грустный странник — я только нёс все годы твоё дыхание на моих картинах. И так с тобой беседовал и, как во сне, тебя видел.

Мой дорогой, ты не спросил с болью, почему, ради чего я ушёл от тебя много лет назад.

Юноша, думал ты, что-то ищет, какую-то особую краску, которая рассыпается, как звёзды с неба, и оседает светло и прозрачно, как снег на наши крыши. Откуда он это берёт, как это приходит к нему? Почему он не может найти всё это рядом, тут в городе, в стране, где родился? Может, этот парень вообще «сумасшедший»? Но «сойти с ума» от искусства?..

Ты думал: «Вижу — я этому мальчугану в сердце запал, но он всё «летает», он срывается с места, у него в голове какой-то «ветерок».

Я оставил на твоей земле — моя родина, моя душа — гору, в которой под рассыпанными камнями спят вечным сном мои родители. Почему же я ушёл так давно от тебя, если сердцем я всегда с тобой, с твоим новым миром, который является светлый пример в истории?

Я не жил с тобой, но не было моей картины, которая не дышала бы твоим духом и отражением.

...

Мы, люди, не можем и не имеем права спокойно жить, честно творить и оставивать этот свет, пока грешный мир не будет очищен через кару святую.

Я смотрю, мой город, на тебя издалека, как моя мать на меня смотрела когда-то из дверей, когда я уходил. На твоих улицах ещё враг. Мало ему было твоих изображений на моих картинах, которые он громил везде. Он пришёл сжечь мой настоящий дом и мой настоящий город. Я бросаю ему обратно в лицо его признание и славу, которые он когда-то дал мне в своей стране. Его «доктора от философии», которые обо мне писали «глубокие» слова, сейчас пришли к тебе, мой город, чтобы сбросить моих братьев с высокого моста в воду, похоронить их живьём, стрелять, жечь, грабить и всё это наблюдать с кривыми улыбками в монокли.

Мне не нужен больше мой собственный дом, если вы даже его спасёте, во всех ваших сердцах — моё жилище. Ваше дыхание мне дорого, как бальзам.

И счастлив был бы я принести тебе новую весть, как сам ты, мой город, принесёшь её миру» [цитируется по: Симанович 2015].

Как известно, начало и конец любого текста, а тем более — художественного, с очевидными чертами индивидуально-авторской манеры, являются «сильными» для восприятия позициями, как правило, заключающими в себе и весьма значимые элементы авторской концепции. Впрочем, к данному произведению Марка Шагала это, с нашей точки зрения, не совсем применимо: текст его настолько повсеместно образен и отмечен авторской индивидуальностью (выраженным субъективным отношением автора / лирического героя к воплощаемому

словесно-художественными средствами смыслу), что в нём крайне трудно выделить наиболее явные экспрессивно-концептуальные участки) — практически каждая фраза включает либо троп (тропы), либо стилистическую фигуру (фигуры), а иногда — выразительно-изобразительные средства и способы обозначенных типов одновременно. Обратим внимание лишь на некоторые из составляющих текст высказываний. Начальный абзац, состоящий из 3-х предложений, насыщен как тропами, так и стилистическими фигурами: это несколько **развёрнутых метафор** (*лирический герой: нёс дыхание города (на своих картинах), (не) слышал город, (не) беседовал с ним; (не) разговаривал с его (города) облаками*); два явных художественных сравнения, одно из которых осложнено эпитетом (*как грустный странник*); в первом из предложений функционирует развёрнутое *обращение* (*мой любимый город*); второе и третье предложения текста как связаны с первым элементами *парцеллированности* и т. п.

А в сборнике произведений Д. Симановича «Мой Шагал» практически **все** привлечённые автором изобразительно-выразительные средства и способы так или иначе соотнесены с образом самого выдающегося художника. Это можно отчётливо наблюдать, к примеру, в одном из стихотворений поэта с названием «**Мой Шагал, или Полёт любви**» (1988), которое принадлежит к числу так называемых «программных»:

*Я — из Витебска, где под небом
белорусским работал Репин,
и сияет, как добрый след,
его жизни «Осенний букет».*

*Я — из Витебска, где сквозь тлен
старый Пэн берёт меня в плен,
хоть холодных ветров торжество
над забытой могилой его*

*Я — из Витебска, где Шагал
прямо с Замковой в небо взлетал,
запечился за облака —
и остался тут на века.*

*Я — из Витебска, где Малевич
с Уновисом, с семьёю левых,
Богу брат и дьяволу брат,
поднимал, как знамя, квадрат.*

*Я — из Витебска, чей портрет
ярко вписан в картину лет,
и художники новых дней
свято помнят учителей [Симанович 2015].*

Приведённое стихотворение насыщено прецедентными антропонимами — личными именами, каждое из которых можно трактовать как *имя-ситуацию*: знаменитого художника **Ильи Репина**, чьё имение «Здравнёво» находилось на территории Витебской области (ныне — музей-усадьба И. Е. Репина); **Юделя Пэна**, одного из витебских учителей Шагала; **Казимира Малевича** — русского и советского художника-авангардиста, который вместе с М. Шагалом является представителем направления в живописи, получившего название «Витебская школа»¹⁴.

Однако наиболее значимым фрагментом лирического текста как в концептуальном отношении, так и с точки зрения степени экспрессивности является третья, центральная строфа, где

¹⁴ в этом стихотворении Д. Симанович остроумно обыгрывает название основанной в Витебске **Казимиром Малевичем** группы «Увердителей Нового Искусства» (УНОВИС), олицетворяя в стихотворном контексте данное наименование, переведя его из наименования сообщества в концептуальный антропоним (Малевич с Уновисом).

функционирует самый важный для лирического героя (автора) прецедентный антропоним — **Шагал**. Это обуславливается несколькими факторами, главные из которых, во-первых, явная соотнесённость этого участка текста с названием произведения — наиболее весомой для восприятия позицией (ключевой из «сильных» позиций текста); во-вторых, это очевидная перекличка с самой знаменитой картиной художника — «Над городом», известной также и под другими названиями (см. подпись под рисунком с изображением картины).

Рисунок 40. Картина Марка Шагала «Над городом» (встречаются также названия «Над Витебском» и «Парящий над городом» или «Sur la ville» (франц. перевод выражения *над городом*).

Суть этой картины образно передана поэтом при помощи части развёрнутой метафоры (*где Шагал / прямо с Замковой в небо взлетал*); заключительная же часть этого тропа навсегда соединяет Шагала и Витебск (*зацепился за облака / — и остался тут на века*).

Вот таким, удивительно многогиkim, загадочным, наполненным событиями, связанными с деятельностью творческих знаменитостей, объединённых личностью Марка Шагала, предстаёт в творчестве Давида Симановича Витебск — город его и Марка Шагала.

Это крест необычный мой,
как посланье божье и слово:
я вернул Шагала домой,
чтобы в Витебске был он снова.

Да зачтётся мне подвиг мой,
моя трудная колея —
я вернул Шагала домой
из жестокого небытия...

И другой стала жизнь моя (1994) [Симанович 2015].

Список литературы

1. Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермь в истории русской культуры и литературы XX века / В. В. Абашев. — Изд-е второе. — Пермь, 2008. — 496 с.
2. Андреева, И. В. Русская деревня — XX век: культурологический словарь / И. В. Андреева, Н. В. Баско. — Москва: Флинта, Наука, 2003. — 304 с.
3. Андрияш, Н. А. Славянск-на-Кубани и Славянский район. Страницы истории/ Н. А. Андрияш, Н. Л. Заболотный. — Краснодар: Советская Кубань, 1995. — 176 с.
4. Анисимов, Н. О. Город в дискурсе семиотики / Н. О. Анисимов // *Juvenis Scientia*. — 2018. — № 12. — С. 33–35. — DOI 10.32415/jscientia.2018.12.09. — EDN YSNONV.
5. Анциферов, Н. П. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Н. П. Анциферов. — СПб.: Лениздат, 1991. — 227 с.
6. Белгород. Очерк о прошлом, настоящем и будущем города / Д. И. Алешкин [и др.]; под ред. Д. И. Алешкина. — Белгород: Белгородское книжное издательство, 1962. — 220 с.
7. Беляева, М. Ю. Этнолингвистическое своеобразие говоров Кубани: материалы и комментарии / М. Ю. Беляева. — Славянск-на-Кубани: Издательский центр СФ АГПИ, 2002. — 60 с.
8. Беляева, М. Ю. Ономастика: элективный курс: учебно-методическое пособие / М. Ю. Беляева; Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт. — Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2011. — 172 с.
9. Беляева, М. Ю. Регионалистика Кубани: лингвистический и этнолингвистический аспекты: монография / М. Ю. Беляева, Е. В. Литус, Г. В. Лобова, Е. Н. Трегубова; отв. ред. М. Ю. Беляева. — Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2010. — 231 с.
10. Беляева, М. Ю. Словарь прозвищ жителей Краснодарского края / М. Ю. Беляева; филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани. — Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2012. — 195 с.
11. Беляева, М. Ю. Текст города: тенденции развития лингвокультуры Краснодарского края: монография / М. Ю. Беляева, Н. С. Балаценко, Н. Н. Фролова; отв. ред. М. Ю. Беляева. — Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2015. — 197 с.
12. Беляева, М.Ю. Специфика ономастикона Кубани: монография / М. Ю. Беляева, Л. И. Сартаева, Е. Н. Трегубова; под общей редакцией доктора филологических наук, профессора М. Ю. Беляевой. — Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2021. — 255 с.
13. Беляева, М. Ю. Метеостихия и природа Кубани в лексикографическом описании региолекта: монография / М. Ю. Беляева, Е. Н. Трегубова. — Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2022. — 259 с.
14. Беляева, М. Ю. Фамилии западных районов Кубани: Морфодеривационный аспект / М. Ю. Беляева. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. — 242 с.
15. Брыткова, В. В. Неофициальные топонимы как элемент онимического пространства г. Новозыбкова Брянской области / В. В. Брыткова // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье: научные доклады участников Международного научно-просветительского форума, Новозыбков, 17–20 мая 2022 года. — Брянск: Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, 2022. — С. 138–147.
16. Булыгина, Т. А. Город и его пространство: попытка исторического измерения / Т. А. Булыгина // Новое прошлое. — 2017. — № 3. — С. 82-95. — DOI 10.23683/2500-3224-2017-3-82-95. — EDN ZRMZCN.
17. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. — 488 с.

18. Гигин, В. Ф. Белорусский русский язык / В. Ф. Гигин // Беларуская думка. — 2010. — № 2. — С. 64–71.
19. Голубков, М. М. Мистический писатель. Москва и «московский текст» в модернистской эстетике М. А. Булгакова / М. М. Голубков // Филологическая регионалистика, 2011. — № 1 (5). — С. 7–17.
20. Гончаренко, Ю. И. Улицы и площади Белгорода / Ю. И. Гончаренко, Т. И. Утенина, А. Н. Крупенков. — Белгород: Константа, 2009. — 78 с.
21. Горбачева, Е. Ю. Суржик как лингвистический феномен / Е. Ю. Горбачева, А. Родимушкина // Молодой учёный. — № 111. — 2016. — С. 7–9.
22. Грищенко, А. И. Русский язык современных городов, или Слова, которых нет / А. И. Грищенко // Сборник информационных материалов по итогам проведения IV Недели русского языка, российского образования и культуры для российских соотечественников и иностранных граждан в Финляндии, 7–11 декабря 2015 года, гг. Лаппеэнранта. Москва. — Москва, 2015. — С. 10–16.
23. Гулюк, Л. А. Православный медиадискурс региональной периодики [Электронный ресурс] / Л. А. Гулюк // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. — 2013. — № 9 (152). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnyy-mediadiskurs-regionalnoy-periodiki>. — (Дата обращения: 18.08.2025).
24. Донецкий региолект / В. И. Теркулов [и др.], ред. В. И. Теркулов — Донецк: ООО «НПП» Фолиант», 2018. — 265 с.
25. Ерофеева, Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект / Е. В. Ерофеева. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. — 320 с.
26. Ерофеева, Е. В. Влияние фактора «образование» на реализацию региолектных фонетических особенностей речи / Е. В. Ерофеева // Социальные варианты языка — VII: матер. Междунар. науч. конф. / Нижегор. гос. лингв. ун-т. — Н. Новгород, 2011. — С. 88–91.
27. Ерофеева, Е. В. Региолект как континуум / Е. В. Ерофеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — Т. 17. — Вып. 4. — С. 596–614. — <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.407>
28. Ерофеева, Е. В. Фонетические особенности в русской речи билингвов Пермского края: языковые контакты и языковой континуум / Е. В. Ерофеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2013. — Вып. 1(21). — С. 51–62.
29. Ерофеева, Е. В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка / Е. В. Ерофеева. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1997. — 140 с.
30. Ерофеева, Е. В. Локализмы в литературной речи горожан / Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова. — М.: Флинта, 2023. — 108 с.
31. Ерофеева, Е. В. Фонетика говоров и литературного языка на территории Пермской области / Е. В. Ерофеева, А. С. Штерн // Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 31–146.
32. Ерофеева, Т. И. Лингвистика городского пространства / Т. И. Ерофеева / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2016. — 196 с.
33. Ерофеева, Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи / Т. И. Ерофеева. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1979. — 91 с.
34. Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность разговорной речи лиц, владеющих литературным языком (анализ записей речи пермской интеллигенции): дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Ерофеева. — Ленинград, 1971. — 260 с.
35. Ерофеева, Т. И. Локальные маркеры в городском пространстве / Т. И. Ерофеева // Социо- и психолингвистические исследования. — 2015. — Вып. 3. — С. 36–40.
36. Ерофеева, Т. И. Речевой портрет провинциального города / Т. И. Ерофеева. — М.: Флинта, 2023. — 192 с.
37. Ерофеева, Т. И. Социолект: стратификационное исследование / Т. И. Ерофеева / Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2009. — 240 с.

38. Ерофеева, Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-е гг. XX века / Т. И. Ерофеева / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2020. — 239 с.
39. Ерофеева, Т. И. Штрихи речевого портрета Прикамья / Т. И. Ерофеева / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2010. — 192 с.
40. Жуков, А. Е. Способы образования неофициальных урбанонимов (хоронимов): метафорические и метонимические наименования / А. Е. Жуков, В. И. Теркулов // Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста: Материалы II Республикаской студенческой научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 100-летнему юбилею Донецкого национального технического университета, Донецк, 18 мая 2020 года. — Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2020. — С. 41–42.
41. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. — Минск: БГУ, 1974. — 448 с.
42. Зайцева, И. П. Взаимодействие различных форм общенародного языка в словесно-художественном дискурсе (на материале повести В. А. Титова «Всем смертям назло») / И. П. Зайцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2023. — № 4. — С. 25–37.
43. Игнаткина, Л. В., Особенности вокалической системы локально окрашенной городской речи (г. Пермь) / Л. В. Игнаткина, А. С. Штерн // Литературный язык и народная речь. — Перм. гос. ун-т. Пермь, 1986. С. 28–38.
44. Ильин, Д. Ю. Структура функционально-семантического поля топонимов в языке региона / Д. Ю. Ильин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2010. — № 12. — С. 255–259.
45. Интерференция звуковых систем / ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 280 с.
46. Калашник, В. С. и др. Русско-украинский разговорник / В. С. Калашник, А. Я. Опришко, А. А. Свашенко. — К.: Вища шк., 1992. — 217 с.
47. Каменев, В. Моя история Белгородского полка [Электронный ресурс] / В. Каменев. — 2018. — URL: <https://proza.ru/2018/09/29/744>. — (Дата обращения: 18.08.2025).
48. Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. — М.: «REFL-book», 1994. — 608 с.
49. Ковалёва, В. С. Поэтическое приграничье: вербальные портреты Витебска и Смоленска / В. С. Ковалёва // Русский язык в научно-образовательном пространстве российско-белорусского приграничья: сборник научных статей (по итогам научно-практической конференции и круглого стола; 15–16 ноября 2017 года; Витебск, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова / Вит.гос. ун-т. — Витебск–Смоленск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. — С. 55–62.
50. Козлова, В. Ю. Город и городское население Пермского Прикамья второй половины XIX в. в социальном, культурном и этническом измерениях: дис. ... канд. ист. наук / В. Ю. Козлова. — Пермь, 2010. — 356 с.
51. Колесов, В. В. Язык города / В. В. Колесов. — Москва: Высшая школа, 1991. — 192 с.
52. Королёва, И. А. Ономастика приграничья и ее национально-культурная специфика / И. А. Королёва // Русский язык в научно-образовательном пространстве российско-белорусского приграничья: сборник научных статей (по итогам научно-практической конференции и круглого стола; 15–16 ноября 2017 года; Витебск, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова / Вит.гос. ун-т. — Витебск–Смоленск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. — С. 62–74.
53. Корчагин П. А. Губернская столица Пермь / П. А. Корчагин. — Пермь: Кн. мир, 2006. — 317, [1] с.

Литература

54. Корчагин П. А. Пермь. «Что в имени» / П. А. Корчагин // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. — 2013. — № 4. — С. 5–6
55. Кошарная, С. А. Диалектизмы и регионарные в речи жителей Белгородчины конца XX — начала XXI вв. / С. А. Кошарная, Л. И. Плотникова; под ред. С. А. Кошарной. — Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. — 176 с.
56. Кошарная, С. А. К вопросу об этнокультурной специфике региолекта Белгородчины / С. А. Кошарная // Новые горизонты русистики. — 2018. — № 3. — С. 40–46.
57. Кошарная, С. А. Лингвогенетическая специфика диалектного слова Белгородчины в контексте исторического развития региона / С. А. Кошарная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvogeneticheskaya-spetsifika-dialektnogo-slova-belgorodchiny-v-kontekste-istoricheskogo-razvitiya-regiona>. — (Дата обращения: 18.08.2025).
58. Кошарная, С. А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С. А. Кошарная // Вопросы журналистики, педагогики, языкоизнания. — 2017. — № 14 (263). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regiolekt-belgorodchiny-kak-lingvokulturnoe-obrazovanie>. — (Дата обращения: 18.08.2025).
59. Крысин Л. П. Человек в зеркале русской разговорной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского 2011. № 6(2). С. 341–343.
60. Крюкова, И. В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: опыт лексикографического описания: словарь / И. В. Крюкова, О. В. Врублевская, О. В. Кирпичева. — Волгоград: Научное изд-во ВГСПУ «Перемена», 2021. — 225 с.
61. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография / И. В. Крюкова. — Волгоград: «Перемена», 2004. — 288 с.
62. Кубанев, Н. А. Город как культурологический феномен в русской, американской и западноевропейской литературе / Кубанев Н. А., Набилкина Л. Н. — Шуя: Шуйский фил. ИвГУ, 2014. — 223 с.
63. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — Москва: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
64. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. — СПб.: Академический проект, 2002. — 543 с.
65. Мартине А. Предисловие / А. Мартине // Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. — Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. — С.18–21.
66. Маслов, А. «Шибко Белгородский». Как говорят белгородцы [Электронный ресурс] / А. Маслов. — 2016. — URL: <https://fonar.tv/article/2016/10/03/shibko-belgorodskiy-kak-govoryat-belgorodcy?ysclid=mdowx7ffet523845628>. — (Дата обращения: 18.08.2025).
67. Маслова, В. А. Идентичность региональной личности роль языка в процессе идентификации / В. А. Маслова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоизнание. — 2024. — № 2(18). — С. 76-85. — DOI 10.22405/2712-8407-2024-2-76-85.
68. Мезенко, А. М. Антропонимное пространство Витебщины: монография / А. М. Мезенко, Т. В. Скребнёва. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. — 148 с.
69. Москва и «московский текст» русской культуры: сборник статей / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ); отв. ред. Г.С.Кнабе. — Москва: Б. и., 1998. — 224 с.
70. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. — М.: Мысль, 1966. — 509 с.
71. Новикова, Т. Ф. Лингворегионоведение. Ч. 3.: Практикум / Т. Ф. Новикова. — Белгород: БелГУ, 2010. — 96 с.
72. Новикова, Т. Ф. Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сборник материалов II международной научно-практической конференции,

Белгород, 18-20 мая 2017 г. / Т. Ф. Новикова [и др.]; под ред. Т. Ф. Новиковой. — Белгород: Эпицентр, 2017. — 328 с.

73. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 20–37.

74. Оглезнева, Е. А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта / Е. А. Оглезнева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — Вып. 10. — С. 65–68.

75. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала: на примере Белгородской области: коллективная монография / Т. Ф. Новикова [и др.]; под ред. Т. Ф. Новиковой. — Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. — 228 с.

76. Осыков, Б. И. Родное Белогорье: учебное пособие по краеведению / Б. И. Осыков. — Харьков: Кентавр, 1997. — 87 с.

77. Отин, Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. — Донецк: Юго-Восток, 2014. — 199 с.

78. Павловская, А. В. Россия и русские / А. В. Павловская. — Москва: Центротехфильм, 2010. — 336 с.

79. Пермский край в цифрах. 2025: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. — Пермь, 2025. — 180 с.

80. Плотникова Г. Н. Изменение численности населения Пермского края в пореформенный период / Г. Н. Плотникова // Исследования по археологии и истории Урала: межвуз. Сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. — Пермь, 1998. — С. 290–297.

81. Полякова Е. Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья / Е. Н. Полякова / Перм. ун-т; Прикам. Соц Ин-т; Прикам. Соц. Ин-т ф-л МОСУ; Прикам. Соц.-гум. колледж. — Пермь, 2002. — С. 195–200.

82. Полякова Е. Н. Старинные названия на карте Перми / Е. Н. Полякова / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. — Пермь, 2013. — 103 с.

83. По-пермски говоря / науч. ред. И. А. Подюков. — Пермь, 2013. — 128 с.

84. Придворева, О. БелПресса. Другая буква. Как БелгородЩина стала БелгородЧиной / О. Придворева [Электронный ресурс]. — <https://www.belpressa.ru/society/drugoe/25001.html#>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

85. Проценко, Б. Н. Остатусе степных кубанских говоров в Лексическом атласе русских народных говоров / Б. Н. Проценко // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. — Спб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1996. — С. 17–19.

86. Растворгув, П. А. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии / П. А. Растворгув, проф.; Інстытут беларускае культуры. — Менск: [б. и.], 1926. — 24 с.

87. Растворгув, П. А. Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров / Проф. П. А. Растворгув; [Інстытут беларускае культуры. Аддзел мовы і літаратуры...]. — Л.: Ін-т белорусск. культуры, 1927 (гос. Академич. тип.). — 224 с.

88. Растворгув, П. А. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии / П. А. Растворгув, проф.; Інстытут беларускае культуры. — Менск: [б. и.], 1926. — 24с.

89. Растворгув, П. А. Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров / Проф. П. А. Растворгув; [Інстытут беларускае культуры. Аддзел мовы і літаратуры...]. — Л.: Ін-т белорусск. культуры, 1927 (гос. Академич. тип.). — 224с.

90. Рогалёв, А. Ф. Географические названия в калейдоскопе времён / А. Ф. Рогалёв. — Гомель: Барк, 2011. — 256 с.

Литература

91. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. — М.: Аграф, 1997. — 384 с.
92. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. — М.: Высш. школа, 1972. — 304 с.
93. Сарапулкин, В. История Белгородчины / В. Сарапулкин, А. Папков, И. Истомина. — Рыбинск: Медиарост, 2015. — 111 с.
94. Сиротинина О. Б. Русский язык в разных типах речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русский язык сегодня / отв. ред. Л. П. Крысин; Ин-т рус. яз. РАН. М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 240–248.
95. Славянский район: историко-географические сведения: социально-экономический справочник/ МО Славянский район, управ.культуры, администрация МО Славянский район; авт.-сост. Б. Д. Фуфалько. — Краснодар: Диапазон-В., 2012. — 196 с. (сокращ. СР)
96. Славянск-на-Кубани [сайт] // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%8F%D0%BD%D1%81%D0%BA-%D0%BD%D0%B0>. — [сайт] //::
97. Словарик белгородца: сайт // Белогорье. Культурный регион [Электронный ресурс]. — URL: <https://bel.cultreg.ru/overviews/1358/slovarik-belgorodca?ysclid=mdmsyujvk9683970533>. — (Дата обращения: 18.08.2025).
98. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10-ти томах / Академия наук СССР, Институт русского языка [Электронный ресурс]; под ред. Р. И. Аванесова. — М.: Русский язык, 1988 — 2019. — URL: https://archive.org/details/slovar-dr-rus-yazyka-xi-xiv-vv-t-1-1988/Slovar_dr_rus_yazyka_XI_XIV_vv_T_1_-1988/. — (Дата обращения: 18.08.2025).
99. Словарь русских говоров Среднего Урала / гл. ред. П. А. Вовчок. — Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1964. — Т. 1. — 208 с.
100. Смолякова, Л. П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учетом иноязычных влияний) / Л. П. Смолякова. — М.: Наука, 1977. — 192 с.
101. Соколов, М. Раскопки будущего. К картине В. Комара и А. Меламида / М. Соколов // Человек и природа. — 1990. — № 5. — С. 82–90.
102. Стародубец, С. Н. Народная лингвокультура восточнославянского приграничья в условиях социально-политических изменений / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей IX Международного симпозиума, Ялта, 08–12 июня 2025 года. — Симферополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», 2025. — С. 207–212.
103. Стародубец, С. Н. Западнобрянский регионолект как лингвокультурное образование / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина, С. П. Куркина, К. Н. Кириченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2024. — № 3. — С. 19–32. — DOI 10.5281/zenodo.12540980.
104. Суперанская, А. В. Словарь современных личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. — М.: Айрис-пресс, 2005. — 384 с.
105. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1984. — 180 с.
106. Существует ли Петербургский текст?: сборник статей; под ред. В. М. Марковича, В. Шмидта. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. — 402 с.
107. Так говорят белгородцы: сайт [Электронный ресурс]. — URL: <https://t.me/s/belgovor>. — (Дата обращения: 18.08.2025).
108. Текст как семиотическая проблема: сайт. — URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-570301.html?>

109. Теркулов, В. И. Базовые понятия Донецкой школы лингвогеононстики / В. И. Теркулов // Региональный вариант русского языка в условиях билингвизма: Материалы докладов Национальной научной онлайн-конференции с международным участием. Чеченский государственный педагогический университет, кафедра русского языка и методики его преподавания. — Грозный, 2021. — С.18–28.
110. Теркулов, В. И. История донецких астионимов / В. И. Теркулов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2023а. — № 2. — С. 28-46.
111. Теркулов, В. И. Общая характеристика астионимов донецкого Донбасса / В. И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. — 2023б. — № 4(4). — С. 62-69.
112. Теркулов, В. И. Город как объект разноспектного лингвистического исследования / В. И. Теркулов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоzнание. — 2025. — Т. 24, № 2. — С. 17–28.
113. Тихановъ, П. Н. Брянскій говоръ: замѣтки изъ области русской этнографіи / П. Тихановъ. — Санктпeterбургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1904. — 263 с.
114. Тихановъ, П. Н. Тайный языкъ нищихъ: этнографіческій очеркъ / П. Тихановъ. — Брянскъ: Типографія А. Арцишевскаго, 1895.
115. Ткаченко, П. И. Кубанский говор: опыт авторского словаря / П. И. Ткаченко. — Москва: Граница, 1998. — 288 с.
116. Топоров, В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья II / В. Н. Топоров // Балто-славянские исследования 1989. — С. 63–64.
117. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. — СПб.: Искусство, 2003. — 612 с.
118. Трусман, Ю. Ю. Этимология местных названий Витебской губернии / Ю. Ю. Трусман. — Ревель, 1897.
119. Туркин, А. Происхождение названий народа коми / А. Туркин // Linguistica Uralica. — 1995. — Т. 31, № 1. — С. 17–28.
120. Харанутова, Д. Ш. Регионализмы забайкальского региолекта: лексико-семантический и словообразовательный аспекты: монография / Д. Ш. Харанутова, Т. В. Мархеева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2019. — 144 с.
121. Файнбарк, С. А. Происхождение названий рек и озер бассейнов Верхневолжья и Верхней Мсты / С. А. Файнбарк. — DNA, 2015. — 589 с.
122. Чагин, Г. Н. На древней Пермской земле / Г. Н. Чагин. — М. Искусство, 1988. — 176 с.
123. Чагин, Г. Н. Народы Прикамья: очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. / Г. Н. Чагин. — Пермь, 2002. — 304 с.
124. Черных, А. В. Татары Перми: история и культура/ А. В. Черных. — СПб.: Мататов, 2015. — 64 с.
125. Шадыро, В. И. Офинно-угорском субстрате на севере Белоруссии (гидронимия и археология) / В. И. Шадыро, Р. И. Овчинникова // Археология и история Пскова и Псковской земли / Под ред. В. В. Седова. — Псков, 1992. — С. 60–62.
126. Шейнъ, П. В. Материалы для изученія быта и языка русского населенія съверо-западнаго края / П. В. Шейнъ. — Санктпeterбургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1887. — Томъ I. Часть I. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. — 585 с.
127. Шейнъ, П. В. Материалы для изученія быта и языка русского населенія съверо-западнаго края / П. В. Шейнъ. — Санктпeterбургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1893. — Томъ II. Сказки, анекдоты, легенды, преданія, воспоминанія, пословицы, загадки, привѣтствія, пожеланія, божба, проклятія, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. — 715 с.

128.Шмелёва, Т. В. Глава 6. Стилистика городского ономастикона как фактор креативности Т. В. Шмелёва // Лингвистика креатива-5. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. — С. 342–362.

129.Шурупова, О. С. Московский текст русской литературы и его герои / О. С. Шурупова // Русская речь, 2011. — № 1. — С. 97–102.

130.Яковлева, Е. А. Филологическая урбанология: новые аспекты изучения города / Е. А. Яковлева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6-2. — С. 771–774.

131.Яранцев, В. Н. Читать Петербург: город как текст / В. Н. Яранцев // Евразийский научный журнал. — 2016. — № 10. — С. 297–304. — EDN WZZUSJ.

132.Энциклопедический словарь по истории Кубани: с древнейших времен до октября 1917 года / Б. А. Трехбратов; автор идеи, составитель, научный редактор, руководитель авторского коллектива; ответственный за выпуск Н. Г. Денисов; редакция: А. А. Алексеева, А. Ф. Ачкасова, Н. Г. Денисов [и др.]. — Краснодар: [Эдви], 1997. — 560 с.

133.Auer P., Hinskens F. The convergence and divergence of dialects in Europe: New and not so new developments in an old area // U. Ammon, K. J. Matteheier, P. H. Nelde (eds.). Sociolinguistics: International Yearbook on European Sociolinguistics. Tübingen: Max Niemeier Verlag, 1996. Pp. 1–30.

134.Murchison R. I. First sketch of some of the principal results of a second geological survey of Russia // Philosophical Magazine and Journal of Science, series 3. 1841. Vol. 19. Pp. 417–422.

135.Spiekermann H. Regionale Standardisierung, nationale Destandardisierung // L. M. Eichinger, W. Kallmeyer (red.). Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? Berlin, New York: De Gruyter, 2005. S. 100–125.

Источники фактического материала

136.Белгородчина — земля отчая: сайт [Электронный ресурс] // Белогорье. Культурный регион. — URL: <https://bel.cultreg.ru/events/468211/poznavatelnaya-programma-belgorodchina-zemlya-otchaya>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

137.Белоусенко, К. В. Нет на свете края для меня дороже...: библиогр. обзор кн.-иллюстр. Выставки / К. В. Белоусенко, И. В. Медведева. — Белгород: БИЦ БГУНБ, 2012. — 20 с.

138.Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева // Полное собрание сочинений в 13 томах / Иван Алексеевич Бунин. — М.: Воскресенье, 2006. — Т. 5. — 480 с.

139.Великая Отечественная война и промышленное развитие Западного Урала // Энциклопедия Пермской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perm1.ru/run/KI9HotDEux.html?scenary=fT4wgks29D&sdo=47WfxEEmi8> (дата обращения: 22.07.2025).

140.Вершинин, Е. Пермь Великая / Е. Вершинин // Родина. 2001. № 11. С. 37–40.

141.Вольный, А. Г. Глазами старожила: заметки о разных сторонах жизни г. Новозыбкова за последнее столетие / А. Г. Вольный. — Брянск: Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1996. — 94 с.

142.Вольный, А. Г. Новозыбков: историко-краеведческий очерк / А. Г. Вольный; ред. Н. И. Поснов. — Тула: Приокское книжное издательство, 1989. — 141 с.

143.Вольный, А. Г. Новозыбков и новозыбковцы / А. Г. Вольный. — Брянск: Границы, 1992. — 210 с.

144.Вольный, А. Пережитое: статьи и очерки разных лет / А. Вольный. — Брянск: Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 2000. — 236 с.

145.Вольный, А. Сердце молчать не может: документально-художественная повесть / А. Вольный. — Изд. Второе, доп. и испр. — Тула: Приокское книжное издательство, 1978. — 191 с.

146. Вольный, А. Эшелоны летят под откос: документально-художественная повесть / А. Вольный. — Тула: Приокское книжное издательство, 1991. — 127 с.
147. Гаврилова, М. В. «Столица русского Чернобыля»: нарратив жителей Новозыбкова о катастрофе на Чернобыльской АЭС / М. В. Гаврилова // Фольклор и антропология города. — 2021. — № 1–2. — С. 76–93.
148. Галанина, А. Александр Невский стал витебским: в Беларуси установили памятник семье великого полководца / А. Галанина // СОЮЗНОЕ ВЕЧЕ. Сайт газеты парламентского собрания Союза Беларуси и России. — 29 июня 2016. — <https://www.souzveche.ru/articles/community/31597/>. — (Дата обращения: 16.09.2025).
149. Герб города Новозыбков. — URL: <https://geraldika.ru/s/5080>. — (Дата обращения: 18.07.2025).
150. Городков, А. В. Новозыбков: историко-архитектурный очерк / А. В. Городков, Е. С. Ильченко. — Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2022. — 80 с.
151. Дмитриев, А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года [Электронный ресурс] / А. А. Дмитриев. — Пермь: Типография П. Ф. Каменского, 1889. — [https://ru.wikisource.org/wiki/Очерки_из_истории_губернского_города_Перми_\(Дмитриев\)/1889_\(ДО\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Очерки_из_истории_губернского_города_Перми_(Дмитриев)/1889_(ДО)) (дата обращения: 22.07.2025).
152. Дятченко, Л. И. Озарённый первым салютом / Л. И. Дятченко, Б. И. Осыков. — Москва: Советская Россия, 1985. — 180 с.
153. «Зыбчане»: сайт о творческой жизни г. Новозыбкова...: URL: <https://art.novozybkov.su/>. — Режим доступа: свободный. — Дата обращения: 20.07.2025 г.
154. Иванова, Т. П. Александр Невский и Витебский край / Т. П. Иванова // Актуальные вопросы образования и науки. — 2016. — № 1–2 (53–54). — С. 107–112.
155. Конституция Республики Беларусь (Дата обращения: 16.09.2025) // Сайт Президента Республики Беларусь: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. — (Дата обращения: 13.09.2025).
156. Королёв, К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К. М. Королёв. — М.: МИЛГАРД, 2005. — 603 с.
157. Крупенков, А. Н. Историческая хроника Белгорода / А. Н. Крупенков, Б. И. Осыков. — Белгород: КОНСТАНТА, 2007. — 384 с.
158. Крупенков, А. Н. Пройдёмся по Старому Белгороду / А. Н. Крупенков. — Белгород: КОНСТАНТА, 2008. — 556 с.
159. Лимаров, А. И. Белгород вчера и сегодня: альбом / А. И. Лимаров, А. И. Ткаченко. — Белгород: ЛитКараВан, 2009. — 128 с.
160. Литвинов, А. М. Германский вермахт в русских кандалах: роман и рассказы / А. М. Литвинов. — М.: У Никитских ворот, 2014. — 413 с.
161. Литературная страница «Зыбинка»: URL: <https://art.novozybkov.su/?cat=113>. — Режим доступа: свободный. — Дата обращения: 20.07.2025 г.
162. Лузик, С. К. Звон памяти: книга о новозыбковцах — участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / С. К. Лузик. — Брянск: Изд-во Брянского гос. пед. ин-та, 1993. — 125 с.
163. Лузик, С. К. Здравствуй, Новозыбков! / С. К. Лузик. — Брянск: Изд-во Брянского гос. пед. ин-та, 1994. — 172 с.
164. Лузик, С. К. Родной Новозыбков: документальная повесть о городе и его людях / С. К. Лузик. — Клинцы: Клинцовская городская типография, 1998. — 164 с.
165. Майское сельское поселение: сайт // Муниципальное образование «Белгородский район» [Электронный ресурс]. — URL: <https://belgorodskij-r31.gosweb.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/arhivnyy-otd>

Литература

el/interaktivnaya-progulka-po-rayonu/mayskoe-selskoe-poselenie/. — (Дата обращения: 18.08.2025).

166. Маневич, А. Л. Страна моего детства: роман / А. Л. Маневич. — М.: Советский писатель, 1964. — 270 с.

167. МОЁ! Белгород: сайт [Электронный ресурс]. — 2016. — URL: <https://moe-belgorod.ru/news/city/348432>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

168. Молчанов, В. Е. Стихи и поэмы. 1964-2000 / В. Е. Молчанов. — Белгород: Крестьянское дело, 2002. — С. 274.

169. Морозов, А. Белгородчина моя [Электронный ресурс] / А. Морозов: текст песни. — URL: <https://l-hit.com/ru/71432>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

170. Население Перми [Электронный ресурс] // BDEX: Аналитические данные о зарплатах, населении, ценах, рынке труда в России и мире. — <https://bdex.ru/naselenie/permskiy-krai/perm> (дата обращения: 26.07.2025).

171. Неволин, Е. А. Славянск — наш город родной / Е. А. Неволин. — <http://slavyansk2.ru/gimn> (дата обращения: 18.08.2025).

172. Новозыбков — колыбель веры. О происхождении названия города. — URL: <https://novozybkov.ru/tribuna/archives/308>. — (Дата обращения: 17.07.2025).

173. Новозыбков: историко-краеведческий очерк / Е. Л. Филонова и др.; ред. В. Лозинский. — Брянск: Издательство Брянского гос. пед. ун-та, 2001. — 452 с.

174. Новозыбков: Историко-краеведческий очерк / Е. Л. Филонова, О. Т. Агеенко, Н. М. Белоус и др. — Брянск: Из-во Брянского гос. ун-та, 2001. — 484 с.

175. Основание города Перми // Пермский край: энциклопедия. [Электронный ресурс]. — <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1805045995&idParentObject=1804258144> (дата обращения: 20.07.2025).

176. Осыков, Б. И. Супруновка: страницы истории [Электронный ресурс] / Б. И. Осыков // Летопись Белогорья. — 2013. — <https://belstory.ru/bez-rubriki/suprunovka-stranits-istorii.html?ysclid=mdokei29tf587858750>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

177. Официальная страница Белгородской области ВКонтакте: сайт [Электронный ресурс]. — https://vk.com/wall-96553609_36325?w=wall-96553609_36325&z=photo-96553609_457255252%2Fwall-96553609_36325. — (Дата обращения: 18.08.2025).

178. Парковая зона, п. Дубовое: сайт // Панорамы Белгородского района. Официальный сайт губернатора и правительства Белгородской области [Электронный ресурс]. — <https://belregion.ru/region/pano/belgorod/parkovaya-zona-p-dubovoe.htm>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

179. Переписи населения // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. — <https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 26.07.2025).

180. Писатель. Журналист. Краевед: к 80-летию со дня рождения Бориса Ивановича Осыкова / Н. П. Рожкова [и др.]; под ред. Н. П. Рожковой. — Белгород: ИЦ БГУНБ, 2017. — 124 с.

181. Попка, И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы. В двух частях / И. Д. Попка. — Краснодар: Сов. Кубань, 1998. — 192 с.

182. Прогуляемся по Белгороду: сайт [Электронный ресурс]. — 2012. — URL: <https://dimitriy-kr.livejournal.com/13431.html>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

183. Районы Белгорода: Крейда: сайт // Панорамы Белгорода. Официальный сайт губернатора и правительства Белгородской области [Электронный ресурс]. — URL: <https://belregion.ru/region/pano/bel-city/kreida.htm>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

184. Святой благоверный князь Александр Невский и Беларусь [Электронный ресурс] // Александро-Невский храм. 24 июля 2021. —

<https://nevsky.by/svjatoj-blagovernyj-knjaz-aleksandr-nevskij-i-belarus/>. — (Дата обращения: 11.09.2025).

185. Симанович, Давид. Мой Шагал [Электронный ресурс] / Давид Симанович. — <https://stihi.ru/diary/vyuga62/2015-12-20> — (Дата обращения: 16.09.2025).

186. Скуратович, Христина. В Благовещенской церкви в Витебске Александр Невский обручился с княжной Александрой Брячиславной: унисон веков и традиций [Электронный ресурс] / Х. Скуратович // СБ Беларусь сегодня. — 16 ноября 2021. — <https://www.sb.by/articles/unison-vekov-i-traditsiy.html>. — (Дата обращения: 16.09.2025).

187. Собровин, В. Святое Белогорье: фотокнига / В. Собровин [и др.]; под ред. В. Собровина. — Белгород: Истоки, 1995. — 351 с.

188. Соколов, М. Магический алфавит — к картине Эрика Булата / М. Соколов // Человек и природа. — 1989. — № 10. — С. 73–77.

189. Стотметровка: сайт // Проспект Ленина — Свято-Троицкий бульвар [Электронный ресурс]. — 2012. — URL: <https://sanchess-city31.livejournal.com/29031.html>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

190. Твардовский, А. Т. Собрание сочинений. Том 1. Смоленщина / А. Т. Твардовский [Электронный ресурс]. — URL: <https://wysotsky.com/0009/325.htm>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

191. Трапезников В. Н. Летопись города Перми / В. Н. Трапезников. — Пермь, 1998. — 132 с.

192. Чен, В. Моя Белгородчина [Электронный ресурс] / В. Чен: текст песни — URL: <https://vyacheslavchen.ru/belgorod4ina>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

193. Чернухин, И. А. Запах огня [Электронный ресурс] / И. А. Чернухин. — Белгород: Константа, 2014 // Литературная Белгородчина. — URL: <http://literabel.ru/component/content/article/195-test/2226-igor-chernuxin-za-xolmom-2014.html>. — (Дата обращения: 18.08.2025).

194. Чернухин, И. А. Между прошлым и будущим: (история одной жизни): заметки литератора в 3-х ч. Кн. 1. Ч. 1. Ступени / И. А. Чернухин. — Белгород: Константа, 2012. — С. 113-123.

Сведения об авторах

Теркулов Вячеслав Исаевич. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» (г. Донецк). E-mail: terkulov@rambler.ru.

Алефиренко Николай Федорович. Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород). E-mail: alefirenko@bsuedu.ru.

Беляева Марина Юрьевна. Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной филологии. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», филиал в г. Славянске-на-Кубани (г. Славянск-на-Кубани Краснодарского края). E-mail: fliny@mail.ru.

Голикова Мария Михайловна. Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и русской литературы. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород). E-mail: golikova@bsuedu.ru.

Зайцева Ирина Павловна. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков. Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова» (Витебск, Белоруссия). E-mail: irinazaj91@mail.ru.

Кошарная Светлана Алексеевна. Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород). E-mail: kosharnaja@bsuedu.ru.

Ерофеева Елена Валентиновна. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (г. Пермь). E-mail: elenerofee@gmail.com.

Ерофеева Тамара Ивановна. Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (г. Пермь). E-mail: elenerofee@gmail.com.

Стародубец Светлана Николаевна. Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, руководитель (главный научный сотрудник) НИЛ этнолингвистических исследований материальной и духовной культуры восточнославянского пограничья. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал в г. Новозыбкове (г. Новозыбков). E-mail: starodubets.madam@yandex.ru.

Чумак-Жунь Ирина Ивановна. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и русской литературы. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород). E-mail: chumak@bsuedu.ru.

Пронченко Сергей Михайлович. Кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал в г. Новозыбкове (г. Новозыбков). E-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru.

Титова Анна Сергеевна. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русской литературы. Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород). E-mail: Titova_a@bsuedu.ru.

Черемохина Дарья Александровна. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русской литературы. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород). E-mail: cheremohina@bsuedu.ru.

Кириченко Кристина Николаевна. Магистрант первого курса направления подготовки 45.04.01 — «Филология». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (г. Брянск). E-mail: crlslalila201@gmail.com.

Гаврешак Ольга Евгеньевна. Студентка второго курса направления подготовки «Педагогическое образование», профили «Русский язык. Литература». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал в г. Новозыбкове (г. Новозыбков). E-mail: ogavresak@gmail.com.

Агошкова Россина Федоровна. Студентка второго курса направления подготовки «Педагогическое образование», профили «Русский язык. Литература». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал в г. Новозыбкове (г. Новозыбков). E-mail: agoshkovarossina@yandex.ru.

Кукса Диана Александровна. Студентка второго курса направления подготовки «Педагогическое образование», профили «Русский язык. Литература». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», филиал в г. Новозыбкове (г. Новозыбков). E-mail: kuksa.diana2015@yandex.ru.

Сведения об авторах

Научное издание

Теркулов Вячеслав Исаевич,
Алефиренко Николай Федорович,
Беляева Марина Юрьевна,
Ерофеева Елена Валентиновна,
Ерофеева Тамара Ивановна,
Зайцева Ирина Павловна,
Кошарная Светлана Алексеевна,
Стародубец Светлана Николаевна,
Чумак-Жунь Ирина Ивановна,
Голикова Мария Михайловна,
Пронченко Сергей Михайлович,
Титова Анна Сергеевна,
Черемохина Дарья Александровна,
Агошкова Россина Федоровна,
Гаврещак Ольга Евгеньевна,
Кириченко Кристина Николаевна,
Кукса Диана Александровна

Русский язык в городах России и зарубежья

Белгород, Пермь, Новозыбков, Славянск-на-Кубани, Витебск

Монография

Под редакцией В. И. Теркулова

Электронное текстовое издание

Подписано к использованию 10.12.2025.

Объем издания — 3,074 МБ.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.